

Рецензируемый научный журнал
№ 4 (48) 2025
Периодичность – 4 номера в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чертыхов В. К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь:

Челтыгмашева Л. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Члены редакционной коллегии:

Донгак У. А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Натсак О. Д., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Самрина Е. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Семашкевич В. Э., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чебокакова И. М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Челтыгмашева Л. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чистобаева Н. С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Редактор переводов:

Мечтанова Д. И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Абумова О. Д., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия

Арбачакова Л. Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Ахматова М. А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Россия

Бакчиев Т. А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика

Борисов А. А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Булгутова И. В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия

Гергилев Д. Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика

Дацышен В. Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Донгак У. А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Ефимова Л. С., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия

Ефремов Н. Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика

Жумагулов С. Б., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

Зарбалиев Х. М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика

Карамашева В. А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Килуновская М. Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия

Peer-reviewed academic journal
No. 4 (48) 2025
The journal is published quarterly

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Executive secretary:

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Members of the Editorial Board:

Uran A. Dongak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Organa D. Natsak, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Elena V. Samrina, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Vladislav E. Semashkevich, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Translator-reviser:

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia

Talantaaly A. Bakchiev, National Academy «Manas», Kyrgyzstan

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Lyudmila S. Efimova, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China

Sagymbai B. Zhumagulov, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia

Кузьмина Е. Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Курас Л. В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Кызласов И. Л., Институт археологии РАН, Россия

Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако

Мамбеталиев К. И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика

Морозова О. Н., Амурский государственный университет, Россия

Мыльникова Л. Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Нам И. В., Томский государственный университет, Россия

Николаева Н. Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Ооржак Б. Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Осава Такаши, Университет Осаки, Япония

Раджабов К. К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Семенова В. Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия

Слюсаренко И. Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Султангареева Р. А., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика

Уртегешев Н. С., Институт филологии СО РАН, Россия

Функ Д. А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Хамдамов У. А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Хуббитдинова Н. А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия

Цэдэндамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия

Чугункова А. Н., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия

Шапауов А. К., Казахский национальный университет искусств, Республика Казахстан

Шульга П. И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В. Г.
Email: badaev@sayn-altai.ru

ISSN 2304-7488

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова». 655017, Россия, г. Абакан, ул. Советская, 173.

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098

© Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2025
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2025

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-48678)

Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco

Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan

Olga N. Morozova, Amur State University, Russia

Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia

Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Takashi Osawa, Osaka University, Japan

Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Valentina G. Semyonova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Teng Hai, Shanxi Datong University, China

Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitry A. Funk, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia

Alyona N. Chugunekova, N.F. Katanov Khakass State University, Russia

Alibi K. Shapauov, Republic of Kazakhstan

Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Founders:

Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev
Email: badaev@sayn-altai.ru

Printed by «V. M. Torosov Khakass Book Publishing House». 173 Sovetskaya Str., Abakan, Russia, 655017.

The journal is included in the Russian Science Citation Index
The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Археология

Акулов А. Г.

От Монголии до Монголии: сюжеты мемориальной архитектуры в железном веке 4

Ли Цзиньсю

Краткий комментарий к тексту «Сижун Цзунсюй» в главе «Сижун 3» раздела «Бяньфан 7» из материалов *Tun dian* 21

История

Каташев М. С.

Сельскохозяйственное производство в Республике Алтай в 2000–2015 гг.: основные тенденции и особенности 40

Этнография

Кривоногов В. П.

Тубалары: современные этнические процессы 50

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

Сарбашева С. Б.

Термины почтовой службы в алтайском языке (в сопоставительном аспекте) 69

Чебоचाкова И. М.

Хакас тіліндегі перс паза араб тілдеріне кірген сөздер: оларны істескені паза алынча оңдайлары 77

Фольклористика

Арбачакова Л. Н.

Сказители и героические сказания Горной Шории (по записям А. И. Чудоякова) 92

Литературоведение

Канзычакова А. А.

Художественные особенности лирики И. Ф. Мамышева (на примере сборника «Чирим кині» – «Ось Ойкумены») 99

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Archaeology

Aleksei G. Akulov

From Mongolia to Mongolia: motifs of memorial architecture in the Iron Age 4

Li Jinxiu

A concise commentary on the “Xirong Zongxu” in the item titled “Xirong 3” of the “Bianfang 7” section of *Tongdian* 21

History

Maksim S. Katashev

Agricultural production in the Altai republic in 2000–2015: main trends and features 40

Ethnography

Viktor P. Krivonogov

The Tubalar people: modern ethnic processes 50

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

Surna B. Sarbasheva

Postal service terms in the Altai language (in a comparative aspect) 69

Irina M. Chebochakova

Persian and Arabic loanwords in the Khakass language: their study and some features 77

Folklore studies

Lyubov N. Arbachakova

Narrators and heroic epic of Gornaya Shoria (according to A. I. Chudoyakov’s notes) 92

Literary studies

Anna A. Kanzychakova

Artistic features of I. F. Mamyshev’s lyrics (on the example of the collection “Chirim kini” – “The axis of the Ecumene”) 99

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Археология

DOI 10.52782/KRIL.2025.4.48.001

УДК 902/904+72.03

ОТ МОНГОЛИИ ДО МОНГОЛИИ: СЮЖЕТЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

А.Г. Акулов

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Гаванская ул., д. 45, кв. 58, 199406, Россия; email: elteber@yandex.ru

Статья публикуется в двух номерах журнала, первая часть размещена в настоящем номере. Путем сопоставления могильников Тувы, Хакасии, Алтая, Монголии автором предпринята попытка проследить основные тенденции развития архитектуры и планировки могильников Центрально-Азиатского региона в I тыс. до н.э. Отмечается, что структура могильников достаточно четко ранжирована и представлена т.н. «престижными курганами», а также сопутствующими курганными группами зависимых людей и курганами младших родственников, терминологически определяемых автором как «сателлиты» и «миньоны» соответственно. Таким образом, структура могильника отражала социальные отношения между людьми, захороненными в соответствующих категориях курганов. Рассматриваются также закономерности и особенности размещения курганов каждой из категорий курганов в степном рельефе. Сооружаясь как элементы вмещающего пространства, курганы, помимо погребальной, выполняли также мемориальную и церемониальную функции для родового коллектива. В статье автор использует специфический терминологический аппарат, введенный в научный оборот в предыдущих своих работах.

Ключевые слова: курганная архитектура, скифская эпоха, хунно-сарматская эпоха, тагарская культура, Аржан, Чинге-Тэй, Салбык.

FROM MONGOLIA TO MONGOLIA: MOTIFS OF MEMORIAL ARCHITECTURE IN THE IRON AGE

Aleksei G. Akulov

Independent researcher, Saint-Petersburg, 45 Gavanskaya Str., apt. 58, 199406, Russia; email: elteber@yandex.ru

The article is published in two issues of the journal; the first part is published in this issue. By comparing the burial grounds of Tuva, Khakassia, Altai, and Mongolia, the author attempts to trace the main trends in the development of architecture and planning of burial grounds in the Central Asian region in the 1st millennium BC. It is noted that the structure of burial grounds is quite clearly ranked and represented by the so-called “prestigious mounds”, as well as the accompanying burial mounds of dependent people and the mounds of younger relatives, terminologically defined by the author as “satellites” and “minions” respectively. Thus, the structure of the burial ground reflected social relations among the people buried in the corresponding categories of mounds. The patterns and features of placing mounds of each category in the steppe relief are also considered. Being constructed as elements of the enclosing space, the mounds, in addition to the funeral, also performed memorial and ceremonial functions for the ancestral group. In the article, the author uses a specific terminology introduced into scientific use in his previous works.

Keywords: kurgan architecture, Scythian epoch, Xiongnu-Sarmatian epoch, Tagar culture, Arzhan, Chinge-Tei, Salbyk.

История мемориальной архитектуры Тем не менее есть некоторые частные сюжеты, в скифскую и хунно-сарматскую эпохи – тема рассмотрев которые можно увидеть, как про не для статьи, а для объемистой монографии. исходил тогда поиск новых выразительных

архитектурных решений. Судя по тому, что эти инновации оказались востребованными, они соответствовали запросам обществ той эпохи. Три таких сюжета представлены здесь.

1. За плечом властителей.

Сателлиты и миньоны

Некрополь, град усопших, всегда есть отражение града живых, а в том, что касается социальных отношений, это даже не просто отражение, а, скорее, квинтэссенция, сухой остаток положения человека в обществе. В эгалитарных первобытных обществах статус покойных не предусматривает особых погребальных сооружений. Да и знаки над захоронениями, как правило, не делаются очень долговременными, не вынуждая при новых захоронениях со всей ответственностью выбирать для него место среди предшествующих. На планах подобных могильников нам предстает, по сути, сплошной массив захоронений, там могут намечаться ряды или группировки, но это лишь нюансы в рамках общей картины. Собственно, мало чем отличаются и могильники рядовых общинников тех эпох, о которых идет речь, они часто представляют собой компактные массивы небольших и невысоких курганов, в основном с планировкой рядами (рис. 1: 1). Там встречаются даже «престижные» курганы с дополнительными каменными конструкциями, однако по размерам они незначительно отличаются, часто даже не выбиваясь из конкретного ряда. Позиционирование по отношению к этим курганам последующих сооружений если и существовало, то мы этого не улавливаем. Это вполне понятно, так как подобное кладбище есть общий мемориал коллектива, и здесь даже не очень работает противопоставление «свой-чужой», поскольку все родичи или свояки. В силу того, что расстояния между курганами невелики, то и наблюдается такое кладбище отовсюду как единое целое.

Совершенно другая картина наблюдается, когда речь идет о могильниках ранговой знати, в скифском мире, несомненно, существовавшей (в Лукиановой новелле «Скиф, или гость» говорится как минимум о четырех рангах,

на деле их, вероятно, было больше) [Болтрик, 2004, с. 87]. Каждый такой мемориал отчетливо индивидуален, виден отдельно на большом расстоянии. Соответственно, строители должны были правильно и сообразно соотносить его в пространстве с построенными ранее. Ситуация непростая, особенно если учитывать, что у знатного клана высокого ранга было немало непосредственно зависимых от него людей различного статуса – клиента, челядь, дружинники и т. д. (вероятно, в целом ряде случаев их захоронения подобало включить в мемориальный комплекс).

Наблюдая высокоранговые мемориальные ансамбли центральноазиатских кочевников, можно выделить несколько типов таких захоронений. Сейчас речь не идет о людях, погребенных непосредственно в курганах правителей (для знакомства с подобными погребениями в кургане Аржан-2 можно рекомендовать статью автора раскопок К.В. Чугунова [Чугунов, 2011, с. 264, 273–288]). Нас же интересует, как размещают вблизи мемориалов высокого ранга меньшие курганы с покойными, которые были тем или иным образом связаны с протагонистом главного сооружения.

Самый ранний памятник в этом обзоре – Урт Булагын, группа громадных трапезиевидных оград в Центральной Монголии. Несмотря на то, что его дата не определена достаточно четко (XI–VIII вв. до н. э.), он, очевидно, не младше никакого другого из представленных ниже. А главное, мемориалы Урт Булагын, имеющие, вероятно, самые крупные трапезиевидные ограды, являются памятниками подъема и расцвета той традиции, которая в предыдущей работе была нами определена как традиция восточной ориентации мемориала [Акулов, 2020, с. 88–90]. В той или иной степени и в тех или иных формах она является основой всех мемориалов нобилитета скифского мира. Это не самый исток, но от него недалеко.

К сожалению, качественного плана Урт Булагын найти не удалось. Поэтому здесь представлена схема – результат дешифровки космических снимков с интернет-ресурсов. Она заведомо неполна и, возможно, не во всех

деталей правильна, но общая картина должна быть схвачена верно. То же касается и других схем дешифрирования, сделанных при подготовке статьи.

Мы видим (рис. 1: 2) около 8 оград, практически одинаково ориентированных в восточном направлении, по большей части с некоторым отклонением к югу (о природе этого отклонения см. [Акулов, 2020, с. 90–93]). Это однозначно говорит об ориентации в эту сторону всего *мемориального ансамбля*. Соответственно, у этого архитектурного комплекса мы в состоянии определить фронтальную – фасадную, тыловую – заднюю, правую – левую стороны. Мемориалы принадлежат как минимум к трем размерным рангам и образуют два отчетливых кластера. Каждый из них включает один огромный ($\approx 400 \times 200$ м) мемориал (вокруг них есть еще зоны круглых каменных колец, они просто не читаются на космоснимках) и несколько мемориалов рангом ниже. В южном кластере два крупных ($\approx 150 \times 100$ м) мемориала и один относительно небольшой, менее 100 м по размерам; в северном только относительно небольшие. Главные мемориалы кластеров выдвинуты вперед к востоку, два менее крупных находятся по правую и левую стороны и несколько сзади от южного комплекса. Еще меньшие расположены дальше к западному борту долины. Иными словами, позади каждого кургана I ранга находятся его спутники меньших размеров. Схожую ситуацию можно видеть и на находящемся в 50 км к юго-востоку могильнике того же времени Цацын Эрег [Ковалев и др., 2014, с. 48].

Схема с космического снимка неизбежно грешит неполнотой, тем не менее вполне пригодна для сравнения с планами других высоко-ранговых мемориалов знати скифского мира, возведенных несколько позже, в VIII–VII вв. до н. э.

Схожие с Урт Булагын по своей планировке подобные группы можно наблюдать на могильниках скифской знати в Семиречье. Аналогичную ситуацию мы видим в Краснознаменском могильнике в Ставрополье. Главный мемориал этого комплекса принадлежит одному из скифских

царей VII в. до н. э. [Петренко, 2006, с. 60]. Внутренняя архитектура этого кургана, вероятно, представляет собой один из вариантов восточно-казахстанской, хотя точных аналогий пока нет. То, что в этих случаях мы имеем дело с круглыми насыпями, не имеет существенного для нашей темы значения, поскольку принцип восточной ориентации мемориала к этому времени уже можно наблюдать в могильниках нобилитета всех культур скифского мира. И на это, кстати, не в последнюю очередь указывает их планировка.

Такой тип планировки сопутствующих главному сооружению менее крупных насыпей можно охарактеризовать как тыловую сателлитную группу с нежесткой структурой. Основной мемориал здесь выдвинут вперед, к востоку. На запад или северо-запад от него находятся сателлиты – мемориалы меньших масштабов. Эти мемориалы-спутники относятся к различным размерным рангам. Видно, что в подобных группах место мемориалов разных рангов окончательно не определено, хотя заметны попытки дифференцировать одни от других. Краснознаменская группа (рис. 1: 3) раскопана полностью, и здесь можно найти объяснение принципам такой дифференциации. Помимо большого кургана 1, погребения в гробницах на горизонте, не имеющие корней на Северном Кавказе, найдены только в курганах 4 и 8. Остальные насыпи принадлежат людям, погребенным по местному обряду. Курган 4 – один из трех самых маленьких, мог принадлежать соплеменнику царя. Погребенный же в большом кургане 8 в гробнице, почти тождественной гробницам кургана 1, только несколько меньшей по размерам, – несомненно, младший член царского клана. Остальные – клиенты пришлого царя из числа местных аристократов [Петренко, 2006, с. 110–111]. Для них, включая находящийся в этой группе курган 4, можно оставить термин «*сателлиты*», младших же членов правящего клана именовать «*миньонами*». При этом миньоны везде, видимо, представляют собой одно и то же – близких родственников царя. А кто именно может находиться среди сателлитов, остается только гадать: дальние родичи, «сыновья по оружию», клиента,

нукеры, слуги. И, конечно, первых и вторых строителям и заказчикам было желательно как-то отделить друг от друга. Они пытались это сделать разными способами. Например, в Красном Знамени сателлитная группа расположена ближе миньона, в Бесшатыре (рис. 1: 6) не очень понятно, но наиболее крупные мемориалы вроде бы ближе, как и в Урт Булагын. В Тасты Озеке (рис. 1: 5) один курган высокого ранга ближе, другой – дальше сателлитной группы. Может быть, такой разницей – следствие поисков оптимальных планировочных решений для проведения церемоний. С другой стороны, возможно, в Бесшатыре и Урт Булагын это родственники разных рангов, а в Красном Знамени и схожих ансамблях – клиенты, царские слуги из свободных мужей и т.д.

Вроде бы не отличающийся по датировкам, но гораздо более структурно дифференцированный тип сателлитных групп мы видим в мемориальных ансамблях Саяно-Алтая: Аржанах 2–4, Чинге-Тэе I и раннем десятикаменном¹ «царе» Салбыкского поля (рис. 1: 3, 7–10). Здесь сателлиты вытягиваются в четкий ряд позади кургана, как бы следуя за ним. Полководец и шеренга. При этом на Салбыке более поздние курганы, видимо, принадлежащие потомкам похороненных в этой шеренге, пристраиваются за ней, начиная создавать компактное кладбище, подобное описанным выше.

В археологической литературе до сих пор повсеместно употребляется термин «цепочка курганов». Большинство исследователей не задумываются, насколько оправдано это название. У автора же этой статьи есть подозрение, что его употреблять вообще не стоит, поскольку слово «цепочка» преимущественно ассоциируется со следованием объектов один за другим, «гуськом». Гораздо точнее – «ряд», еще точнее – «шеренга». У всех курганов скифской эпохи есть ориентация сооружения, следовательно, направление, перспективы, фасад и т.д. Пишущие, что деревянные конструкции кургана Аржан в плане представляют собой круг, не видят гораздо более

сложную конфигурацию, имеющую главную архитектурную ось, и перспективу, направленную на восход солнца во время праздника, аналогичного кельтскому Самайну [Акулов, 2020]. И мемориалы, образующие так называемые «цепочки», всегда пристраиваются друг к другу отнюдь не «в колонну по одному», фасадом упираясь в тыл предыдущему, но именно с флангов. Это не бросается в глаза на «круглых» курганах, но прекрасно видно на тагарских могильниках, где ориентация сооружений абсолютно наглядна.

«Курганная линия» царских мемориалов Аржанского поля протянулась с запада на восток от кургана Аржан (рубеж IX–VIII вв. до н.э., раскопан М.П. Грязновым [Грязнов, 1980]) до кургана Аржан-2 (середина – вторая половина VII в. до н.э., раскопан К.В. Чугуновым [Чугунов и др., 2017]). Вторым в этой линии после Аржана расположен мемориал Аржан-4 размером около 90 м. Помимо сателлитной группы, на северо-запад от него находится мемориал-миньон Аржан-5 размером около 50 м, раскопки которого вела И.В. Рукавишникова [Рукавишникова, Рукавишников, 2018] (рис. 1: 7). Курган очень сильно поврежден и ограблен, тем не менее удалось установить схожесть погребального обряда и вещевого инвентаря с курганом Аржан. Сооружен он был немного позднее. Это подтвердило версию, возникшую после изучения мемориального ансамбля Краснознаменского могильника, согласно которой миньоны принадлежат членам «царского» рода, по каким-то причинам не удостоенным мемориала высшего ранга.

Если миньоны по времени сооружения вряд ли отстоят от главного мемориала ансамбля больше чем на поколение или два, то курганы в сателлитных группах вполне могли принадлежать нескольким поколениям потомков людей, непосредственно связанных с погребенным в главном кургане. Это подтверждается наличием в сателлитных группах Аржанов и раннего «царя» Салбыкского поля небольших «престижных» курганов², по внешним признакам существенно более

¹ О тагарских мемориалах с различным количеством камней см. [Акулов, Паульс, 2008].

² «Престижные курганы» – традиционно сложившееся в среде исследователей Минусинской котловины

поздних (со рвами на Аржанах, с 12 камнями в ограде на Салбыке (рис. 1: 4,7,8). Вообще, различие во внешних особенностях курганов-сателлитов может быть существенным. В одной сателлитной группе могут встречаться курганы со рвами, кромлехами, дополнительными каменными конструкциями, с совокупностью этих признаков или вовсе без них. Связано это скорее с разным происхождением погребенных в них. Не исключено и наличие в группе курганов более поздних эпох, пристроенных из-за престижности этого места или легкости добывания камня из соседних насыпей.

Каждый царский мемориал Аржанского поля, строившийся с рубежа IX–VIII вв. по вторую половину VII в. до н.э., имеет свою сателлитную группу. Заметим, что в этих группах и миньон, и самые крупные курганы сателлитной группы с дополнительными каменными конструкциями находятся от главного сооружения по азимуту 285–290°, в противоположную сторону от направления главной архитектурной оси основного мемориала. Это будет важно для дальнейших рассуждений.

А вот на более позднем царском поле, Чингетэйском, куда переносится последующее строительство царских мемориалов, наблюдается принципиально иная картина. Именно здесь мы видим переход от строительства визуально связанных, но тем не менее отдельных мемориальных ансамблей к возведению архитектурно целостного (единый комплекс масс и пустот) общего мемориального ансамбля всего царского клана.

Сателлитная шеренга первого царского мемориала этого поля Чинге-Тэй I (раскопки ведутся К.В. Чугуновым) (рис. 1: 10) немного отличается от соответствующих групп мемориалов Аржанского поля только размещением – не на северо-западе от кургана, а просто на западе. Это может объясняться как особенностями рельефа, так и (что вероятнее) влияниями с территории Казахстана, включающими, например, появление рва.

После этого, судя по изменениям формы наземного сооружения и конфигурации периферийных зон, на поле возводятся два царских мемориала Чинге-Тэй II–III, отдаленные от Чинге-Тэй I более чем на километр, но расстояние между ними меньше – 400 м от насыпи до насыпи и 300 м от границ мемориалов (у Аржанов от 2,2 до 3,5 км). А затем между ними и по обеим сторонам от них, почти вплотную друг к другу, начинают строиться мемориалы их наследников. Постепенно их планировка модифицируется, видоизменяются размеры и пропорции главных сооружений. Возникает шеренга мемориалов I–II ранга, архитектурная перспектива ее – на юго-восток, как и у аржанских мемориалов (рис. 2: 1).

А сателлиты и миньоны этих мемориалов объединяются во вторую, «заднюю», или «тыловую», шеренгу. При этом в задней шеренге выделяются мемориалы и их группы, связанные с конкретными сооружениями первой, «фасадной» шеренги. Они находятся под тем же самым азимутом, что миньоны и большие престижные сателлиты «больших» Аржанов, и также обладают рвами и дополнительными каменными конструкциями. Наиболее разительный пример – миньон самого большого на этом поле кургана Чинге-Тэй III, раскопанного А.В. Адриановым, является также самым большим и наиболее четко архитектурно оформленным в тыловой шеренге. Кроме того, он находится от Чинге-Тэй III по азимуту 293°, что совпадает с соответствующими направлениями на Аржанском поле. Аналогичные миньоны других мемориалов показаны на рисунке. Промежутки между ними в шеренге заполняют менее престижные сателлиты и более поздние захоронения.

Занимателен тот факт, что здесь уже сложнее отличить миньоны от просто сателлитов по размерам и наличию престижных конструкций. Если говорить очень упрощенно, то, видимо, происходит абсолютно нормальная для большинства династий эволюция – по мере разрастания правящего дома

название для тагарских курганов с дополнительными каменными стелами («ворота», «выносные камни») [Акулов, Паульс 2008]. На взгляд автора, этот термин вполне заслуживает быть введенным в научный оборот, по крайней мере, в применении к курганам тагарской культуры.

«удельный вес» относительно дальних родичей в политической жизни падает, «князья» растворяются в социальном слое «бояр».

Аналогичные и схожие ситуации наблюдаются на мемориалах скифской и более поздних эпох Алтая, Казахстана, Северного Кавказа. Помимо очень показательных, приведенных у С.А. Яценко [Яценко, 2016; Jacenko, 2020] (рис. 2: 2), это, например, Туэкта с несколькими сателлитными шеренгами (рис. 2: 4) или центральная часть могильника Чиликты с шеренгами миньонов и сателлитов (рис. 2: 3). Здесь, как и в других сюжетах, описываемых в этой работе, мы видим общие принципы и приемы, которые комбинируются в зависимости от местных традиций и локальных ситуаций. Помимо этого, есть и немного иные варианты планировки рядов курганов. Так, нередко встречаются ряды, в которых одна часть, преимущественно северная, состоит из крупных насыпей, другая, южная, – из более мелких (рис. 2: 5). Вероятно, что ряд развивался в обе стороны одновременно и две его части, вероятно, принадлежат двум линиям клана – старшей, правящей, и младшей, хотя возможны и иные объяснения. Другой тип развития подобного ряда наблюдается в южно-казахстанских могильниках кангюйского времени, где крупные насыпи находятся в центре ряда, мелкие же по бокам [Яценко, 2016, с. 57]. Очевидно, что периферийные мемориалы возводились позже и погребены в них или зависимые люди и их потомки, или младшие ветви клана, при этом для их современников из старших ветвей уже строились большие мемориалы на другом месте.

Собственно, разобраться в планировке и архитектуре многочисленных мемориальных ансамблей скифского времени не так уж и сложно. Основное – это понимание того, что все они ориентированы определенным образом. В разных культурах немного по-разному (на восход в весенне-летний сезон, в Самайн или в Йоль) [Акулов, 2020, с. 83], нюансы во многом зависят от локальных ландшафтных ситуаций, но архитектурная перспектива мемориалов *всегда находится в восточной половине горизонта*. Нет ни малейшего сомнения, что в основе этого лежат представления

о посмертной судьбе. Правда, надо заметить, что постепенно эта идея в архитектурных особенностях мемориалов просматривается все менее четко. Так, на место приподнятых «платформ» раннескифского времени приходят высокие насыпи, более расплывчатой становится ориентация мемориалов. Да и само выстраивание в ряд единого ансамбля крупных насыпей с небольшими промежутками между ними более напоминает дворцы вдоль городской улицы или набережной, нежели отделенные друг от друга «стартовые площадки» в иной мир. Идея «домов мертвых» становится все более и более заметной, вещественной. Но совсем идея «терминала» не уходит никуда, переживая даже эпоху переселения народов и воплощаясь в том числе в шеренгах чаа-тасов и тюркских оградок.

Причина, видимо, в том, что представление об уходе души за пределы этого мира уже стало фундаментальным, потеснив идею реинкарнации, возрождения ее здесь в новом теле. Не поспоришь, тело истлевает и в конечном итоге растворяется в утробе Матери-Земли. Но душа устремляется из Юдоли к Свету, образ которого является сюда каждый день на восходе солнца. Это – Вечное Невозвращение человека, его уход навсегда в трансцендентное, сопряженное с Вечным Невозвращением универсума, уходящего навсегда в будущее от прошлого. Этот круг идей в оградах и курганах центральноазиатских варваров, похоже, находит свое отражение чуть ли не раньше, чем в священных текстах цивилизаций.

2. Локусы и ландшафты славы: места, территории, пути

В пространстве жизни и деятельности любого человеческого сообщества есть два основных организующих его элемента – места расселения и пути движений и сообщений. Одни не существуют без других, если угодно, это просто две взаимодополняющие формы представления цивилизационной географии.

В особенности это касается подвижных народов – «кочевников суши» и «кочевников моря». Для рядового земледельца, не принадлежащего к знати или купцам, любое

перемещение за границу земель своей общины – событие. Не то для степного кочевника, массовые сезонные движения «вверх»-«вниз» и перемещения ставок правителей, торговые пути, перегоны стад и табунов на продажу к границам оседлых обществ формируют у него общее восприятие мира – бесконечного пути, пусть и с остановками. То же касается и народов-мореплавателей – греков, варягов, да и изначальной Руси – «речных викингов» Восточной Европы. Представление их о пространстве собственной жизни всегда включало как «дом», так и «путь». Иногда они сливались воедино.

Поэтому в «курганных культурах» степи освоенные территории всегда включали в качестве обязательного компонента множество хорошо заметных мест упокоения предков и предшественников. Их значимость здесь всегда была выше, чем у земледельческих кладбищ. В оседлых культурах кладбище – всегда приложение к поселению, его особая часть. В степи – самостоятельная единица ландшафта. Шатры, юрты, вагенбургги легко перемещаются, курганы и поминальные стелы стоят там, где были сооружены века назад. Это основной элемент, «кирпичик» степного культурного ландшафта, то, что отличает его от безлюдного простора.

В восточноевропейских степях, практически с самого начала строительства курганов, их начинают возводить в том числе и на водоразделах. В ямной и катакомбной культурах эпохи бронзы насыпи, строящиеся по принципу «слоеного пирога» с последовательными досыпками над впускными погребениями, достигают 3–5, а то и более метров в высоту. Они, безусловно, могли служить и в каких-то случаях служили ориентирами для путников. Более того, в большинстве степных районов Украины и Предкавказья еще столетие тому назад крупные курганные насыпи, отлично видимые с других курганов, образовывали покрывающую значительные территории сплошную сеть. Большинство этих курганов достигло высоты, близкой к современной, в эпоху ранней и средней бронзы. Однако для ориентации на местности на каких-то участках эта сеть явно избыточна, а где-то недо-

статочна, так что строилась она не для этого и пользовались ей, чтобы удостовериться в правильности пути точно так же, как пользуются любым заметным природным объектом, например, скалой или деревом. Истинной причиной же представляется то, что большой курган, особенно расположенный высоко, над долиной, видимый за много километров, это всегда демонстрация, которая без лишних сложностей позволяет надежно донести до всех простое сообщение – здесь живущие как минимум не хуже других. А то и лучше.

Тем не менее в этой восточноевропейской сети есть курганы, которые мы можем предположительно связать именно с маршрутами тогдашних путей. Существуют три основные зоны размещения курганных могильников эпохи энеолита-бронзы на западе степей: в долинах, на бровках водоразделов и на их осях. Именно последняя категория не видна из долин, естественного пространства повседневной жизни, однако на плато проходят основные пути в степи – не нужно постоянно прыгать вверх-вниз через овраги и балки. Оси водоразделов насыщены курганами, более того, курганные группы, расположенные на них, сами сильно вытянуты вдоль этих осей (рис. 4: 1). Дополнительными мотивами строительства курганов в этих местах, конечно, могли быть большая «близость к небу», нежели в долинах, или обозначение границ – но не основным, тогда бы курганы встречались преимущественно там, а этого не наблюдается.

Чем именно отличались люди, которых хоронили в курганах на осях водоразделов, по трассам древних путей? За последние шестьдесят – семьдесят лет курганов в западных степях раскопано немало, возможности синхронизировать между собой различные памятники возросли. Возможно, в будущем, после тщательного анализа материала, выявления значимых статистических отличий, мы получим ответ на этот вопрос.

В восточных, центральноазиатских, степях идеи размещения памятников в ландшафте были иными. Сюда не дошел восточноевропейский принцип возведения «слоеных пирогов» в несколько метров высотой с десят-

ками погребений. Насколько можно судить, здесь каждый человек, обладавший неким статусом, причем отнюдь не обязательно высоким (что-то вроде свободного мужа, домохозяина и отца семейства, точнее определить пока не удастся), получал после смерти пусть небольшое, но отдельное сооружение – курган или оградку¹. Исключения есть, они отнюдь не единичны, но то, что это основной принцип, не вызывает сомнений. Поэтому мы наблюдаем здесь невиданные на западе степей в эпоху бронзы могильники-кладбища, состоящие из многих десятков, а то и двух-трех сотен насыпей или оград. В основном небольших и расположенных рядом друг с другом.

Функция кургана как ориентира в восточных степях, при изобилии вокруг естественных, ярких и запоминающихся объектов, стремится к нулю. В низкогорном и среднегорном рельефе выносить погребальные комплексы на водоразделы бессмысленно. Они не выделяются в ландшафте и, как следствие, теряют свою «представительскую функцию». Теперь размещение могильника из сравнительно небольших курганов так, чтобы он был замечен среди иных объектов окружающего мира, требует существенно больше смекалки, изощренности и художественного вкуса.

Выручало большое количество легкодоступного камня. Даже просто наброска из такого камня создает привлекающее внимание пятно, отличающееся по цвету и фактуре. Когда же крупный камень используется в архитектурных элементах – крепиде, ограде, вертикальных стелах, других дополнительных каменных конструкциях, – это сразу придает памятнику сложный и запоминающийся облик.

Но самое важное – где именно построить такой могильник? И после «проб пера», длящихся две с лишним тысячи лет, к рубежу бронзового и раннего железного веков устанавливается довольно четкая система принципов, которыми руководствуются строители. Рассмотрим эти принципы на примере

рядовых могильников, поскольку мемориалы знати – особые памятники, они много сложнее, их размещение и планировка отражают амбиции властных кланов. Рядовые могильники определить несложно, они слабо дифференцированы по размерам курганов, даже «престижные» курганы с дополнительными каменными конструкциями в них лишь немного больше прочих. Узнаваемы они и по преобладанию планировки тесными рядами, расстояние между сооружениями здесь часто меньше их размера – обычная планировка кладбищ (рис. 1: 1).

Основа основ, первейший принцип, принесенный еще с запада степей, – курганный могильник не создается в пустоте. Строители всегда рассчитывают на его взаимодействие с естественными структурами пространства и иными объектами, помещая его в соответствующие декорации. Они преимущественно выбирают площадки вблизи границ ландшафтных участков. Например, в широких долинах или в котловинах могильники строятся в основном у бровок террас над рекой или, наоборот, в их тыловых частях у склонов гор. Другие характерные локусы – места размещения – могильников находятся, напротив, у сужений долин, поворотов и прижимов, у впадения логов, на поперечных увалах и перевалах (рис. 4: 2, а-д). Почему это происходит?

Подобные локусы отличает большее ландшафтное разнообразие. Открывающийся вид на различные ландшафтные участки создает пересечение различных *потоков визуального восприятия, несущих с собой различные темы*². При виде с могильника вниз в долину обозревается пространство жилое, бытовое, домашнее, обернувшись же, взгляд упирается в горы с тайгой и скалами, царство диких зверей и духов. Такое столкновение различных тем порождает конфликт на низшем уровне и гармонию на высшем, ведь и то и другое – мир, в котором жили, живут и будут жить и действовать люди, строители курганов

¹ По женщинам курганы в степях тоже возводились, хотя и менее часто. Вероятно, погребенные в них дамы при жизни обладали аналогичным статусом.

² Как обычно, когда речь идет о пространственном восприятии различных архитектурных сооружений, отсылаю к, вероятно, лучшей книге на эту тему [Саймондс, 1965].

и погребенные в них, их ушедшие и грядущие поколения. Восприятие этих образов способствует патетическому настроению, переживанию значительности как бытия коллектива, так и своего собственного существования, правильности и уместности собственной жизни, в которой ты продолжаешь дело предков, и смерти, в которой ты уступаешь место потомкам.

Памятники на бровке террасы или в ее тылу представляются связанными именно с местами стационарного долговременного пребывания людей – на зимниках или летниках. Невелика, как правило, и зона их наблюдаемости – на ширину долины, на два-три километра вдоль нее.

Другой тип ландшафтного расположения – на изгибе, прижиме, поперечном увале. Это хорошо заметные границы между участками долины, часто очень схожими. Здесь превалируют иные мотивы, связанные именно с передвижениями, и отчасти, конечно, это «могильники путей». Для скотоводов направления вверх, к летникам, и вниз, к зимникам, также несут очень важные ассоциации. Здесь тоже есть конфликт и синтез тем, сезонные перекочевки несут с собой множество ассоциаций и проекций, в том числе – социальных: направление вверх ассоциируется с родовыми горами, жизнью малыми, семейными группами, относительной незащищенностью. Напротив, вниз двигаются к открытым степям, большим социальным единицам, связям и операциям внутри них. Это разные стили жизни, между ними значимый и важный путь, и могильник, стоящий на рубеже между отрезками этого пути, встречает путников, заставляя обратить на себя внимание. Даже рядовой могильник на подобном увале через долину проецируется на линию горизонта и может быть виден на расстоянии до 5–7 км. Часто эта зона видимости начинается от аналогичного могильника на предшествующем увале.

В финале поздней бронзы и на рубеже эпох, похоже, все местоположения могильников могут быть сведены к упомянутым вариантам и их комбинациям – даже умопомрачительных размеров трапециевидные херексуры Монголии, типа Урт Булагын или Жаргалант,

что уж говорить о значительно меньших по размерам памятниках монгун-тайгинской или карасукской культуры. Но с наступлением скифского времени мир меняется, и это способствует появлению новых идей и принципов.

Лучше всего эти изменения изучены нами на тагарских могильниках. С рубежа эпох здесь существенно возрастает массивность камней ограды и вертикальных стел. Коллективы же еще неспособны выделить значительные трудовые ресурсы, им приходится экономить. Поэтому могильники этого времени находятся в непосредственной близости от скальных выходов. Такими выходами богаты ландшафты сухих низкогорий с их небольшими ложками, котловинками, понижениями, расположенными «в горах», в приподнятых частях мелкосопочников, открывающимися в большие по масштабу формы рельефа. Размеры их невелики, максимум до 100–150 м по любой оси.

В эпоху бронзы могильник строился у границы такого понижения или ложка, вблизи выхода в «большое» пространство. Однако почти с самого начала тагарской эпохи локусы могильников начинают смещать в центральную часть подобных понижений (рис. 3: 2, е-ж). Это создает абсолютно новую ситуацию соразмерности памятника ландшафтному окружению. Даже лишенный монументальности курган размером 5–7 м и с вертикалями менее метра высотой, становясь центром этой маленькой котловинки, сразу обретает определенную величественность. Тем самым он превращает невыразительный ландшафтный участок в мощное по воздействию мемориальное *пространство-артефакт*, насыщенное знаками и метафорами, функционально – церемониальное, ритуальное, медитативное, магическое пространство.

В этом пространстве борта понижения или небольшого лога становятся архитектурным обрамлением, кулисами мемориала, площадка между этими оградами и подъемом из лога или долины – аванплощадью. Сам же могильник предстает главным объектом, фокусом этого пространства небольшого масштаба. Частные архитектурные решения варьируются в зави-

симости от различных ландшафтных реалий. Могильник может быть в центре этого понижения, тогда получается торжественная симметричная осевая композиция. Напротив, он может быть смещен к одному из бортов, тогда появляется дополнительная площадка между сооружениями и дальним бортом, на которую могут, например, выходить ворота ограды или устанавливаться выносной камень. Очень важно то, что в любом случае на подобных мемориалах возникает ощущение спокойствия, уюта, отдыха, интимного неспешного общения с памятником и его протагонистом. При этом чувство замкнутости, стесненности здесь отсутствует в силу того, что один из секторов обзора всегда открыт в «большой мир». Величина этого «окна» не имеет значения, поскольку достаточно одного фрагмента вида, чтобы сознание само достроило недостающее.

Подобный тип размещения памятников в отделенном от «большого» мира, не наблюдаемом из него «скрытом» малом пространстве мы будем называть «*криптой*». Судя по внешнему облику курганов, в тагарской культуре такое размещение могильников начинается в X – IX вв. до н.э. [Алексеев и др., 2005, с. 109–117; Акулов, Паульс, 2008].

Так, не привлекая дополнительного ресурса, просто целенаправленно строя мемориал в соразмерном ему пространстве, архитекторы могильников резко повысили его эффектность, монументальность, в конечном счете – престиж. Революционной инновацией стало осознание мемориала как единства сооружений и окружающего пространства. Это было по достоинству оценено создателями памятников и их «заказчиками» – быстро формирующейся знатью. «Ландшафтное проектирование» мест упокоения властных кланов становится одной из главных составляющих архитектурной традиции. Мемориалы нобилиитета в ландшафтных криптах и «макрокриптах» – крупных территориях, окруженных горами, – строятся по всему Саяно-Алтаю. Не надо думать, что это пространства смерти, хоть они и связаны с погребениями. Это – мемориальные пространства Памяти и Славы. Славы отдельных людей, кланов, племен.

Примеров красивейших мемориалов знати в криптах много. В тагарской культуре это шедевры ранней архитектуры – могильники Сафронов и Сорай. Если речь идет о более поздних памятниках начала сарагашенского времени, безусловно, это «большие крипты для больших курганов» Кизлас, Барсучий Лог и, пожалуй, Салбык. Говоря обо всей Центральной Азии, конечно, надо упомянуть совершенно фантастический мемориал Баркуль с самым крупным херексуром из известных нам, а из относительно поздних, без сомнения, Пазырык. Безусловные крипты – могильники хунну, такие как Ноин-Ула и Ильмовая падь. К криптам можно было бы отнести и великолепные курганные поля Турано-Уюкской котловины – Чингетейское, Аржанское, Кектонское и другие. С той оговоркой, что они существуют не сами по себе, а в макрокрипте этой котловины [Акулов, в печати].

Учитывая полученную недавно радиоуглеродную датировку образцов из мемориала Туннуг – вторая половина IX в. до н.э. [Садыков и др., 2019, с. 29–30], – вероятно, это самая ранняя макрокрипта скифского мира, возможно, послужившая образцом для других (рис. 4: 1). Структурная схема макрокрипт проста – степная котловина значительных размеров в десятки километров, окруженная горами, доступ в которую затруднен. Другие широко известные примеры – Чиликты (рис. 4: 2) в Тарбагатае, котловины Кескентерека в Джунгарском Алатау и Кегена в Восточном Тянь-Шане. О метафизических мотивах подобного размещения писал Вл. А. Семенов [Семенов, 2002], и мне представляется совершенно верным его мнение, что подобная структура представляет собой «естественную мандалу». Подобным образом покойных династов помещают в центр мира по существующей в культуре мифологической модели. И по этой модели строится не просто отдельное мемориальное пространство, но совокупность таких пространств – мемориальный ландшафт.

Крипты и макрокрипты – блестящее решение, лучшего размещения мемориальных

памятников с тех пор, пожалуй, и не придумано. Оно парадоксально сочетает одно-временное присутствие пространств разных масштабов, от интимного до грандиозного, величественные виды и возможность медитативного частного общения с мысленным образом погребенного. Схема «естественной мандалы», реализуемая в макрокрипах и предполагающая кольцевидное окружение горами, лесами, реками, еще раз подтверждает, что это следующий, высший уровень мемориала местной знати, превращение его в мемориал знати региональной. Так, на севере Тувы мы видим, что представители кланов нобилей высшего ранга скифского времени похоронены именно в Турано-Уюкской котловине. Размер курганов на мемориальных полях здесь достигает 100 м, в иных же могильниках между Западным Саяном и Енисеем он не превышает 30–35 м.

Однако на всех царей и царьков скифского мира таких ландшафтов не хватит, к тому же, вероятно, правители и их зодчие начинают искать новые, еще не примелькавшиеся подходы и решения. Мы их можем наблюдать. Огромные мемориалы правителей, типа Бешатыра, Бугров и восточноевропейских «царских курганов», просто стоят в открытой степи, иногда на невысоком увале, иногда – вообще на плоской равнине. Возможно, это некий ход «от противного», часто встречающийся при смене стилей и мод. Отметим, что отсутствует прямая корреляция между мемориальными ансамблями высшего ранга и степными путями. Скорее есть обратная – они принципиально не имеют к ним отношения.

А что же в железном веке с «могильниками пути»? Они, очевидно, есть, но мы не в состоянии их четко идентифицировать. Имеются факты, допускающие подобную интерпретацию. Например, в Минусинской котловине в раннетагарское время могильники практически не строятся в низкогорьях Косинского хребта и Батеневского кряжа, разделяющих густонаселенные котловины – Чулымо-Енисейскую, Сыда-Ербинскую, Южно-Минусинскую. Они появляются там во время расцвета тагарской культуры, в раннесарагашенское время, хотя ничто не указы-

вает на изменение структуры расселения. Пути между котловинами через невысокие горы как были, так и остались. Рост плотности населения, видимо, имел место, но явно не до такой степени, чтобы в котловинах не осталось удобных мест для могильников. Сменился, скорее всего, некий принцип их строительства, и это любопытным образом совпадает по времени с другой историко-географической ситуацией.

Путь между Минусинской котловиной и Центральной Монголией (верховьями Селенги, восточными склонами Хангая), судя по параллелям между культурами того и другого региона в разные исторические эпохи, прежде всего – в эпоху бронзы, шел не через Туранскую или Центрально-Тувинскую котловину, а восточнее – через Тоджу (рис. 4: 3). И именно в алды-бельское время, синхронное раннему сарагашенскому, здесь существуют курганные могильники, маркирующие, судя по их расположению, этот важнейший для региона путь. Правда, остается не совсем понятным, каким именно образом он был связан со строителями могильников, до какой степени здесь стали постоянно пребывать те или иные коллективы, благополучию которых этот путь способствовал. Вероятно, на этот вопрос ответят будущие исследования.

Массовые движения центральноазиатских племен и народов в хунно-сарматское время привели к ломке старой системы организации мемориальных пространств. Кое-где масштабное курганное строительство сохраняется, примером могут служить крупные курганы тесинского времени в Минусинской котловине. Здесь строители частично достраивают прежние могильники, частично же выносят большие насыпи с коллективными погребениями на всеобщее обозрение на высокую террасу или водораздел. Тем самым они воскрешают, казалось бы, надежно забытый принцип, характерный для памятников западных степей. Так начинается новый взлет демонстративности, который в полной мере воплотят наследующие им строители чаатасов Минусы и кыргызских курганов Тувы. Это некоторое упрощение, но еще проще поступают те, кто хоронят в тесино-таштыкских и кокэльских «грунтовых» могильниках

с аморфными каменными сооружениями небольшой высоты. Они просто пристраиваются к существующим крупным насыпям, не обращая внимания на их ландшафтное расположение. Но это лишь с изрядной натяжкой можно называть курганной традицией.

Литература

- Акулов А.Г.** Взлет к востоку: мемориальная архитектура Центральной Азии в древности // *Археологические вести*. 2020. Вып. 26. С. 81–97.
- Акулов А.Г., Паульс Е.Д.** К изучению тагарской курганной архитектуры // *Труды II (XVIII) археологического съезда в Суздале*. М., 2008. Т. II. С. 5–8.
- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт Й. ван дер, Поснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В.** Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Болтрик Ю.В.** Социальная структура Скифии IV в. до н.э., отраженная в погребальных памятниках // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. Kraków: Księgarnia akademicka, 2004. S. 85–91.
- Грязнов М.П.** Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- Ковалев А.А., Рукавишников И.В., Эрдэнэбаттар Д.** Оленные камни – это памятники-кенотафы // *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 41–54.
- Петренко В.Г.** Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М., Берлин, Бордо: «Палеограф», 2006. 310 с., 126 ил.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1960. 360 с., 128 с. табл.
- Рукавишников И.В., Рукавишников Д.В.** Исследования погребально-поминального комплекса Аржан 5 в Пий-Хемском районе // *Археологические открытия 2016 г.* М.: ИА РАН, 2018. С. 442–444.
- Садыков Т.Р., Каспари Дж., Блохин Е.К.** Раннескифский курган Туннуг-1: результаты первых работ на южной периферии памятника // *Теория и практика археологических исследований*. СПб., 2019. Т. 25. № 1. С. 29–38.
- Саймондс Дж. О.** Ландшафт и архитектура. М.: Изд-во лит-ры по строительству, 1965. 190 с.
- Семенов Вл. А.** Курган Аржан – пространственная модель мира ранних кочевников Центральной Азии // *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Донецк: ДонНУ, 2002. Т. 1. С. 207–232.
- Чугунов К.В.** Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // *Российский археологический ежегодник*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. Вып. 1. С. 262–335.
- Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г.** Аржан-2. Царский курган скифского времени в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Яценко С.А.** О планировке элитарных некрополей и элитарных участков в некрополях ранних кочевников степи // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск, 2016. Вып. 8. С. 46–75.
- Jacenko S.** Planigráfia és társadalmi szerep az isi iráni nomádok temetiiben // *Kelet Kapuja*. 2019. Vol. III/9. O. 56–73 (на венг. яз.).

References

- Akulov A.G.** Rise to the East: memorial architecture of Central Asia in ancient times [Vzlet k vostoku: memorialnaya arkhitektura Tsentralnoi Azii v drevnosti]. *Archaeological News*. 2020, issue 26, pp. 81–97. (In Russian)
- Akulov A.G., Pauls E.D.** On the study of Tagar kurgan architecture [K izucheniyu tagarskoi kurgannoi arkhitekturi]. In: *Proceedings of the 2nd (18) Archaeological Congress in Suzdal, Moscow, 2008*, vol. 2, pp. 5–8. (In Russian)
- Alekseev A. Yu., Bokovenko N.A., Vasiliev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I., Kovalyukh N.N., Cook G., Plicht Y. van der, Possnert G., Sementsov A.A., Scott E.M., Chugunov K.V.** Eurasia in the Scythian epoch: radiocarbon and archaeological chronology [Yevraziya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya]. Saint-Petersburg, Teza, 2005, 290 p. (In Russian)
- Boltrick Yu.V.** The social structure of Scythia in the IV century BC, reflected in funerary monuments [Sotsialnaya struktura Skifii IV v. do n. e., otrazhennaya v pogrebalnikh pamyatnikakh]. *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. Krakow, Księgarnia Akademicka, 2004, pp. 85–91. (In Polish)

- Chugunov K. V.** Arzhan-2: reconstruction of the stages of functioning of the funeral and memorial complex and some issues of its chronology [Arzhan-2: rekonstruktsiya etapov funktsionirovaniya pogrebalno-pominalnogo kompleksa i nekotore voprosi yego khronologii]. *The Russian Archaeological Yearbook*. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Press, 2011, issue 1, pp. 262–335. (In Russian)
- Chugunov K. V., Nagler A., Parzinger G.** Arzhan-2. The Royal Kurgan of the Scythian period in Tuva [Tsarskii kurgan skifskogo vremeni v Tuve]. Novosibirsk, the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2017, 500 p. (In Russian)
- Gryaznov M. P.** Arzhan. The Royal Kurgan of the Early Scythian period [Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni]. Leningrad, Nauka, 1980, 64 p. (In Russian)
- Jacenko S.** Planigráfia és társadalmi szerep az isi iráni nomádok temetiiben. Kelet Kapuja. 2019, vol. 3/9, pp. 56–73. (In Hungarian)
- Kovalev A. A., Rukavishnikova I. V., Erdenebaatar D.** Deer stones are cenotaph monuments [Olennie kamni – eto pamyatniki-kenotafi]. Ancient and medieval sculptures of Central Asia. Barnaul, Altai State University Press, 2014, pp. 41–54. (In Russian)
- Petrenko V. G.** The Krasnoznamensk Burial Ground. Elite burial mounds of the Early Scythian epoch in the North Caucasus [Krasnoznamenskii mogilnik. Elitnie kurgani ranneskifskoi epokhi na Severnom Kavkaze.]. Moscow, Berlin, Bordeaux, Paleograf, 2006, 310 p. (In Russian)
- Rudenko S. I.** Culture of the population of Central Altai in the Scythian period [Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya]. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1960, 360 p. (In Russian)
- Rukavishnikova I. V., Rukavishnikov D. V.** Research of the funeral and memorial complex Arzhan 5 in the Pii-Khem Region [Issledovaniya pogrebalno-pominalnogo kompleksa Arzhan 5 v Pii-Khemskom raione]. Archaeological discoveries 2016. Moscow, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Press, 2018, pp. 442–444. (In Russian)
- Sadykov T. R., Kaspari J., Blokhin E. K.** The Early Scythian Tunnug-1 mound: results of the first works on the southern periphery of the monument [Ranneskifskii kurgan Tunnug-1: rezultati pervikh rabot na yuzhnoi periferii pamyatnika]. *Theory and Practice of Archaeological Research*. Saint-Petersburg, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 29–38. (In Russian)
- Semenov V. A.** Kurgan Arzhan – a spatial model of the world of the early nomads in Central Asia [Kurgan Arzhan – prostranstvennaya model mira rannikh kochevnikov Tsentralnoi Azii]. In: Structural and Semiotic Research in Archaeology. Donetsk, Donna, 2002, vol. 1, pp. 207–232. (In Russian)
- Simonds J. O.** Landscape and architecture [Landshaft i arkhitektura]. Moscow, Publishing House of Literature on Construction, 1965, 190 p. (In Russian)
- Yatsenko S. A.** On the planning of elite necropolises and elite sites in the necropolises of the early nomads of the steppe [O planirovke elitarnikh nekropolei i elitarnikh uchastkov v nekropolyakh rannikh kochevnikov stepi]. *Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. Sevastopol, Tyumen, Nizhnevartovsk, 2016, issue 8, pp. 46–75. (In Russian)

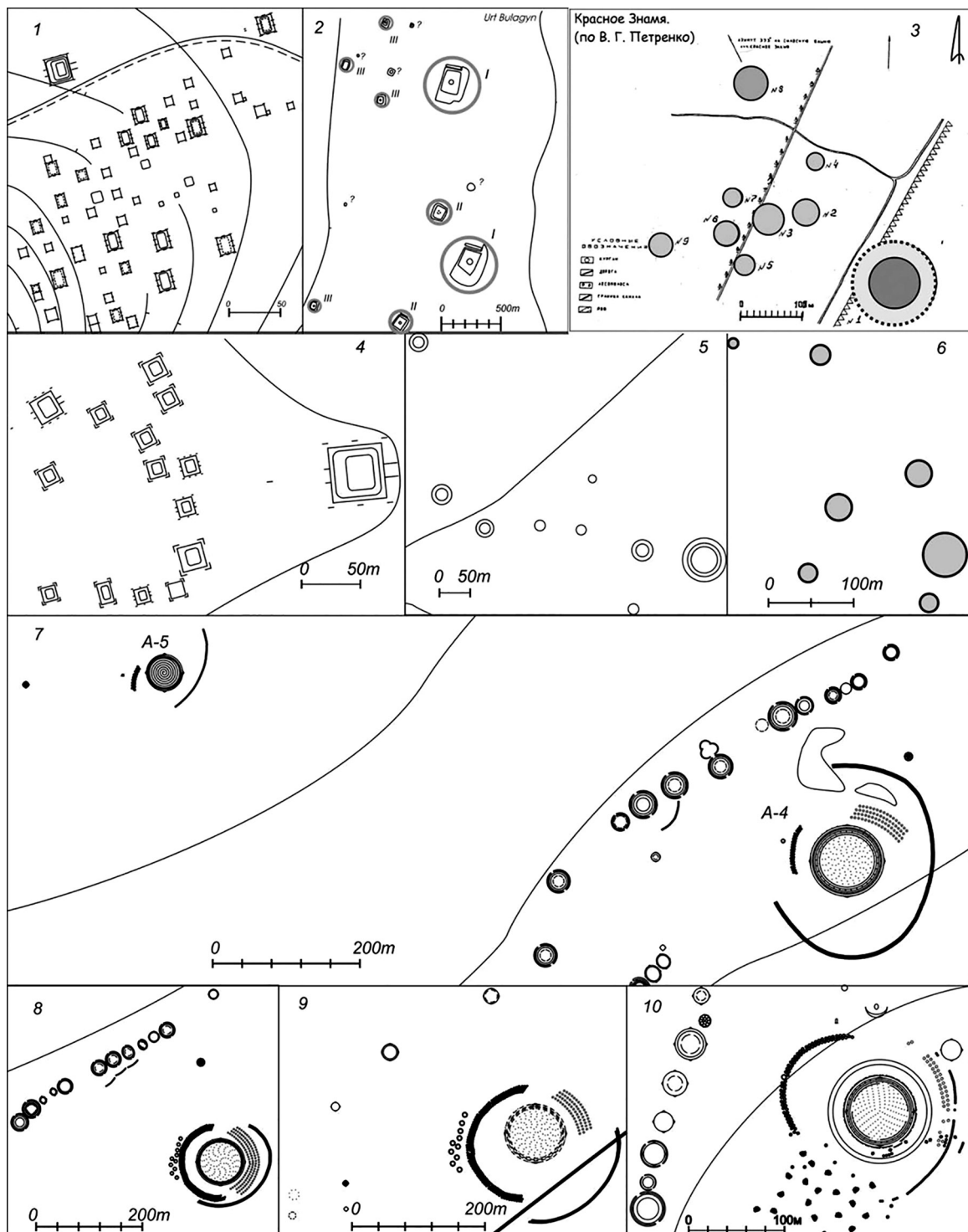

Рисунок 1. Планировки мемориалов скифского времени. 1. Компактный массив. Могильник Чалгысхыр. 2–10. Планировки мемориалов с спутникными группами и миньонами (2 – Урт Булагын; 3 – Краснознаменский могильник [по: Петренко, 2006, рис. 1]; 4 – Салбык, ранний «царь»; 5 – Тасты-Озек; 6 – Бесшатыр, центральная часть; 7 – Аржан-4, 5; 8 – Аржан-3; 9 – Аржан-2; 10 – Чинге-Тэй 1 (1, 4, 7, 10 – GPS-съёмки автора; 2, 5, 6 – схемы, дешифрованные автором с космических снимков).

Figure 1. Layout of the memorials of the Scythian period. 1. Compact mound. Chalgyskhyr burial ground. 2–10. Memorial layouts with satellite groups and minions (2 – Urt Bulagyn; 3 – the Krasnoznamensk burial ground [according to Petrenko, 2006, fig. 1]; 4 – Salbyk, the early “tsar”; 5 – Tasty-Ozek; 6 – Besshatyr, the central part; 7 – Arzhan-4, 5; 8 – Arzhan-3; 9 – Arzhan-2; 10 – Chinge-Tei 1. (1, 4, 7, 10 – the author’s GPS images; 2, 5, 6 – the diagrams deciphered by the author from satellite images).

Рисунок 2. Архитектурные ансамбли скифского времени. 1 – Чингетэйское поле; 2,5 – мемориалы Казахстана [по: Яценко, 2016, рис. 14; Яценко, 2019, кеп. 3]; 3 – Чиликты; 4 – Туэкта [по: Руденко, 1960, рис. 52] (1 – GPS-съемка автора; 3 – схема, дешифрованная автором с космических снимков).

Figure 2. Architectural ensembles of the Scythian period. 1 – Chingetey field; 2, 5 – memorials of Kazakhstan [according to Yatsenko, 2016, fig. 14; Jacenko, 2019, kep. 3]; 3 – Chilikty; 4 – Tuekta [according to Rudenko, 1960, fig. 52] (1 – the author's GPS image; 3 – the scheme deciphered by the author from satellite images).

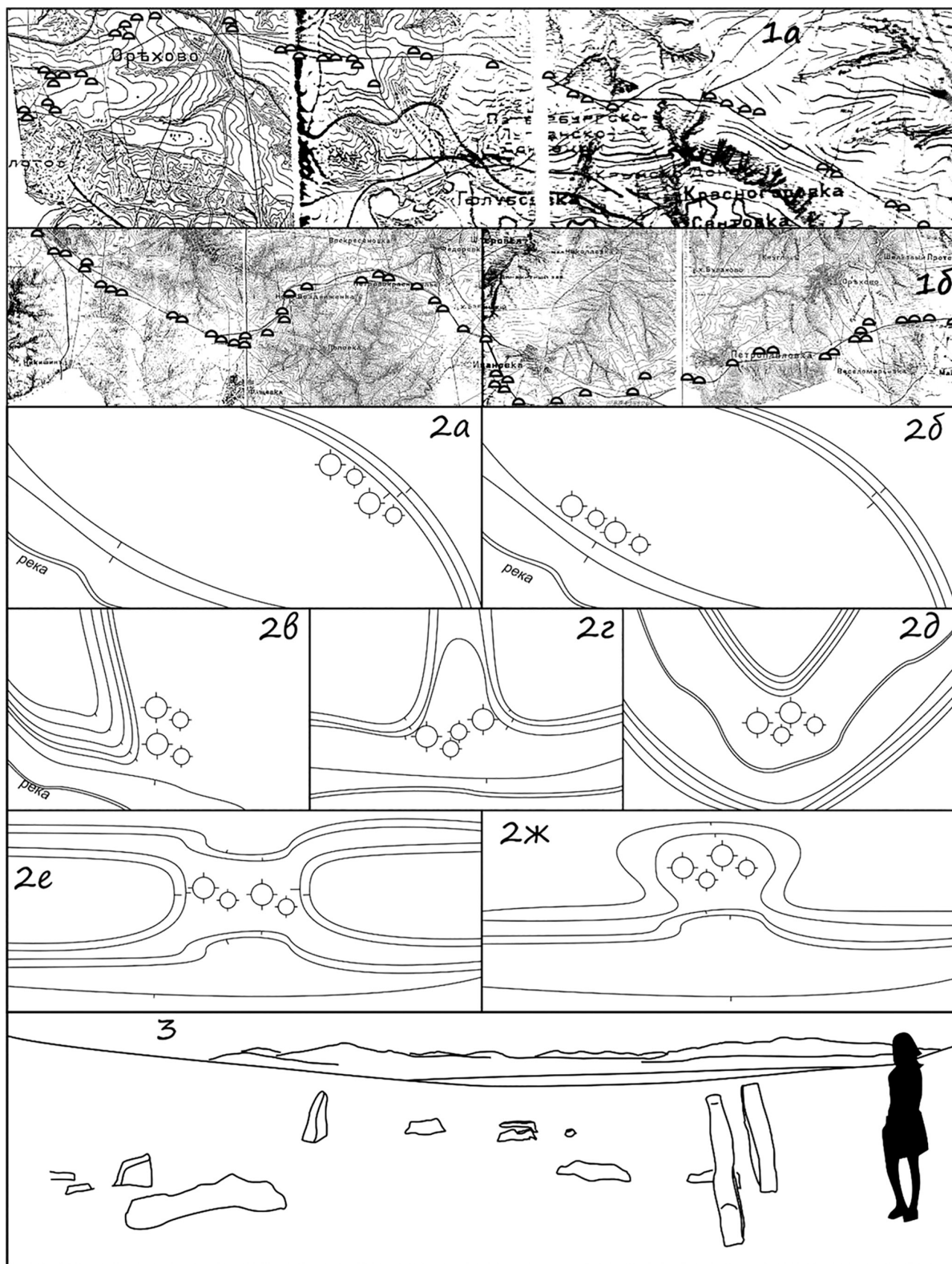

Рисунок 3. Курганные памятники в ландшафте. 1. Возможные «могильники пути» по осям крупных водоразделов: а) Бахмутский шлях; б) центральный водораздел Донецкого кряжа. 2. Стандартные локусы могильников рубежа бронзового и железного веков в Южной Сибири и Центральной Азии: а-д – края ландшафтных участков (лимесы) е-ж – обособленные пространства (крипты). 3. Вид небольшого раннетагарского могильника в крипте.

Figure 3. Kurgan sites in the landscape. 1. Possible "burial ground ways" along the axes of major watersheds: а) the Bakhmut shlyakh; б) the central watershed of the Donetsk Ridge. 2. Standard loci of burial grounds at the turn of the Bronze and Iron Ages in South Siberia and Central Asia: а-д – edges of landscape areas (limes) е-ж – isolated spaces (crypts). 3. View of a small Early Tagar burial ground in the crypt.

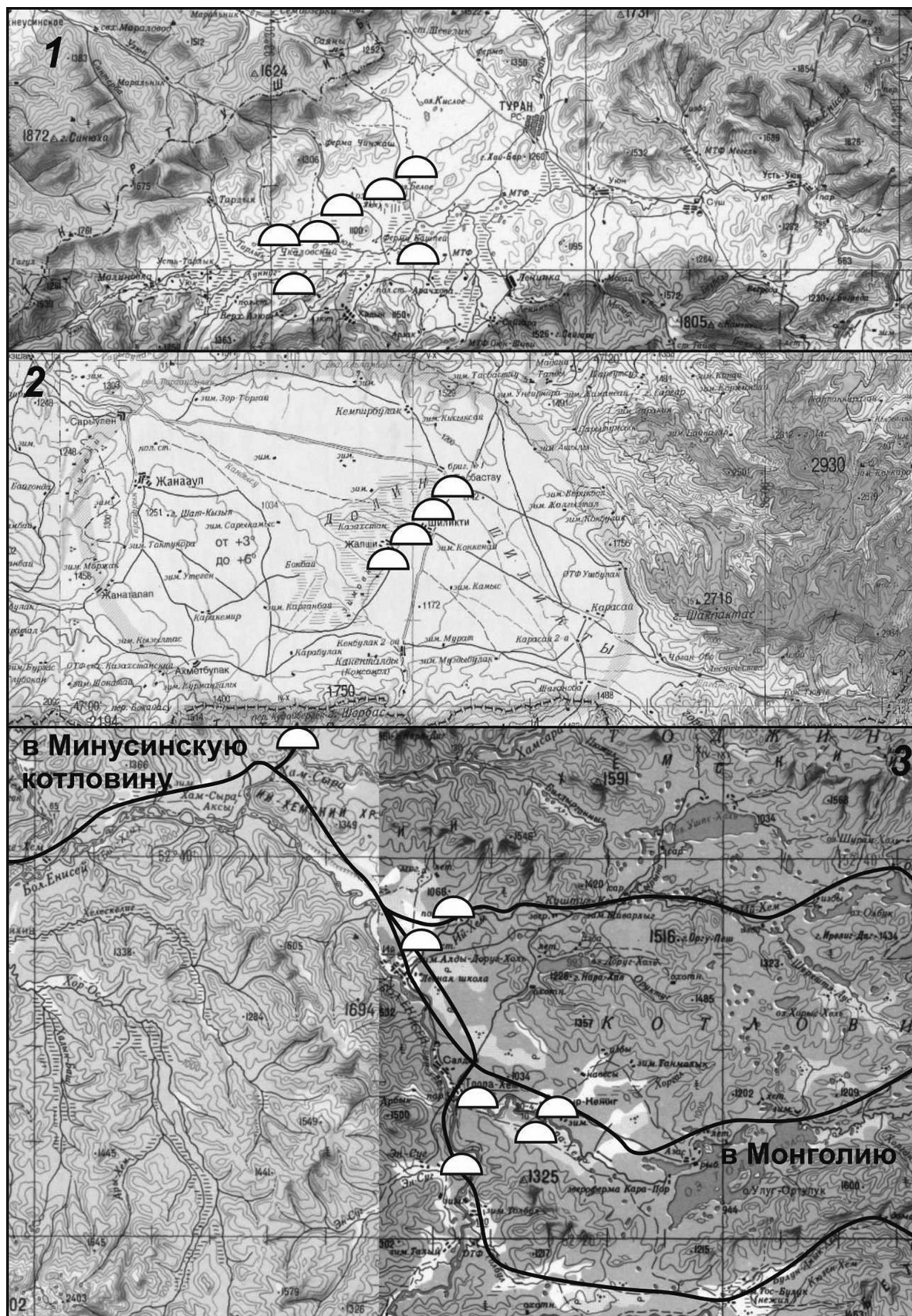

Рисунок 4. Макрокрипты и возможные «могильники пути» в Тодже. 1. Туранская котловина. 2. Чиликтинская котловина. 3. Пути из Минусинской котловины в Центральную Монголию и могильники в Тодже.

Figure 4. Macrocripts and possible “burial ground ways” in Todzha. 1. The Turan Basin. 2. The Chilik Basin. 3. Routes from the Minusinsk Basin to Central Mongolia and burial grounds in Todzha.

КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ТЕКСТУ «СИЖУН ЦЗУНСЮЙ» В ГЛАВЕ «СИЖУН 3» РАЗДЕЛА «БЯНЬФАН 7» ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТУН ДЯНЬ¹

Ли Цзиньсю

Институт древней истории Китайской академии общественных наук, Стэдиум Норт Роуд, 1, район Чаоян, 100101, Пекин, Китай, email: lijinxu2100@126.com

«Сижун цзунсюй» 西戎總序 (Общее предисловие о западных жунах) в главе «Сижун 3» 西戎 раздела «Бяньфан 7» 邊防 из китайской исторической энциклопедии государственного управления *Тун дянь* 通典 (гл. 191), написанное Ду Ю 杜佑, является самой объемной работой из всех «Кратких предисловий» раздела «Бяньфан дянь» энциклопедии *Тун дянь*, вероятно, поэтому данное «Краткое предисловие» носит название «Общее предисловие». Судя по содержанию, «Сижун цзунсюй» включает в себя как историю управления Западными регионами со времен династии Хань 漢 до эпохи Тан 唐, так и принципы составления разделов, посвященных Западным регионам. «Сижун цзунсюй» можно рассматривать как краткую историю управления Западными регионами со времен династии Хань до эпохи Тан. Данная статья представляет собой краткий комментарий к тексту «Сижун цзунсюй» из энциклопедии *Тун дянь*.

Ключевые слова: Западные регионы, Тун дянь, Ду Ю, династия Хань, династия Тан, Сижун цзунсюй, Чжан Цянь, Сиюй Чжуань.

A CONCISE COMMENTARY ON THE “XIRONG ZONGXU” IN THE ITEM TITLED “XIRONG 3” OF THE “BIANFANG 7” SECTION OF *TONGDIAN*

Li Jinxiu

Institute of Ancient History, Chinese Academy of Social Sciences, 1 Stadium North Road, Chaoyang District, 100101, Beijing, China, email: lijinxu2100@126.com

The “Xirong zongxu” 西戎總序 (a General Preface on the Western Rong) in the item titled “Xirong 西戎 3” of the “Bianfang 邊防 7” section of *Tongdian* 通典 (ch. 191), written by Duyou 杜佑 is the longest of all the “Brief Prefaces” in the “Bianfang Dian” section of *Tongdian*, and it may be why this particular “Brief Preface” is termed the “General Preface”. Seen from its content, “Xirong zongxu” includes both the history of managing the Western Regions from Han 漢 to Tang 唐 times and the principles behind the compilation of the sections treating the Western Regions. “Xirong zongxu” can simply be considered as a brief history of the management of the Western Regions from Han to Tang times. This paper is to provide a concise commentary on the “Xirong zongxu” in *Tongdian*.

Keywords: Western Regions, Tongdian, Du You, Han dynasty, Tang dynasty, Xirong zongxu, Zhang Qian, Xiyu zhuan.

及超被徵，以任尚爲都護，^[73]尚謂超曰：“猥承君後，宜以誨之。”超曰：“塞外吏士，本非孝子順孫，皆以罪過徙補邊屯。而蠻夷懷鳥獸之心，難養易敗。今君性嚴急，水清無大魚，察政不得下和。宜蕩佚簡易，寬小過，總大綱而已。”超去後，尚私謂所親曰：“我以班君當有奇策，今所言平平耳。”尚至數年，安帝初，西域背叛，如超所誡。^[74]頻攻圍都護任尚、段禧等，朝廷以其險遠，難相應赴，詔罷都護，由此遂棄西域。北匈奴即復收屬諸國，共爲邊寇十餘歲。敦煌太守曹宗請出兵

擊匈奴，復欲進取西域。鄧太后不許，但令置護西域副校尉，居燉煌，羈縻而已。^[75] (pp. 380–382)

When [Ban] Chao [班]超 was recalled and Ren Shang 任尚 was made Protector-General. [Ren] Shang addressed [Ban] Chao saying: “As I am to be your unworthy successor, it would be good of you to give me some instruction”. [Ban] Chao replied: “The officers and soldiers beyond the frontier are not gentlemen in truth. They all have been guilty of misconduct and so

¹ Первая часть статьи опубликована в №3(47) рецензируемого научного журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая» в 2025 г.

were transferred to the frontier settlements. And the barbarians have the hearts of wild birds and beasts, difficult to nurture but easy to corrupt. Now your character is strict and zealous. When the water is too clear, it would have no large fish: govern by harsh demands and you will lose the cooperation of your subordinates. You should be easygoing, not fussy, and lenient in regard to small transgressions; adhere to general principles and nothing more". After [Ban] Chao had left, [Ren] Shang said to his kinsfolk: "I had thought that [Ban] Chao must have had some marvelous policy, but there was nothing special about what he told me today".

At the beginning of the Yongchu 永初 reign-period of Emperor An 安, the Western Regions rebelled and as [Ban] Chao had warned. The various states incessantly attacked and besieged Ren Shang, the Protector-General, and Duan Xi 段禧 and others. The Imperial Court thought that the Western Regions were dangerous, distant, and difficult to reinforce, the Western Regions were subsequently abandoned. The Northern Xiongnu at once resumed their sovereignty over the various states, and together they harassed the border for ten years and more. The Administrator of Dunhuang 敦煌, Cao Zong 曹宗, sent a written message to the Emperor asking permission to dispatch troops to attack the Xiongnu, and wanted to advance and control the Western Regions. However, the Empress Dowager Deng 鄧 would not allow it, and merely ordered the establishment of a Deputy Colonel of the Western Regions, who resided at Dunhuang; merely in order to keep in contact with the various states. After this the northern savages along with Jushi continuously invaded and raided the Hexi 河西 region. The imperial court was not able to stop them, and for this reason it was proposed that the Yumen ^[70] and the Yang Barriers be closed so as to end the trouble.

^[73] Ren Shang's 任尚 being appointed Protector-General started to hold that office in the fourteenth year [102 CE] of the Yongyuan 永元 reign-period. According to the "Andi ji 安帝紀" and "Liang Jin liezhuan 梁懂列傳" quoted earlier, Liang Jin's term lasted until after the ninth month of the first year [106 CE] of the Yanping 延平 reign-period.

^[74] This paragraph is based on the "Bancao zhuan 班超傳" of *Houhan shu*. Only the three characters "Andi chu 安帝初" is added according to the statement "the first year of the Yongchu 永初 reign-period of Emperor An 安" in the "Xiyu zhuan" of *Houhan shu*. On the one hand, this because Ren Shang's "result of improper administration", which made shock greatly the foundation of Han's ruling in the Western Regions and exerted the great influence. On the other hand, the probably the more important reason, Du You believed that Ban Chao's words had the referential significance for the management of the Western Regions, thus put it in the "brief preface".

^[75] This paragraph is based on the "Xiyu zhuan" of *Houhan shu*. However in the "Xiyu zhuan" of *Houhan shu* it is also recorded that "In the sixth year of the Yuanchu 元初 reign-period, because of concerns over their incursions, the Administrator of Dunhuang, Cao Zong 曹宗, sent a written message to the emperor asking permission to dispatch Suo Ban 索班, who was concurrently performing the duty of the Chief Official, to station one thousand men at Yiwu 伊吾 to pacify it. Thereupon the king of the state of Nearer Jushi and the king of Shanshan came over and surrendered. Several months later, the Northern Xiongnu also led the king of the tribe of Further Jushi to attack and kill Suo Ban and others, thus driving the king of the tribe of Nearer Jushi away. Shanshan was in imminent danger and asked for help from [the Administrator of Dunhuang] Cao Zong. [Cao] Zong thus begged to dispatch troops to attack the Xiongnu and avenge the insult to Suo Ban, and wanted to advance and control the Western Regions", which is recorded roughly by *Tongdian*.

其後匈奴連與車師入寇河西，漢不能禁，議者因欲閉玉門、陽關，以絕其患。 ^[76] (p. 382)

After this the Xiongnu along with Jushi continuously invaded and raided the Hexi region. The Han court was not able to stop them, and for this reason it was proposed that the Yumen and the Yang Barriers be closed so as to end the trouble.

^[76] This paragraph is based on the "Xiyu zhuan" of *Houhan shu*. The "Northern savages" is changed for "Xiongnu".

尚書陳忠上疏曰：“臣聞八蠻之寇，莫甚北虜。高祖窘平城之圍，文帝屈供奉之恥。故孝武憤

怒，深惟久長之計，命遣武臣，浮河絕漠，窮破虜庭。遂開河西四郡，以隔絕南羌，收三十六國，斷匈奴右臂。是以單于孤特，竄跡遠藏。由此觀之，戎狄可以威服，難以化狎。西域內附日久，區區東向扣關者數矣，此其不樂匈奴、慕漢之效也。今北虜已破車師，勢必南攻鄯善，弃而不救，則諸國從矣。若然，則虜財賄益增，膽勢益殖，威臨南羌，與之交連。如此，河西四郡危矣。河西既危，不得不救，則百倍之役興，不訾之費發矣。議者但念西國絕遠，卹之煩費，不見先代苦心勤勞之意也。臣以爲燉煌宜置校尉，按舊增四郡屯兵，以西撫諸國。庶足折衝萬里，震怖匈奴。”^[77] (pp. 382–388)

The Imperial Secretary Chen Zhong 陳忠 presented a memorandum to the throne in which he said: “I have heard that, of the eight kinds of Man 蠻 barbarians, none are more formidable than the northern savages. When the Han came to power they embarrassed Emperor Gaozu 高祖 when they besieged him in Pingcheng 平城 and they forced Emperor Wen 文 to suffer the humiliation of presenting tribute. Therefore Emperor Xiaowu, full of anger, thought deeply about a long-term strategy, then sent military officers to cross the [Yellow] River and the desert in pursuit of the savages’ court, crushing it. Subsequently he opened up the four prefectures in the Hexi region in order to isolate the southern Qiang 羌, take charge of the thirty-six states, and cut off the right arm of the Xiongnu. This left the *Chanyu* 單于 all alone, so he scurried off to hide himself in distant parts. Thus it will be observed that the Rong and Di could be overawed but were difficult to domesticate. The Western Regions have submitted to Han for a long time. Humbly, looking to the east, and the states which come knocking at the barriers are numerous. This [is the result of] their unhappiness with the Xiongnu and their admiration for the Han. Now the northern savages, having already crushed Jushi, will certainly come south to attack Shanshan; if we do not come to its rescue, then all the other states will follow. If such should be the case, then the savages’ wealth would increase, their daring and strength would grow, and their power would extend as far as the southern Qiang with whom they would join. In this way the four prefectures of the Hexi region would be endangered. If the Hexi region were endangered, we would have no choice but to rescue them, and then we

would have to fight a hundred times more battles and incur immeasurable expenses. Those who object that the Western Regions are extremely distant and that to succor them is expensive fail to see the purpose for which our ancestors worked so hard and with such dedication. I believe that a Colonel should be appointed to Dunhuang and that, as in the old days, we should add garrison troops to the four prefectures in order to pacify the various states in the west. It may be that this will suffice to push back their attacks 10,000 *li* and thoroughly frighten the Xiongnu”.

^[77] This paragraph is based on the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu*. According to the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu*, before Chen Zhong 陳忠 presented a memorandum to the throne, Zhang Dang 張璠, sent a written message to the emperor, stating three plans, which was not taken by *Tongdian*. This seems that Zhang’s proposition, “we should abandon the town of Jiaohe and gather together the people of the states of Shanshan 鄯善 and others”, was at odds with Du’s 杜. The Eastern Han’s management of the Western Regions was, on the whole, inactive and passive, its main purpose being the subjugation of the Xiongnu and the preservation of the Hexi region. The Eastern Han would abandon the Western Regions whenever it suffered a setback. There was no long-term strategy regarding the Western Regions even in the period when it managed the Western Regions, due to the basic passivism in their policy. The petition by Chen Zhong is a case in point. Du You quoted Chen’s 陳 argument in detail, because he agreed with Chen’s idea of active management of the Western Regions: “Those who object that the Western Regions are extremely distant and that to succor them is expensive fail to see the purpose for which our ancestors worked so hard and with such dedication”.

太后又召班超之子勇^[78]問之。勇議曰：“昔者孝武皇帝患匈奴強盛，開通西域，諸論者以爲奪匈奴府藏，斷其右臂。遭王莽篡盜，徵求無厭，胡夷忿毒，遂以背叛。光武中興，未遑外事，故匈奴負強，驅率諸國。^[79]及至永平，再攻燉煌、河西郡，城門晝閉。^[80]明帝命武臣出征西域，故匈奴遠遁，邊境得安。及至永元，莫不內屬。會間者羌亂，西域復絕，北虜遂遣責諸國，備其逋租，高其價直，嚴以期會。鄯善、車師皆懷忿怒，思樂事漢，其路無從。前所以時有叛者，皆由牧養失宜，

還爲其害。舊燉煌郡有營兵三百人，宜復之，復置護西域副校尉，居於燉煌，如永元故事。又宜遣西域長史將五百人屯樓蘭，西當焉耆、龜茲徑路，南強鄯善、于闐心膽，北扞匈奴，東近燉煌，如此誠便。”^[81] (pp. 389–391)

Empress Dowager summoned [Ban] Yong [班勇, the son of Ban Chao 班超, [to the court] for an audience. [Ban] Yong put forward his proposal: Of old the Emperor Xiaowu worried that the Xiongnu were growing too strong and so he opened up the communications with the Western Regions. All the advisers were thinking to capture the Xiongnu treasure house and cut of their right arm. When Wang Mang usurped the throne he made requests without satiety, so that the Hu- 胡 and Yi- 夷barbarians were full of poisonous hatred, and they consequently rebelled. When Emperor Guangwu revived the dynasty, he had no time for foreign affairs and therefore the Xiongnu, relying upon their strength, asserted their control over the various countries up to the point where in the Yongping 永平 period [58–76] they again attacked Dunhuang and the prefectures in Hexi, and the town gates had to be kept closed in the daytime. Emperor Ming ordered military officers to campaign in the Western Regions, for which reason the Xiongnu fled far away and peace was obtained on the frontier, so that by the Yongyuan 永元 period [89–105] there were no [countries and/or tribes] on the frontier who did not owe allegiance to the Middle Kingdom. Recently [we] experienced the revolt of the Qiang and the ties with the Western Regions were cut off again. The Northern savages [the Xiongnu] then imposed heavy levies [on the various states], took precautions to prevent any evasion of their exactions, raised the amount due, and were strict in regard to prompt payment. Shanshan and Jushi are now both filled with resentment, and wanted to serve Han instead, but they were helpless. True, there had been several revolts previously, but they were only the result of improper administration, which did more harm than good. There used to be a garrison of 300 men [for border defense] in Dunhuang prefecture; they should be reinstalled today. The office of the Deputy Colonel of the Western Regions

should also be restored, to reside in Dunhuang [prefecture] as had been done in the Yongyuan reign-period. [The court] should also send the Chief Official of the Western Regions with 500 men to be stationed at Loulan, so as to control the routes to Yanqi and Qiuci in the west, reassure and embolden Shanshan and Yutian in the south, resist the Xiongnu in the north, and maintain an easy access to Dunhuang in the east. In this way things will develop to our advantage.

^[78] Ban Yong 班勇 is a son of Ban Chao. There is his biography in *Houhan shu*.

^[79] This is based on the “Guangwudi ji 光武帝紀” of *Houhan shu*. In the winter of the twenty-first year of the Jianwu 建武 reign-period (45 CE), “the [kings of] sixteen states, consisting of the king of Shanshan, the king of Jushi, and others, all sent their sons to attend at the court and presented tribute, and petitioned for [the appointment of] a Protector-General. The Emperor considered that the Middle Kingdom, having only recently recovered from chaos, was not in a position to be involved in external affairs. Therefore, he had their sons sent back after rewarding them handsomely”. In the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu* it is recorded that “The Xiongnu extorted heavy taxes [from the Western Regions] and the states could not endure their rule. During the Jianwu reign-period all sent their envoys to request that they become Han’s subjects and Han appoint a Protector-General. Emperor Guangwu actually refused them because the country was just beginning to regain its stability and had no time for external affairs”.

^[80] In the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu* it is recorded that “During the Yongping 永平 reign-period of Emperor Ming, the northern savages [i.e., the Xiongnu] coerced the various states into invading the prefectures and counties in the Hexi Region together, and the gates of the towns were closed during the daytime.”¹

^[81] This section copied from the “Ban Yong zhuan 班勇傳” of *Houhan shu*.

長樂衛尉譚顯等難曰：“朝廷前所以弃西域者，以其無益於中國而費難供也。今車師已屬匈奴，鄯善不可保信，一朝反覆，班將軍能保北虜不爲邊害乎？”

¹ In the “Mingdi ji 明帝紀” of *Houhan shu* (ch. 2), it is recorded that in the eighth year [65 CE] of the Yongping 永平 reign-period, “The Northern Xiongnu raided the prefectures west of the [Yellow] River”.

The Chamberlain for the Garrison of the Changle 長樂 Park Tan Xian 譚顯 and others disagreed, saying: “The reason why the Court previously decided to abandon the Western Regions was because they are useless to China and the expenses [they require] are difficult to meet. Today Jushi already owes allegiance to the Xiongnu and the loyalty of Shanshan cannot be guaranteed: if one day there is a rebellion, can General Ban 班 guarantee that the northern bandits will not do harm to our frontier”?

勇對曰：“今中國置州牧者，以禁郡縣姦猾盜賊也，若州牧能保盜賊不起者，臣亦願以腰斬保匈奴之不爲邊害也。今通西域則虜勢必弱，虜勢弱則爲患微矣。孰與歸其府藏，續其右臂哉！爲置校尉以扞北撫西^[82]，設長史以招懷諸國，若弃而不立，則西域屈就北虜，緣邊之郡將受困苦，恐河西城門復有晝閉之儆矣。今不廓開朝廷之德，而拘屯戍之費，若北虜遂熾，豈安邊久長之策哉！”^[83] (pp. 391–393)

Yong replied: “Today the Middle Kingdom has established district magistrates to repress criminals in Prefectures and Counts. If a district magistrate can guarantee that robbery and thievery will not prevail, then I also am willing on pain of death to guarantee that the Xiongnu will not harm the frontier. If we develop ties with the Western Regions, the position of the savages will certainly be weakened. When their position is weakened, then the harm they do will only be reduced. How can we [even consider] giving their treasure house back to them and re-attaching their broken arm? A colonel should be deployed to guard and pacify the Western Regions, and a Chief Official established to win the loyalty of the various states. If we abandon [the Western Regions] and do not establish [these officials], then the Western Regions will subordinate themselves to the northern savages, the prefectures on the frontier will be devastated, and the towns of Hexi 河西, I am afraid, will again find themselves in that state of alarm where they must keep their gates closed in the daytime. If today the imperial court does not broaden its virtue, if it begrudges the funds to establish army camps and to guard the frontier, and if the northern savages then spread like wildfire, how can that we say we have a long-term policy for stabilizing the frontier?”

^[82] In the “Ban Yong zhuan” of *Houhan shu* it is read “to guard and pacify the Western Regions”.

^[83] This section copied from the “Ban Yong zhuan” of *Houhan shu*. According to historical records, Ban Yong, the son of Ban Chao, had inherited much of his father’s character. However, if we carefully read his petition in the sixth year of the Yuanchu 元初 reign-period (120 CE), where he described the purpose for which Emperor Wu “opened up the communications with the Western Regions”, we find that he only saw the role “to capture the Xiongnu’s treasure house and cut off their right arm”. According to Ban Yong’s biography in *Houhan shu*, he stressed only the following: “If we develop ties with the Western Regions, the position of the savages will certainly be weakened. When their position is weakened, then the harm they do will only be reduced. How can we [even consider] giving their treasure house back to them and re-attaching their broken arm? A colonel should be deployed to guard and pacify the Western Regions, and a Chief Official established to win the loyalty of the various states. If we abandon [the Western Regions] and do not establish [these officials], then the Western Regions will give up all hope. After giving up all hope, they will subordinate themselves to the northern savages, the prefectures on the frontier will be devastated, and the cities of Hexi, I am afraid, will again find themselves in that state of alarm where they must keep their gates closed in the daytime. If today the imperial court does not broaden its virtue, if it begrudges the funds to establish army camps and to guard the frontier, and if the northern savages then spread like wildfire, how can that we say we have a long-term policy for stabilizing the frontier”? The main point was just “to stabilize the frontier”. He referred to “proclaiming our authority and virtue”; his purpose was nothing but “to incline the various states towards Han and sow doubt in the covetous hearts of the Xiongnu, without the worry that the concomitant expenses will exhaust the country”. Of course, this is not nearly comparable to Emperor Wu’s ambition “to extend [Han] territory for ten thousand *li*” and to have “imperial power and prestige exercised

throughout the area within the Four Seas". Despite this, Ban Yong was in a poor and weak Eastern Han dynasty and advocates not giving up the Western Region. It is also commendable, so Du You recorded his words in detail.

大尉屬毛軫難曰：“今若置校尉，則西域絡驛遣使，求索無厭，與之則費難供，不與則失其心。一朝爲匈奴所迫，當復求救，則爲役大矣。”勇對曰：“今設以西域歸匈奴，而使其因西域租入之饒，兵馬之衆，以擾動緣邊，是爲富仇讎之財，增暴夷之勢也。置校尉者，宣威布德，以繫諸國內向之心，以疑匈奴覬覦之情，而無費財耗國之慮也。且西域之人無他求索，其來入者，不過廩食而已。今若拒絕，勢必北屬，夷虜并力以寇并、涼，則中國之費不止十億。”^[84]於是從忠、勇議，乃以勇爲西域長史，將五百人西屯柳中。^[85]（今交河郡縣。）勇遂破平車師。^[86] (pp. 393–395)

Mao Zhen 毛軫, a dependent officials under the Defender-in-chief objected saying: “If today we set up a post of Colonel then the Western Regions will send envoys in a steady stream making requests without satiety, to accede to which would be to incur expenses we can ill afford while not to accede would be to forfeit their loyalty. Then one day they will find themselves hard-pressed by the Xiongnu and will again cry for help, only then the battle will be great indeed”.

To this [Ban] Yong replied: “Now, if we let the Western Regions subject to the Xiongnu and [the latter] make use of the abundance of its revenues and the multitudes of its soldiers and horses to convulse the frontier, this would then be to have enriched our enemy, to have increased the power of the violent Yi-barbarians. Establishing the post of Colonel will proclaim our authority and virtue to incline the various states towards Han and sow doubt in the covetous hearts of the Xiongnu, without the worry that the concomitant expenses will exhaust the country”. Moreover, the people in the Western Regions have no other request: Those of them who come in [to the Middle Kingdom] only do so to obtain food. If we now reject [their request], they will inevitably give allegiance to the North, their power will be combined with that of the Yi 夷 bandits to pillage Ping 并 and Liang 凉, and then the Middle Kingdom's expenses will not stop at ten hundred million”.

The court thereupon followed the proposal of [Chen] Zhong and [Ban] Yong. [Ban] Yong was

made to be Chief Official of the Western Regions and he led 500 men west to establish a camp at Liuzhong 柳中 (the present Prefecture and Counts of Jiaohe). [Ban] Yong subsequently crushed and pacified Jushi.

^[84] This paragraph copied from the “Ban Yong zhuan” of *Houhan shu*. It is copied by *Tongdian* in order to explain the necessity of Western Region management

^[85] The site of Liuzhong 柳中 is located at Lükün, southwest of present-day Shanshan County, Xinjiang.

^[86] “The court thereupon” below come from the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu*.

自建武至於延光，西域三絕復通。^[87] (pp. 395)

Communications with the Western Regions, which from Jianwu 建武 [25–56] until Yanguang 延光 [106–107] had three times been broken, were again restored.

^[87] The statement “three times been broken, were again restored” is read “The Western Regions' contacts [with Han] were cut off three times and opened up three times” in the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu*.

順帝永建二年，勇復擊降焉耆。於是龜茲、疏勒、于闐、莎車等十七國皆來服從，而烏孫、葱嶺以西遂絕。六年，帝以伊吾舊膏腴之地，傍近西域，匈奴資之以爲抄暴，復令開設屯田如永元時事，置伊吾司馬一人。自陽嘉以後，朝威稍損，諸國驕放，轉相陵伐矣。^[88] (pp. 395–396)

In the second year of the Yongjian 永建 reign-period of Emperor Shun 順, [Ban] Yong attacked and subdued Yanqi once more. Thereupon the 17 states such as Qiuci, Shule, Yutian and Suoju all came and expressed their subordination. However, contacts with Wusun 烏孫 and the west of the Congling Mountains were broken off. In the sixth year [of the Yongjian 永建 reign-period], the emperor also ordered to set up an agricultural colony as had been done in the Yongyuan reign-period and to establish a Major of Yiwu, because Yiwu, being fertile land that adjoined the Western Regions, was often robbed and harried by the Xiongnu who treated it as a resource. After the Yangjia 陽嘉 reign-period, the prestige of the imperial court diminished somewhat. The various states became arrogant and unrestrained, and made war upon one another.

[88] This paragraph copied from the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu*.

自魏及晉，中原多故，西域朝貢不過三數國焉。^[89] (pp. 396)

Then from the Wei and the Jin 晉 the Central Plains was in turmoil, so there were no more than three or four states in the Western Regions which sent envoys to come to court.

[89] This sentence is the summary of *Tongdian*. However, there are few solid records that the various states in the Western Regions presented tribute to the Cao-Wei 曹魏 dynasty, as following: 1. In the “Wendi ji 文帝紀” of *Sanguozhi* 三國志 (ch. 2), it is recorded that in the third year [222] of the Huangchu 黃初 reign-period, “in the second month, the kings of Shanshan, Qiuci and Yutian respectively sent envoys to present tribute”. 2. In the “Mingdi ji 明帝紀” of *Sanguozhi* (ch. 3), it is recorded that in the first year [227] of the Taihe 太和 reign-period, the tenth month, on the day Bingyin 丙寅 “the king of Yanqi sent his prince to attend at the court”. 3. In the “Mingdi ji 明帝紀” of *Sanguozhi* (ch. 3), it is recorded that in the third year [229] of the Taihe 太和 reign-period, in the twelfth month, “on the day guimao 癸卯, the king of Da Yuezhi 大月氏, Bodiao 波調, sent envoys to present tributes. [The Wei 魏 dynasty] conferred on [Bo]diao the title ‘King of Da Yuezhi Close to Wei’”. 4. In the “Sanshaodi ji 三少帝紀” of *Sanguozhi* (ch. 4), it is recorded that in the third year [239] of the Jingchu 景初 reign-period, “[Envoys from] the Western Regions presented the fire-washed cloth [as tribute] after their language had gone through multiple interpreters”. 5. In the “Xuandi ji 宣帝紀” of *Jinshu* 晉書 (ch. 1), it is recorded that in the third year [240] of the Zhengshi 正始 reign-period of King Qi 齊, Fang 芳, the first month, “Yanqi, Weixu and others ... all sent envoys to present tribute”. 6. In the “Wudi ji 武帝紀” of *Jinshu* (ch. 3), it is recorded that in the sixth year [285] of the Taikang 太康 reign-period, in the tenth month, “[the kings of] the states of Qiuci and Yanqi sent their sons to attend at the court”. In the “Xirong zhuan” of *Jinshu* (ch. 97), it is recorded that “during the Taikang 太康 reign-period of Emperor Wu, the king [of the state of Yanqi], Long An 龍安, sent his son to attend at the court”. In the item on Qiuci of the same chapter,

it is also recorded that “during the Taikang 太康 reign-period of Emperor Wu 武, its king sent his son to attend at the court”. The date of both should be in the sixth year [285] of the Taikang reign-period. 7. In the “Xirong zhuan” of *Jinshu* (ch. 97), it is recorded that “The state of Dayuan: ... In the sixth year [285] of the Taikang reign-period, Emperor Wu sent his envoy, Yang Hao 楊顯, to grant its king, Lanyu 藍庚, the title King Dayuan. After Lanyu died, his son, Mozhi 摩之, ascended the throne, and he sent envoys [to the Jin court] to present a blood-sweating horse”. It is worth noting that these states that presented to Wei’s court were the “large states” in the Western Regions at that time. But the statement in *Tongdian* is “there were no more than three or four states in the Western Regions which sent envoys to come to court”, we don’t know what the basis is.

至後魏太武帝，使董琬使西域，還，且言其地爲三域：^[90]自葱嶺以東，流沙^[91]以西爲一域；姑墨^[92]以南，月氏以北爲一域；兩海^[93]之間，水澤^[94]以南爲一域。三域之內，諸小渠長蓋以百數。其出西域，更爲四道：自玉門度流沙，西行二千里至鄯善，爲一道；自玉門度流沙，北行二千二百里至車師，爲一道；從莎車西行一百里至葱嶺，西千三百里至伽部^[95]，爲一道；自莎車西南五百里至葱嶺，西南千三百里至波路^[96]，爲一道焉。於是貢獻者十有六國。^[97] (pp. 396–399)

Later, Emperor Taiwu 太武 of the Later Wei sent Dong Wan 董琬 on a mission to the Western Regions. Upon his return, [Dong Wan] reported that the land of the Western Regions consisted of three regions: East of the Congling Mountains and west of the shifting sands was one region; south of Gumo 姑墨 and north of the Yuezhi 月氏 was another; and between the two seas and south of the marsh was the third. In the three regions petty chiefs numbered a hundred or so. Access to the Western Regions was originally provided by two routes, but later this changed to four. From the Yumen Barrier crossing the shifting sands westwards for 2,000 *li* to Shanshan is the first route. From the Yumen Barrier crossing the shifting sands and going northwards for 2,200 *li* to Jushi is the second route. From Suoju going westwards for 100 *li* to the Congling Mountains, then westwards for 1,300 *li* to Jiabei 伽倍 is the third route. From Suoju going in a south-western

direction for 500 *li* [to] the Congling Mountains, then southwest for 1,300 *li* to Bolu 波路 is the fourth route.

[90] This is a very controversial record, because the parallel record in the “Xiyu zhuan” of *Beishi* 北史 is different from it. The latter is “Their lands can be divided into four regions. East of the Congling Mountains and west of the shifting sands constitutes one region, west of the Congling¹ Mountains and east of the sea bend² is another, south of Zheshe 者舌 and north of Yuezhi 月氏 is the third, and between the two seas and south of the marsh is the fourth.” The first region was the sphere of influence of the northern nomadic tribes; the second was Persia and its sphere of influence; the third was a buffer zone between the above-mentioned two powers, and thus was alternatively controlled by the Persians or by the nomadic tribes who moved south; and, finally, the fourth was Rome and its sphere of influence. It is possible that, according to the three spheres of influence of Tang 唐, Arab and Roma after the rise of Islam, the editors of *Tongdian* combined the second and third regions into one region and formed a new three-region theory. However, the “three regions” described in *Tongdian* does not provide us with a clear and integrated understanding of the Western Regions of that time, no matter how we may interpret the geographical location of each region. Such being the case, we can only conclude that the “four regions” was originally noted by Wei Shou 魏收 and came from the report of 董

and Gao 高; the “three regions” in *Tongdian* was fabricated by Du You.³

[91] The shifting sands: Here it refers to the deserts west of the Yumen and Yang Barriers.

[92] The state of Gumo 姑墨 was perhaps in the vicinity of present-day Aksu.⁴

[93] The “two seas” refers to the Adriatic Sea to the east of the Italian Peninsula, and the Tyrrhenian Sea to the west of the peninsula.

[94] The “marshes” here refers to the Black Sea.

[95] The state of Jiabei 伽倍 was located in the present-day Sarik-Čaupan and the surrounding area in the valleys of Wakhan.⁵

[96] The state of Bolu 波路 was located in the valley of the Gilgit River, to the northwest of Baltistan and Kashmir.⁶

[97] This paragraph is based on the “Xiyu zhuan” of *Weishu* 魏書. “At the beginning of his reign, Emperor Taizu 太祖 had no time to attend to the four borders because of managing the Central Plains. Thenceforth, the Western Rong did not come to pay tribute. The officials appealed to [the throne] to open up communications with the Western Regions as was done in Han times. This would both show Wei’s power and virtue to the wild and distant domains, and attract rare goods into the Heavenly repository. Emperor Taizu replied, ‘The Han dynasty did not defend its borders and pacify the common people. Instead, it opened up the distant Western Regions, and the resources within the four seas were spent and wasted. How can there be any benefit? If we

¹ “Congling 葱嶺” here refers to the Hindu Kush.

² The “sea bend” should refer to the sea or the coast of the Mediterranean from Syria and Palestine to Asia Minor and the Balkans.

³ Cf. Yu Taishan 余太山, “Guanyu Dongwan Gaoming Xishi de Ruogan Wenti” 關於董琬、高明西使的若干問題 (Some Issues on Dong Wan and Gao Ming’s Mission to the Western Regions), *Wenshi* 文史 27 (1986), pp. 31–46.

⁴ See Ed. Chavannes, “Les pays d’occident d’après le Wei Lio”, *T’oung-pao*, 1905, pp. 519–571; The various theories on the location of Gumo, see Zhou Liankuan 周連寬, *Datang Xiyuji Shidi Yanjiu Conggao* 大唐西域記史地研究叢稿 (Geo-historical studies on *Datang Xiyuji*). Beijing: Zhonghua Book Company, 1984, pp. 74–82.

⁵ J. Marquart, *Ērānšahr*, Berlin: 1901, pp.223–225, 242–243; Shiratori Kurakichi 白鳥庫吉, “Saiiki Shizyō no Sin-Kenkyū: Dai Gesshi Kō” 西域史上の新研究: 大月氏考 (New studies in the history of the Western Regions: On the Da Yuezhi). In Shiratori Kurakichi, *Shiratori Kurakichi Zenshū* 白鳥庫吉全集, vol. 6, Saiikishi Kenkyū (jyō) 西域史研究 (上) (Studies on the history of the Western Regions A). Tokyo: Iwanami Shoten 岩波書店, 1970, pp. 97–227, esp. 101–105; Shiratori Kurakichi, “Putoremaiosu ni Mietaru Sōrei Tsūkaro ni tsuite” プトレマイオスに見えたる葱嶺通過路に就いて (The routes across the Congling Mountains described by Ptolemaeus). In Shiratori Kurakichi, *Shiratori Kurakichi Zenshū* 白鳥庫吉全集, vol. 7, Saiikishi Kenkyū (ge) 西域史研究 (下) (Studies on the history of the Western Regions B). Tokyo: Iwanami Shoten 岩波書店, 1971, pp. 1–41, esp. 16–17; Yu Taishan, *Saizhongshi Yanjiu*, pp. 30–32.

⁶ Shiratori Kurakichi, “Keihinkoku Kō” 罽賓國考 (On the state of Jibin). In Shiratori Kurakichi, *Shiratori Kurakichi Zenshū*, vol. 6, Saiikishi Kenkyū (jyō), pp. 295–395, esp. pp. 301–310. Bolu 波路 must have been Boluoluo 鉢露羅 as seen in *Datang Xiyuji* 大唐西域記.

now open up [the West], the former misrule will be visited again upon the common people'. So he did not follow their advice. Finally, [Wei] did not solicit and receive [the various states in the Western Regions] during the reign of Emperor Taizong 太宗”, which is not accepted by *Tongdian*.

孝文延興中，尚書奏以燉煌一鎮，介遠西北，寇賊路衝，慮或不固，欲移就涼州。^[98]羣官會議。給事中韓秀曰：“此蹙國之事，非闢土之宜。愚謂燉煌之立，其來久矣。雖土鄰強寇，而兵人素習，縱有姦竊，不能爲害，循常置戍，足以自全。進斷北狄之覬途，退塞西夷之關路。若徙就姑臧^[99]，慮人懷異意，或貪留重遷，情不願徙，脫引寇內侵，深爲國患。且燉煌去涼州及千餘里，捨遠就近，防制有關。一朝廢置^[100]，是啓戎心，則夷狄交構，互相來往。恐醜徒協契，侵竊涼土，邊役煩興，艱難方甚。”乃從秀議。^[101] (pp. 400–402)

In the middle of the Yanxing 延興 reign-period [r. 471–476] of Emperor Xiaowen 孝文, the Imperial Secretaries presented a memorial to the emperor, which said that they considered that the Defence Command of Dunhuang was isolated and located in the northwestern distance, and was the main artery of invaders and savages. Thinking that it probably was not strong, they wanted to move the Defence Command into Liang 涼 Province. The officials assembled to discuss this, [Han] Xiu [韓]秀, the Palace Steward, said, “This is an act which would make our nation weak and does not help us open up territory. I consider that Dunhuang has been established for a long time. Its land neighbors some strong enemies, but its soldiers and people are well trained. Even if there are villains, these are unable to bring disaster. It will be able to save itself by setting up garrisons in the usual way. Going a step further, it can cut off the roads that the Northern Di covet. On second thought, it can even wall up the route that the Western Yi 夷 have set their eyes upon. If we remove the Defense Command to Guzang 姑臧, we would be anxious that the people harbour disloyalty. They want to stay behind and are reluctant to migrate; their feelings are such that they are not ready to be removed. If they induce the enemy to invade, it would become a very grave disaster for our nation. In addition, Dunhuang is at a distance of over one thousand *li* from Liang Province. If we abandon the remote defenses and rely only on the near, and the remote

defenses are deficient, once they are abandoned the ambition of the barbarians will be aroused. If various barbarians collude with each other, the evildoers among them will agree to invade the land of Liang Province. Beacons will not be extinguished, the corvees for the border will frequently be mobilized, and the hardship will follow”. Thereupon [the Emperor] followed [Han] Xiu's opinion.

^[98] Liang 涼 Province: Its seat of government was located there. Guzang 姑臧 is present-day Wuwei 武威, Gansu Province. After Emperor Gaozu 高祖 ascended the throne, the Northern Wei's management of the Western Regions became more inactive, and even planned to abandon Dunhuang. What Han Xiu 韓秀, who alone had objections to retrenchment, strongly advocated was merely a defensive plan, just enough to continue the *status quo*.

^[99] Guzang was a name of county. It was the seat of government of the Liang Province, was located in present Wuwei of Gansu.

^[100] “Feizhi 廢置” is read “feiba 廢罷” in both the “Hanxiu zhuan 韓秀傳” of *Weishu* 魏書 and “Hanxiu zhuan 韓秀傳” of *Beishi* 北史. It may be an error for inscription.

^[101] This paragraph copied from the “Hanxiu zhuan” of *Weishu*.

隋煬帝時，遣侍御史韋節、司隸從事杜行滿使於西蕃諸國。至罽賓^[102]，得瑪瑙杯；王舍城^[103]，得佛經；史國^[104]，得十舞女、師子皮、火鼠毛而還。帝復令裴矩於武威、張掖間往來以引致之。皆啗以厚利，令轉相諷諭，大業中，相率而來朝者四十餘國^[105]，帝因置西戎校尉^[106]以應接之。^[107] (pp. 402–405)

During the reign of Emperor Yang 煬 the Attendant Censor Wei Jie 韋節, and the Retainer of the Metropolitan Colonel Du Xingman 杜行滿 were sent as envoys to the various states of the western frontiers. They traveled to Jibin 罽賓 where they obtained a cup made of *ma'nao* 瑪瑙 (agate), the town of Rājagriha where they obtained Buddhist sutras, and the state of Shi 史 where they obtained ten dancing girls, a lion skin, and *huoshu* 火鼠 (fire-mouse) fur; then they returned. Subsequently the Emperor ordered Pei Ju 裴矩 to the area around Wuwei and Zhangye 張掖 to deal [with the tribes there] in order to win them over. [Pei Ju 裴矩] lured them with large profits in

order to have them persuade each other [to submit]. During the Daye 大業 reign-period, one after another, the envoys of over forty states came to the court. Therefore the Emperor established a Colonel of the Western Rong 戎 to deal with their concerns.

[102] Jibin 罽賓: It is generally believed that Jibin here was in Bēgrām.

[103] The town of Wangshe 王舍 (Rājagriha)¹: It is one of the sacred sites of Buddhism and is believed to be located in today's Rajgir.

[104] The state of Shi 史 is one of the nine surnames of Zhaowu 昭武. Its capital was located at Shahri-sebz south of present-day Samarkand.

[105] "Over forty states" is read as "over thirty states" in the "Xiyu zhuan" of *Suishu*. It should be a rough number given by *Tongdian*, which was based on *Xiyu tuji*'s 西域圖記 records "a total of forty-four states"² and simplified it. In fact, it is mixed the records in with the numbers of states in *Xiyu tuji*'s that presented to Sui's 隋 court.

[106] "Colonel of the Western Rong 戎" is read as "Colonel of the Western Regions" in the "Xiyu zhuan 西域傳" of *Suishu* 隋書. It seems that this title should follow *Suishu*. The time when "Colonel of the Western Rong" was established and its missions, and so on were not known,

[107] What is quoted above is based on the "Xiyu zhuan" of *Suishu*.

自燉煌西出玉門、陽關，涉鄯善，北通伊吾千里。自伊吾北通車師前部高昌壁千二百里。自高昌壁北通車師後部金蒲城 [108] (今北庭府縣。) 五百里。此其西域之門戶內地，故漢戍已校尉更互屯焉。伊吾地宜五穀、桑麻、蒲萄，其北及柳中皆膏腴之地。故漢帝與匈奴爭車師、伊吾，以制西域。 [109] 至隋，有商胡雜居，勝兵千餘人，附於鐵勒 [110]，人甚驕悍，厥田良沃。 [111] 隋末內屬，置伊吾郡。 [112] 屬天下亂，又臣突厥 [113]。 [114] (pp. 405–407)

Starting from Dunhuang, one goes west through the Yumen and Yang Barriers across [the desert] to Shanshan, and [from Dunhuang] north for one thousand *li* to Yiwu, from Yiwu

northwards for 1,200 *li* to the fortress of Gaochang 高昌 in the tribe of Nearer Jushi, and northwards from the fortress of Gaochang for 500 *li* to the town of Jinpu 金蒲 in the tribe of Further Jushi (present county of Beiting 北庭). This was the strategic area for controlling the Western Regions, [the one which] the former Colonel Wuji successively garrisoned with agricultural colonies. The territory of Yiwu is suitable for the five grains, mulberry, hemp, and grapes. [the land] is all fertile, and therefore the Han fought continually with the Xiongnu over Jushi and Yiwu in order to control the Western Regions. [109] Up to the Sui 隋 dynasty, where merchants and Hu people lived together. The people there are arrogant and the land is very fertile. There were more than 1,000 men able to bear arms. It was subject to Tiele 鐵勒. The inhabitants were brave and tough, and its soil was fertile. When chaos ensued, it submitted to the Tujue 突厥 again.

[108] "Jinman 金蒲" corrupted into "Jinman 金滿" in the "Xiyu zhuan" of *Houhan shu*, which should be corrected according to the "Geng Gong liezhuan 耿恭列傳" of *Houhan shu* (ch. 19) and *Tongdian*. "Jinpu 金蒲" [kiəm-pha] and the "Jinfu 金附" [kiəm-bio] in the "Xiyu zhuan" of *Hanshu* (ch. 96) should be variations in the transcription of the same name. It was probably the East Dalunggou Site south of present-day Jimsar.

[109] The paragraph from "Starting from Dunhuang, one goes west through the Yumen" to "to control the Western Regions" copied from the "Xiyu zhuan" of *Houhan shu*. From this paragraph started the narrative that Tang dynasty managed the Western Regions. From this paragraph, "Brief preface" of *Tongdian* begins to describe the situation of the management of the Western Regions in Tang times.

[110] 鐵勒，遊牧部族，部落甚多。據《隋書·鐵勒傳》，"伊吾以西，焉耆之北，傍白山，則有契弊、薄落職、乙啞、蘇婆、那曷、烏謹、紇骨、也啞、於尼謹等，勝兵可二萬"。又載："大業元年，突厥處羅可汗擊鐵勒諸部，厚稅歛其物，又猜忌薛延陀等，恐為變，遂集其魁帥數百人，盡誅之。由是一時反叛，拒處羅，遂立俟利發俟斤契弊歌

¹ On "the town of Rājagriha", see Datang Xiyuji Jiaozhu 大唐西域記校注 (Records of the Western Regions written under the Tang dynasty), compiled by Xuanzang 玄奘 and Bianji 辯機 (Tang); emendated and annotated by Ji Xianlin 季羨林 et al. Beijing: Zhonghua Book Company, 1985, pp. 743–744.

² The "Peiju zhuan 裴矩傳" of *Suishu* 隋書.

楞為易勿真莫何可汗，居貪汗山。復立薛延陀內俟斤，字也啞，為小可汗。處羅可汗既敗，莫何可汗始大。莫何勇毅絕倫，甚得眾心，為鄰國所憚，伊吾、高昌、焉耆諸國悉附之。”

^[110] The Tiele 鐵勒 are a nomad tribe. There were many tribes. In the “Tiele zhuan 鐵勒傳” of *Suishu* it is recorded that “There were Qibi 契弊, Boluozhi 薄落職, Yidie 乙啞, Supo 蘇婆, Nae 那曷, Wuhuan 烏護, Hegu 紇骨, Yedie 也啞, Yunihuan 於尼護 and so on, there were about 20,000 persons able to bear arms to the west Yiwu, north of Yanqi, and along Mount Baishan 白山”. It is also recorded that “in the first year of the Daye reign-period, Khan Chuluo 處羅 of the Turks attacked the various tribes of the Tiele, and increased the taxes and tributes of the Tiele, and suspected that the Xuyantuo 薛延陀 and other tribes to will be rebellion, gathering hundreds of their chiefs and killing them all. So the Tiele rebelled together against Chuluo. They made the Qilifa-Qijin 俟利發俟斤 (iltäbär irkin), Qibigeleng 契弊歌楞, as Khan Yiwuzhenmohe 易勿真莫何 and occupied Mount Tanhan 貪汗. They also made Nei-Qijin 內俟斤 from the Xueyantuo 薛延陀 tribe, Yedie 也啞, Little Khan. After the defeat of Khan Chuluo, Khan Mohe 莫何 became strong. Mohe was so brave that everyone supports him. All the neighboring states were afraid of him, Yiwu, Gaochang, Yanqi and other states all obey him”.

^[111] The statement to “Up to the Sui dynasty” from “the people there are arrogant and the land is very fertile”, we do not know what is their basis. In the item titled “Supi 蘇毗” in the “Xiyu zhuzn B” of *Xin tangshu* (ch. 221B) it is recorded that “The town of Yiwu was the headquarters of Commandant Yihe 宜禾 in Han times. There were merchants and Hu people lived together, and more than 1,000 men able to bear arms. It was subject to Tiele. The inhabitants were brave and tough, and its soil was fertile”. It is possible that *Xin tangshu* had the same sources as *Tongdian* or copied from *Tongdian*. Taking the Sui dynasty as the epochal boundary, this historical data narrates the residents of Yiwu, the people number that able to bear arms, the objects of service, the customs and the situation of the land. The style is rigorous and the writing is concise. According to the “Xiyu zhuan” of *Suishu*, the Northern Route of the Three

Routes begins at Yiwu, thus the possibility cannot be ruled out that this paragraph is to take from Pei Ju's *Xiyu Tuji*.

^[112] Prefecture Yiwu, according to *Yuanhe Junxianzhi* 元和郡縣志 (ch. 40), was set up in the sixth year (610) of the Dsaye reign-period, its gavenment seat was in Kumul, Xinjiang 新疆.

^[113] Tujue here refers to the Western Turk. According to the “Xi Tujue zhuan 西突厥傳” of *Suishu*, “The [ruler] of the Western Tujue was Daluobian 大邏便 (r. 581–587), the son of Khan Mugan 木杆 (553–572). The Western Tujue felt some enmity for Shabolüe 沙鉢略, so split from it, and became strong and prosperous. It resisted [Yu]dujin [于]都斤 (ötükän) in the east, and encroached upon the Jin 金 (Altun) Mountains in the west. Qiuci, Tiele, Yiwu and the various Hu in the Western Regions became subject to it”.

^[114] In the item titled “Yizhou 伊州” of *Yuanhe junxian tuzhi* (ch. 40) it is recorded that “The Sui dynasty get the land in the sixth year (610) of the Daye reign-period, and made it Prefecture Yiwu. When the Sui dynasty was in chaos, it was lived the various barbarians”. The “Shazhou Yizhou dizhicanjuan 沙州伊州地志” from the Dunhuang Documents S.0367, 35–38 records that “in the sixth year (610) of the Daye reign-period Sui Court bought a land and set up Prefecture Yiwu on it, it also fell in the barbarians when the Sui dynasty was in chaos”. From this one can know that this is an universal records on the evolution of Province Yi 伊 in the geography during in Tang times, thus was adopted by *Tongdian*.

大唐貞觀四年，以頡利破滅，^[115]遂舉其屬七城^[116]來降，因列其地為西伊州，^[117]同於編戶。^[118]至武太后如意初，武威軍總管^[119]王孝傑大破吐番，^[120]復龜茲、于闐、疎勒、碎葉四鎮，^[121]自是諸國朝貢，侔於前代矣。^[122]神龍以後，黑衣大食^[123]強盛，漸并諸國，至於西海，分兵鎮守焉^[124]。^[125]（族子環隨鎮西節度使^[126]高仙芝^[127]西征，天寶十載至西海^[128]，寶應初，因賈商船舶自廣州而回，著《經行記》^[129]。）

In the fourth year [630] of the Zhenguan 貞觀 reign period of the Great Tang dynasty, [Yiwu] came to submit to [Tang] with the seven towns that had been subject to it because of annihilating Jieli 頡利 (Il Qayan, r.620–630), its territory was accordingly organized as Western Yi 伊 Province and the people entered on the

population registers. At the beginning of the Ruyi 如意 reign-period of the Empress Dowager Wu 武 the Commander-in-Chief of Wuwei Army, Wang Xiaojie 王孝傑 utterly defeated the Tubo 吐番, and restored the four Defense Commands of Qiuci. Yutian, Shule and Suiye 碎葉. From then the various states came to court bearing tribute as the former generations. After the Shenlong 神龍 reign-period, the Black-Robed Dashi 大食 grew powerful and gradually annexed the various states as far as the Western Sea, and the troops were stationed everywhere respectively. (a great-grandson of my grandfather's brother, Huan 環 followed the Military Commissioner Governing the West, Gao Xianzhi 高仙芝, on his western campaign. In the tenth year [751] of the Tianbao 天寶 reign-period he reached the Western Sea. At the beginning of the Baoying 寶應 reign-period [762–763] he returned home on a merchant ship from Guangzhou 廣州 and composed *Jingxingji* 經行記.)

今之所纂，其小國無異聞者，則不暇錄焉。

[130] (諸家纂西域事，皆多引諸僧遊歷傳記，如法明 [131] 《遊天竺記》 [132]、支僧載《外國事》 [133]、法盛《歷諸國傳》 [134]、道安 [135] 《西域志》 [136]。惟《佛國記》 [137]、曇勇 [138] 《外國傳》、智猛 [139] 《外國傳》 [140]、支曇諦《烏山銘》 [141]、翻經法師《外國傳》 [142]之類，皆盛論釋氏詭異奇迹，參以他書，則皆紕繆，故多略焉。) [143] (pp. 408–405)

In this record we haven't the leisure to record the small states without different tales. (Other writers who have compiled events on the Western Regions always quote the various memoirs of monks who have traveled there, such as Faming's 法明 *Youtiaozhuji* 遊天竺記 [Memoires of a Journey to India], Zhi Sengzai's 支僧載 *Waiguoshi* 外國事 [An Account of Happenings in Foreign Lands], Fasheng's 法盛 *Lizhuguozhuan* 歷諸國傳 [A Record of Travels in Various Countries], Daoan's 道安 *Xiyuzhi* 西域志 [An Historical Account of the Western Regions], [Faxian's 法顯] *Foguoji* 佛國記 [Records of Buddhist Countries], Tanyong's 曇勇 *Waiguozhuan* 外國傳 (A Record of Foreign Countries), Zhi Tandi's 支曇諦 *Wushanming* 烏山銘 [the Wushan Inscription], the *Waiguozhuan* 外國傳 [A Record of Foreign Countries] by a master who translated the sutra, and so on, which all primarily concern Buddhism

and dwell on the marvelous. Having examined other books. I have found these works to be erroneous, and so they will mostly be ignored.)

[115] In the fourth year (630) of the Zhenguan reign-period the Tang destroyed the Northern (Eastern) Turks, and captured Khan Jieli 頡利. It was a watershed event that shook Central Asia. On the course that Jieli was destroyed, according to *Zizhi tongjian* 資治通鑑 (ch. 193), "On the day Jiachen 甲辰 [of the second month], Li Jing 李靖 defeated Khan Jieli in Mount Yin 陰. Before this, Khan Jieli had failed, fled to the Iron Mount, the remaining army had tens of thousands of people. He sent his Zhishisili 執失思力 to the court to give an interview to the Emperor, and admitted his mistakes and asked for forgiveness. Asking to lead the country to surrender to the Tang dynasty, he also personally into the capital to have an audience with the Emperor. The Emperor sent Tang Jian 唐儉, Chief Minister for Dependencies, to appease him, and ordered Li Jing to lead the army to meet Jieli. On the surface Jieli used the humble language, but in his heart was actually hesitant, and want to fled back to the north of desert as soon as grass became green and horse became fat. Leading troops, Li Jing joined forces with Li Shiji 李世勣 in the Baidao 白道. ...Then, Li Jing led the troops to set out overnight, Li Shiji followed him. The troops reached the Yin Mount, met more than 1,000 tent camps of the Turks, captured all of them, and made them follow the troops. Jieli was very happy to see the envoy, his heart naturally was calm. Li Jing sends Su Dingfang 蘇定方 who from Wuyi 武邑 to lead 200 cavalry to do pioneer, marched by dense fog, which was 7 li from the "teeth tent", they just were discovered. Riding to swift horse Jieli fled first, Li Jing's army arrived, the enemy then scattered. Tang Jian returned from his escape. Li Jing beheaded more than 10,000 people, captured more than 100,000 men and women, killed Princess Yicheng 義成 of Sui dynasty, captured her son Dieluoshi 疊羅施. Jieli led more than ten thousand people across the desert, Li Shiji's troops stationed in Qikou 磧口. When Jieli arrived, but could not pass, his big chiefs led the soldiers to surrender, Li Shiji captured fifty thousand and then returned. The Tang dynasty expanded its territory from the north of the Yin Mount to the great desert, and

announced this news to the world”. After this battle, the Tang dynasty established itself as the dominant power in Asia. The Turkic tribes either surrendered or fled to the northwest, leaving the area south of the desert uninhabited. For this reason, the Emperor Taizong 太宗 was honored as “the Khan Heaven”.

^[116] The seven towns of Yiwu: According to the “Dili zhi 地理志” of *Jiu tangshu* (ch. 40), “At the first, Sui established a town to the east of the Agricultural Colonies town of Yiwu in Han times. It was the prefecture of Yiwu”. It was the government seat of Yiwu County in Tang time. “Rouyuan 柔遠 was established in the fourth year of the Zhenguan reign-period, its name took from the former town of Rouyuan to the east of the County. County Nazhi 納職 was established at the town found by the Shanshan barbarians in the fourth year of the Zhenguan reign-period”. These are all three towns. There is a record of “Little town of Yiwu” in the 51st row of *Shazhou yizhou dizhi* 沙州伊州地志 (Dunhuang Document S.0367). It is the fourth town. The “Dili zhi” of *Jiu tangshu* (ch. 40) mentions three Defense Detachments: Luohu 羅護, Chiting 赤亭, Dushan 獨山 to the west of the Nazhi County. The three should have been established in existing towns.

^[117] In the item titled “Yiwu” in “Dili zhi” of *Jiu tangshu* (ch. 40) records that “In the fourth year of Zhenguan it submit to the authority of Tang, which established Province of Western Yi here”. In the item titled “Supi 蘇毗” in “Xiyu zhuan B” of *Xin tangshu* (ch. 221B) records that “The town of Yiwu: ...It acknowledged allegiance to the Middle Kingdom toward the end of Sui, becoming the Prefecture of Yiwu. When chaos ensued, it submitted to the Tujue again. In the fourth year [630] of the Zhenguan reign-period, its chief came to pay his respects. When Jieli was defeated, Yiwu surrendered with seven towns, and the area became Province of Western Yi”. From this, one can know that *Tongdian* was based on the archives in Tang times. In addition, according to *Shazhou yizhou dizhi* (Dunhuang Document S.0367), Its chief was Shi Wannian 石

萬年 when Yiwu surrendered the Tang dynasty. According to the “Dili zhi” of *Jiu tangshu* and *Xin tangshu*, the Province of Western Yi was renamed into Province Yi.

^[118] “The people entered on the population registers”: It means to equal to the common people in the Tang dynasty, and no longer treated like foreigners. This is different from the policy to do maintain ties with barbarians. The statement that “the people entered on the population registers” is the generalization of *Tangdian*, which is noteworthy. To establish Province Yi is the first step that the Tang began to manage the Western Regions, thus was mentioned at first in the “brief preface” of *Tongdian*.

^[119] That is just the Area Commander-in-chief for March Expeditionary Army on the Wuwei Road. In the “Zetian Huanghou ji 則天皇后紀” of *Xin tangshu* (ch. 4) it is read as that “On the day Bingxu 丙戌 of the tenth month Wang Xiaojie 王孝傑, the Grand Area Commander-in-chief for March Expeditionary Army on the Wuwei Road, defeated Tubo 吐蕃, and recovered the sizhen 四鎮 (Four Garrisons)”. Before the system for Military Commissioner was established, the army of going for a battle often was termed as march on a road. The commander of going for a battle was Army Marshal or Grand Army Area Commander-in-chief and so on.¹Based on *Xin tangshu* (ch. 40), *Zhizhi tongjian* (ch. 204, 205), one knows that, the Grand Area Commander-in-chief for March Expeditionary Army was Cen Chengqian 岑長倩, for this launch the attack against the Tubo, Wang Xiaojie performed Grand Army Area Commander-in-chief as an Army Area Commander-in-chief because Cen 岑 was killed. Since the second month of the first year of the Yanzai 延載 reign-period, Wang Xiaojie was promoted to Grand Area Commander-in-chief for March Expeditionary Army on the Wuwei Road because of his work.

^[120] In the “Wang Xiaojie zhuan” of *Jiu tangshu* (ch. 93) it is recorded that “Wang Xiaojie lived in Tubo for a long time, and was familiar with the Tubo’s situation. in the first year of the Changshou 長壽 reign-period he was appointed

¹ Sun Jimin 孫繼民, “Tangdai de xingjun tongshuai 唐代的行軍統帥” (The marching commander in Tang times), In Wuhan Daxue Lishixi Wei Jin Nanbeichao Sui Tang Shi Yanjiushi 武漢大學歷史系魏晉南北朝隋唐史研究室, ed., Wei, Jin, Nanbeichao, Sui, Tang Shi Ziliao 魏晉南北朝隋唐史資料 11 (1991), pp. 206-215.

Commander-in-Chief of Wuwei Army. He led the army with Ashina Zhongjie 阿史那忠節, the Grand General of the Militant Guard of the Left, to attack against Tubo, and recovered Qiuci, Yutian, Shule and Suiye, 'Four Garrisons' and returned". In *Zizhi tongjian* (ch. 205) it is recorded that "At the beginning, Wang Xiaojie from Xinfeng 新豐, as Deputy Director, followed Liu Shenli 劉審禮 to attack Tubo. He and Liu Shenli were captured by the Tubo. The Zap, crying, said, 'you look like my father' as soon as he saw Wang Xiaojie, and treated him with great dignity. Later, he was able to return to the Tang dynasty unexpectedly and was promoted to general for many times and appointed Soaring Hawk Guard Commander of the Right. Getting a long time with the Tubo people, Wang Xiaojie was familiar with the Tubo's situation. Meeting Tang Xiujing's 唐休璟, the Governor of Province Xi 西 asking that to recover Qiuci, Yutian, Shule and Suiye, 'Four Garrisons', the Emperor appointed Wang Xiaojie as Commander-in-Chief of Wuwei Army, with Ashina Zhongjie Xiaojie, the Grand General of the Militant Guard, together led the army to attack Tubo. In the winter of that year, on day *bingxu* 丙戌 day in the tenth month, the Tang army broke the Tubo and recovered the 'Four Garrisons' and established Anxi 安西 Protectorate at Qiuci". In this battle, Tubo was defeated, and Tang's position in the Western Regions was stabilized. The situation that Tang and Tubo fight repeatedly for the "Four Garrisons" was over.

^[121] The setting of the "Four Garrisons": In the item title "Qiuci" of the "Xirong zhuan" of *Jiu tangshu* (ch. 198) records that "Before this, after Emperor Taizong had defeated Qiuci, he moved to the Anxi 安西 Protectorate to the king's government of Qiuci, appointed Guo Xiaoke 郭孝恪 as Protector, who was concurrently in charge of Yutian, Shule and Suiye, which was called "Four Garrisons". Emperor Gaozong who succeeded the throne, unwilling to expand the territory to fatigue people, ordered the relevant departments to give up Qiuci and other towns, the Anxi 安西 Protectorate was still moved to Province Xi. After that, the Tubo made a great invasion, and the "Four Garrisons" to the west of Yanqi were captured by the enemy troops.

In the period when Wu Zetian 武則天 acted in her position, the first year of Changshou reign-period, the Area Commander-in-chief of Wuwei Army, Wang Xiaojie, Ashina Zhongjie defeated Tubo, and recovered the "Four Garrisons" such as Qiuci, Yutian and so on. From then the Anxi 安西 Protectorate also was established in Qiuci, and 30,000 the soldiers of the Tang dynasty were sent to guard it. Due to the recruitment of elite soldiers, and clothing, food and other supplies from the mainland far across the desert, the people could not bear its suffering. Many people petitioned to give up "Four Garrisons", but Wu Zetian never allowed them. Tian Yangming 田揚名 was appointed as the Anxi 安西 Protectorate during the reign of Wu Zetian. There were Zhang Xiaosong 張孝嵩, Du Xian 杜暹 during the reign-period of Emperor Zhongzong 中宗. They all had achievements and were respected by foreigners". The establishment and abandonment of the "Four Garrisons" and the name of the "Four Garrisons" had changed with the times and the political and military situation in northwest China. After the Tang dynasty destroyed Qiuci (present-day Kuche 庫車) in the twenty-second year (648) of the Zhenguan reign-period of Emperor Taizong the Anxi 安西 Protectorate was moved into Qiuci from Gaochang 高昌 (present-day Turfan). Then it was returned to Gaochang because the Western Turks became powerful. In the third year (658) of the Xianqing 顯慶 reign-period the Anxi 安西 Protectorate was moved to Qiuci for the second time. the Protectorate governed Yanqi (Yanqi Huizu 回族 autonomous county), Yutian (Khotan), Shule (Kashgar), the "Four Garrisons" until it was captured by Tubo in the first year of the Xianheng reign-period. In the first year (679) of the Diaolu reign-period the Tang dynasty built the town of Suiye (Tokmak). Suiye replaced the Yanqi and became one of the "Four Garrisons". In the first year (692) of the Changshou reign-period, Wang Xiaojie recovered Qiuci, Yutian, Shule and Suiye, the "Four Garrisons". In the seventh year (719) Kaiyuan reign-period, the Khan of the Ten Surnames, Ashina Xian 阿史那獻 moved to garrison Suiye, the "Four Garrisons" of the Tang dynasty also became Qiuci, Yutian, Shule and Yanqi.¹ The fight for the "Four Garrisons" between

¹ Matsuda Hisao 松田壽男, Kodai Tenzan no Rekishi-Chirigaku teki Kenkyū 古代天山の歴史地理學的研究 (Geo-

the Tang dynasty and the Tubo can be divided into multiple stages, e.g. during the Xianheng 咸亨 and Shangyuan 上元 reign-periods (670–676) the “Four Garrisons” was gave up; during the Yifeng 儀鳳 and Diaolu 義鳳 reign-periods (670–676) the “Four Garrisons” was contended; in the second year (686), Tubo occupied the “Four Garrisons”, and in the the first year of the Changshou reign-period the Tang dynasty recovered the “Four Garrisons” and others.¹

[122] The paying tribute of the envoys from the forigen barbarians during the time of Wu Zetian are recorded in the item titled “Chaogong 朝貢” in the “Waichen bu 外臣部” section of *Cefu Yuanguai* 冊府元龜 (ch. 970). The states and numbers of paying tributes after the Changshou reign-period cannot compare with that during the peak time at the end of the Zhenguan reign-period and the early reign of Emperor Gaozong. Here Du You emphasized that it sent army to garrison in the “Four Garrisons” after Tang’s victory over Tubo which, to some extent, restored control over the Western Regions.

[123] Dashi 大食 was used to call the tribes which were closest to the northeastern edge of the Arabian peninsula. Heiyi Dashi 黑衣大食 refers to the Abbasid dynasty. The Abbasid dynasty entered the stage of history in 749. *Tongdian* says “Heiyi Dashi became powerful and prosperous after the Shenlong 神龍 reign-period (705–707)”, which shows that Du You was not familiar with the history of Dashi, and added the events before the Abbasid dynasty to the rising Abbasid dynasty.² On the expansion of Dashi in Central Asia, in the item titled “Dashi” in the “Xirong zhuan” of *Jiu tangshu* (ch. 198) it is recorded that “Early the Lounshuo 龍朔 reign-period (661–664), Dashi destroyed Bosi 波斯, and also destroyed Fulin 拂菻 (Eastern Rome), from this they had food from rice noodles. Dashi also sent the forces to invaded southwards Poluomen 婆羅門, and annexed the various barbarian states. They had more than

400,000 persons able to bear arms. During the Chang’an 長安 reign-period, Dashi sent envoys to present fine horses. In the second year (712) of the Jingyun 景雲 reign-period Dashi also presented its local products. Early the Kaiyuan 開元 reign-period (713–742) Dashi sent envoys to pay respects at the Court and presented its local products such as horses and precious coins”. When the envoy of Dashi went to court, he just stood upright and did not worship. The officers wanted to punish him. Zhang Yue 張說, the Secretariat Director, submitted a memorial and said, ‘Dashi’s custom is different from ours. They admired kingly way and had come from afar, thus cannot be punished’. The emperor granted special permission. Soon, Dashi sent another envoy to pay tribute to the emperor, who claimed that he only worshiped the God of Heaven in his own country, and do not worship even when he visited the king. The officers questioned him many times. Then he worship according to the etiquette of the Tang people. At that time the states of Kang 康, Shi 石 and so on in the western region all belong to Dashi. The territory of Dashi was ten thousand *li* from east to west and bordered by Tuqishi 突騎施 on the east. Dashi conquered Tukharistan in 705, and invaded Bukhara from 706–709, and then unified the valley of the Wuhu 烏滸 River (Oxus) and extended Sogdiana from 710–712.³

[124] After the conquest of Khalifas, the region was dotted with Muslim fortresses from the Euphrates to the shores of the Mediterranean, including the “strongholds of the river state” for defending the northeastern Mesopotamia and the “strongholds of the desert” for defending Syria.⁴ The description of this paragraph in the “brief preface” by Du You should be based on Du Huan’s 杜環 personal experience.

[125] To the history of the Western Regions in the early Tang dynasty, Du You intercepted and recorded three important events: Yiwu’s allegiance to the Tang dynasty, Wang Xiaojie’s

Historical Studies on the Ancient Tianshan Region), an enlarged edition. Tokyo: Waseda Daigaku Shuppanbu 早稻田大學出版部, 1970, pp. 357–391.

¹ Wang Xiaofu 王小甫, Tang, Tubo, Dashi Zhengzhi guanxishi 唐, 吐蕃, 大食政治關係史 (A history of political relations among Tang, Tubo and Dashi). The Peking University Press, 1992, pp. 68–88.

² Cf. Zhang Riming 張日銘, “Gese Dashi Mingcheng zhi yanjiu 各色大食名稱之研究” (A study on the various names of Dashi), *Zhongguo Wenhua Fuxing Yuekan* 中國文化復興月刊 9–4 (1976), pp. 74–78.

³ H. A. R. Gibb, *The Arb Conquests in Central Asia*, London: The Royal Asiatic Society, 1923, p. 31.

⁴ Ph. K. Hitti, *History of the Arabs*. New York, 1957, p. 200.

defeating Tubo and Dashi's expansion. Of them, Yiwu's allegiance is a direct result of Khan Jieli of the Turks was defeated, which embodies the relationship between the Tang dynasty and Turks. Yiwu's allegiance is the beginning of Tang's management of the Western Regions, and Yiwu become the gateway that the Tang dynasty marched towards the Western Regions, based on this the military accomplishments during the Zhenguan reign-period were established. Wang Xiaojie's defeating Tubo and recovering the "Four Garrisons" is a crucial battle in which the Tang dynasty contended with Tubo, thus the Tang dynasty once again stood firmly in the Western Regions. After this, Tubo did not give up to contend the Western Regions, and occupied ultimately the He-Long 河隴 regions after An-Shi 安史 Disturbances. Du You selected the battle that Wang's defeated Tubo under the background that the Tang dynasty lost the He-Long regions there is really a deep intention. This reflected indirectly the expectation of the ministers during the reign-period of Zhenyuan 貞元 to recovering the He-Long regions. The expansion of Dashi was the most important event in the history of Eurasia in the seventh and eighth centuries. In fact, until the end of the reign-period of Tianbao 天寶, Dashi's force has not reached the east of the Pamir, it does not pose a fatal threat to Tang's forces in the Western Regions. According to Du Huan's personal experience after he was captured, Du You realized Dashi's influence on Central Asia, and included the expansion of Dashi's after the reign-period of Shenlong into the history of the Western Regions of the Tang dynasty, and regarded it as the end of the management of the Western Regions of the Han and Tang dynasties. This reflects the wisdom of Du You as a historian. In this way, the records on the Western Regions of the "Bianfang dian" section of *Tongdian* has the perspective of Central Asia and even Eurasia.

^[126] It refers to the Military Commissioner of Anxi 安西 who governed the "Four Garrisons" at Qiuci. According to the "Fangzhen biao 方鎮表" of *Xin tangshu* (ch. 67), in the first year (710) of the Jingyun 景雲 reign-period the Protector-General of Anxi 安西 Concurrent

Grand Minister Commander, which was the predecessor of the Military Commissioner of Anxi 安西. Afterwards, this officer was appointed concurrently by the Protector-General of Anxi 安西 or was incorporated into the Beiting. It changed frequently with the political and military situation in the northwest China. After An Lushan's 安祿山 rebellion in the fourteenth year (755) of the Tianbao reign-period, the government of Tang dynasty changed the official titles with character of "An 安". According to the "Dili zhi" of *Xin tangshu*, Anxi 安西 "changed its name to Zhenxi, 鎮西 later known still as Anxi 安西". In the tenth year (751) of the Tianbao reign-period, the name of office of Gao Xianzhi was "the Military Commissioner of Anxi 安西 Four Garrisons". The name used by Du You was that after An-Shi 安史 Disturbances.

^[127] Gao Xianzhi was a Gaoli 高麗 people. When he was a young man, he followed his father went to Anxi 安西, where he rose to the rank of the deputy Protector-General of Anxi 安西 and the Chief Prefect of Warden's Office in the Four Garrisons at the end of Kaiyuan reign-period (713–742). During the Tianbao reign-period (742–755), He made many military achievements in northwest China, and commanded the wars to pacify Xiao Bolü 小勃律 (Gilghit) and to punitive the state of Shi 石 (Tashkend). In the twelfth month of the fourteenth year of the Tianbao reign-period, he was executed because his unsuccessful to crusade against An Lushan 安祿山. There are his biographies in *Jiu tangshu* (ch. 104) and *Xin tangshu* (ch. 135).

^[128] In the tenth year (751) of the Tianbao reign-period, Gao Xianzhi sent troops to crusade against the state of Shi 石. The state of Shi 石 was defeated and appealed to Dashi for help. Gao Xianzhi led an army to get deep into the enemy position and was destroyed in the valley of Daluosi 怛邏斯 (Talas). Some soldiers and craftsmen were captured, which led to the spread of Chinese papermaking to the west.¹ Du Huan, as prisoner of war, was taken to the "Western Sea" (It's generally thought to be the Mediterranean).

^[129] The book *Jingxingji* 經行記 has been lost. Now there are some compilations, e. g., Ding

¹ E. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux, Saint-Pétersbourg, 1903, pp. 297–298; P. Pelliot, "Des artisans chinois à la capitale abbasside en 751–762", T'oung Pao, 26(2/3), 1928, pp. 110–112.

Qian's 丁謙 *Jingxingji Kaozheng* 經行記考證 (in the series of *Zhejiang tushuguan congshu* 浙江圖書館叢書), Wang Guowei's 王國維 *Guxingji jiaolu* 古行記校錄 (in *Wang Jing'an Yishu* 王靜安遺書, additional works), Soudenn Rokurō 桑田六郎 *Jiaokan Du Huan Jingxingji* 校勘杜環經行記 (in *Wada Hakase Koki Kinen Tokyoshi Ronso* 和田博士古稀記念東洋史論叢), Zhang Yichen's 張一純 *Jingxingji qianzhu* 經行記箋注 (Beijing: Zhonghua Book Company, 1963) and so on. Of them Zhang's 張 work is the most detailed.

[130] This sentence is the principle for compiling the part of the Western Regions of “Xirong dian 西戎典” section of *Tongdian*, which is to underline “different tales”. In the “Brief Preface on the Northern Barbarians” to the “Beidi dian 北狄典” section of *Tongdian* (ch. 194) it is recorded that Since three dynasties [Xia 夏, Shang 商, and Zhou 周], the rise and fall of the Northern Barbarians can be roughly recorded. Those who were small, but did not constitute a major disaster, we do not record”. From this, it can be seen that the recording principle of the part on the Northern Barbarians is whether they had a significant impact on China's border defense, focusing on the “major disaster”, which is obviously completely different from the part on the Western Regions.

[131] Faming 法明 is Faxian 法顯 (? – c. 422), which changed into this form to observe the taboo of the name of Emperor Zhongzong of the Tang dynasty. Faxian is a famous monk in Eastern Jin 晉 times. He went west to quest for Buddhism and arrived in India, Sri Lanka and so on from the third year (399) of Long'an 隆安 reign-period to the seventh year (411) of Yixi 義熙 reign-period. There is his biography in *Gaosengzhuan* 高僧傳 (ch. 3).

[132] It is also titled *Liyou Tianzhu jizhuan* 歷遊天竺記傳 (in *Kaiyuan shijiaolu* 開元釋教錄, ch. 3, *Fayuanzhulin* 法苑珠林, ch. 119), *Foyou Tianzhuji* 佛遊天竺記 (*Chu sanzangjiji* 出三藏記集, ch. 2; *Kaiyuan shijiaolu* 開元釋教錄, ch. 15B), *Faxianzhuan* 法顯傳, *Foguoji* 佛國

記 (in the “Jingji zhi 經籍志” of *Suishu* 隋書) and *Faxianji* 法顯記 and others. Zhang Xuan's 章異 *Faxianzhuan jiaozhu* 法顯傳校注 is the best version of this book.

[133] Here the punctuating is wrong. It should be Zhi Sengzai's 支僧載 *Waiguoshi* 外國事. During the Wei and Jin dynasties most Monks came eastwards from foreign countries were added a character to indicate the country name on his name. “Zhi 支” refers to the Yuezhi 月支, Sengzai 僧載 was a monk came from Yuezhi in Jin times.¹ Now the book *Waiguoshi* has been lost, but there are many quotes in *Shuijing zhu* 水經注, *Yiwen leiju* 藝文類聚 and *Taiping yulan* 太平御覽 and others.

[134] In postscript of the “Jin Hexi Tan Wuchen zhuan 晉河西曇無讖傳” of *Gaosengzhuan* 高僧傳 (ch. 2) it is recorded that “At that time, there was a monk, Fasheng 法盛 from Gaovhang, who went to foreign countries. His biography is in 4 chapters”. There is a same record in *Shijia fangzhi* 釋迦方誌 (ch. B) by Daoxuan 道宣 in Tang 唐 times. According to the “Jingji zhi 經籍志” of *Suishu*. Fasheng compiled *Liguo zhuan* 歷國傳 in 2 chapters. The “Yiwen lue 藝文略” of *Tongzhi* 通志 also records that there is *Liguo zhuan* 歷國傳 in 2 chapters. From this it can be seen that this work had been lost after the Song 宋 dynasty.

[135] Daoan 道安 (312/314–385), a famous monk during the Eastern Jin 晉. There is his biography in *Gaoseng zhuan* (ch. 5).

[136] There is no related records in the “Jingji zhi 經籍志” of *Suishu*. There is a quotation in *Yiwen leiju* (ch. 76). In the “Jingshi tushu gangmu 經史圖書綱目” chapter of *Taiping yulan* there is an item titled “Shi Daoan's 釋道安 *Xiyuzhi* 西域志”, which are cited in many chapters. From this, we can know that this book existed until the Song 宋 dynasty.

[137] *Faxianzhuan* 法顯傳 also is known as *Foguoji* 佛國記.² However the “*Foguoji*” in *Tongdian* here is not the above-mentioned

¹ Xiang Da 向達, “Han-Tang jian Xiyu ji Hainan Zhuguo Gudilishu Xulu” 漢唐間西域及海南諸國古地理書敘錄 (A description of ancient geographical books on the various states of the Western Regions and the Southern Seas). In *Tangdai Chang'an yu Xiyu Wenming* 唐代長安與西域文明 (Chang'an in Tang times and civilization in the Western Regions). Beijing: SDX Joint Publishing Company, 1957, pp. 565–578.

² *Faxianzhuan Jiaozhu* 法顯傳校注 (The emendation and annotation of the records of the journey of Faxian), composed by Faxian (Eastern Jin), emendated and annotated by Zhang Xun 章異. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 1985, pp. 5–8.

You Tianzhuji 遊天竺記, but Zhu Fawei's 竺法維 *Foguoji*. Zhu Fawei is probably a monk from India in Jin times.¹ The character “wei 惟” maybe an error for “Fawei 法維”, and the full stop before it should be changed into comma. The books following *Foguoji* are paratactic with *You Tianzhuji* 遊天竺記 and so on. The “Zhuanshu bieben Xishengjing hou 撰書別本西升經後” chapter of *Guangchuan shuhuaba* 廣川書畫跋 (ch. 3) by Dong You 董道 in Song 宋 times says that “Now we can see, the things on the Western Regions based on Faming's *Tianzhuji* 天竺記, Zhi Sengzai's *Waiguoshi*, Fasheng's *Zhuguo zhuan*, Daoan's *Xiyuzhi* and *Foguoji*, Tanyong's 曇勇 and Zhimeng's 智猛 *Waiguozhuan* 外國傳 or Zhi Tandi's 支曇諦 *Wushanming* 烏山銘 and so on. Despiting their statements are horrifying and weird, none of the books mentioned Laozi 老子 inspired Futu 浮圖”. Dong's 董 paper should come from Du You's notes for the “Bianfang dian” section of *Tongdian*, from which we can know in “Fawei” had been written mistakenly as “wei 惟” in the *Tongdian* in the eyes of the people in Song times.

[138] Tan Yong 曇勇 is just Fayong 法勇, who also is called Tang Wujie 曇無竭 (“Wujie 無竭” is a translation “Yong 勇”). He was a famous monk during the Liu-Song 劉宋 dynasty. There are his biographies in *Gaoseng zhuan* (ch. 3) and *Chusan zang jiji* 出三藏記集 (ch. 15). In the sixth year (420) of the Yongchu 永初 reign-period of the Liu-Song dynasty, Tan Yong with Sengmeng 僧猛, Tan Lang 曇朗 and other twenty-five people started off Youzhou 幽州 (present Beijing 北京), and arrived as the Southern Tianzhu 天竺 after disasters. Then they returned Guangzhou 廣州 by sea. “All sorts of things that they had been through, there is another biography”. In the “Jingji zhi” of *Suishu* it is recorded that “*Waiguozhuan* in 5 chapters” by Tan Jing 曇景 the monk. “Tan Jing” should be an error for Tan Yong.²

[139] Zhimeng 智猛 (?-c. 453), a famous monk. There is his biography in *Chu sanzangji* (ch. 15)

and *Gaoseng zhuan* (ch. 3). In the “Youlü pian 遊履篇” of *Shijia fangzhi* (ch. B) it is recorded that “In sixth year (404) of the Hongshi 弘始 reign-period of Yao Xing 姚興 in the Later Qin 秦 dynasty in Eastern Jin times, Zhimeng, a monk, who came from Jingzhao 京兆 with 15 his comrades went west from Liangzhou 涼州 to Jibin 罽賓 by the way of Shanshan 鄯善 and other states. They caught sight of the five hundred Arhats and asked about their customs. After twenty years, he, with a partner, returned east until the year *Jiazi* 甲子, then arrived in the Liang 涼 Province and turned into Shu 蜀. In the end of the Yuanjia 元嘉 reign-period of the Liu-Song dynasty he died at Chengdu 成都. His westward journey is recorded, most have clear evidence, the title is *Shamen Zhimeng youxing waiguo zhuan* 沙門智猛遊行外國傳. I have read it in Shu”.

[140] *Youxing waiguo zhuan* 遊行外國傳 (in 1 chapter) of Zhimeng 智猛, the monk, is recorded in the “Jingji zhi” of *Suishu*. There is a same record in the “Yiwen lue” of *Tongzhi*. This book should be lost after the Song dynasty.

[141] Zhi Tandi 支曇諦, a Monk in the Southern dynasties. In the “Song-Wu Huqiushan Shi Rangdi zhuan 宋吳虎丘山釋曇諦傳” of *Gaoseng zhuan* (ch. 7) it is recorded that “His surname is Kang 康, his ancestors are the Kangju 康居 people”. In *Kaiyuan shijiaolu* 開元釋教錄 (ch. 1) it is recorded that “The Monk, Tan Wudi 曇無諦, or Tangdi 曇諦. The Northern Wei people called him Fashi 法實. He came from Anxi 安息”. *Wushanming* 烏山銘 should be an error for *Lingnianshanming* 靈鳥山銘.³ In the item titled “Lingniaoshan 靈鳥山” in the “Di 地” section of *Taiping yulan* (ch. 50) it is recorded that “According to Zhi Tandi's Preface to the *Lingniaoshanming*, ‘In the past, Buddha traveled the town of Rājagriha’ and rested at Mount Lingniao 靈鳥. In the past, it was said that its peak was like a bird, but dignified and clever, hence it gets the name. This mount is a collection of all kinds of fine things, both majestic and beautiful”. Its importance is evident. In the “Jingji zhi” of

¹ Xiang Da, “Han-Tang jian Xiyu ji Hainan Zhuguo Gudilishu Xulu”, p. 577.

² Xiang Da 向達, “Han-Tang jian Xiyu ji Hainan Zhuguo Gudilishu Xulu”, p. 573.

³ Cen Zhongmian 岑仲勉, “Tang yiqian zhi Xiyu ji Nanfan Dilishu” 唐以前之西域及南蕃地理書, (Geography books on the Western Regions and Southern foreign area in pre-Tang times). In Cen Zhongmian, *Zhongwai Shidi Kaozheng* 中外史地考證 (Researches on the history and geography of China and foreign countries). Beijing: Zhonghua Book Company, 1962, pp. 310–318.

Suishu it is recorded that “The collected works by the Monk Zhi Tandi in Jin times (in six chapters)”. *Lingniaoshanming* should be one paper in tis collected works.

^[142] Both the “Jingji zhi” of *Suishu* and the “Yiwen lü” chapter of *Tongzhi* record that “*Dasui fanjing poluomen fashi waiguo zhuan* 大隋翻經婆羅門法師外國傳” (in five chapters), which had been lost.

^[143] The “Xiyu xulue 西域序略 (brief preface to the Western Regions)” is the longest one of all “brief prefaces” in the “Bianfang dian” section of *Tongdian*. It may be a reason that the “brief preface” is crowned with “general preface”. The “Xiyu xulue” includes two aspects: the management history of the Western Regions from Han to Tang 唐 times, and the compilation principles for the contents of the Western Regions. On the later, there is only one sentence “In this record we haven’t the leisure to record the small states without different tales” and the related notes. Therefore, the “Xiyu xulue” could be considered as a brief management history for the Western Regions from Han to Tang times. Generally speaking, the “brief preface to Western Regions” should describe the historical evolution of the Western Regions, but the political power and political evolution of the Western Regions are obviously not the focus of Du You’s description. Du You only focused on one point, which was the relationship between the dynasties in the Central Plains and the Western Regions since the Western Han dynasty. Based on this, Du You lists the pattern of the Western Region (three regions), the changes of the ways to the Western Region (from two to three, four routes), to show the relationship between these changes and China, the measures that dynasties in the Central Plains managed the Western Region (such as official setting, management system, etc.), more major is, records the business strategy of Western Region of the dynasties in the Central Plains in detail. It’s worth noting that Du Yong 杜佑 cited the “Ban Yong

liezhuan 班勇列傳” of *Houhan shu* (ch. 47) and the “Han Xiu zhuan 韓秀傳” of *Weishu* (ch. 42) in the “brief preface”, and made a detailed record on the different opinions of Ben Yong and Han Xiu on the positive defense when the court and the commonalty advocating the abandonment of the Western Regions and Dunhuang 敦煌, but never mentioned the policy of abandoning the Western Regions in the Eastern Han dynasty and the early Northern Wei dynasty. This shows that, Du You’s proposition that he did not abandon the He-Long regions and recovered the He-Huang 河湟 regions under the background of annexing the He-Long regions by Tubo, and embodied his painstaking effort. In terms of drawing materials, the “brief preface to the Western Regions” is given priority to the “Xiyu zhuan” of the official histories and pays special attention to the “Xiyu zhuan” of *Hanshu*, the “Xiyu zhuan” of *Houhan shu*, “Xirong zhuan” of *Weilüe*, the “Xiyu zhuan” of *Weishu*, and the “Xiyu zhuan” of *Suishu*, adopted monographs or biographs of the official histories, the archives in Tang times, local chronicles and *Jingxingji* at the same time. The selection range is very broad, but very strict, and can pay attention to highlight the key. The “brief preface on the Western Regions” is not just copying, but rearranging. Paying attention to the coherence of the historical narrative and Du You’s added own general statement. The text is smooth. To sum up, the “brief preface on the Western Regions” is not a sloppy writing. It records the twists course of the management of Western Region from Han to Tang times, showed the evolution process of the relationship between the dynasties in the Central Plains and the Western Region, and also paid attention to the summary of experience and lessons, reflecting Du You’s thoughts on the management of Northwest frontier. It can be said that “brief preface on the Western Regions” is an excellent brief history of the management of Western Region from Han to Tang times.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В 2000–2015 гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

М. С. Каташев

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, 649000, Россия; email: kms_37@mail.ru; ORCID: 0009-0004-2681-8043

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций развития сельского хозяйства Республики Алтай в период 2000–2015 гг. Освещены проблемы, связанные с состоянием ее материально-технической базы, показаны структурные особенности сельскохозяйственного производства, институциональные изменения в аграрной сфере. Сделан вывод о том, что животноводство, которое в наибольшей степени соответствовало природно-географическим условиям региона и исторически сложившимся традициям хозяйствования, в наибольшей степени адаптировалось к происходившим трансформациям, к новым экономическим условиям. Рост удельного веса крестьянских фермерских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции свидетельствует о возросшем потенциале частнопредпринимательского сектора в сельскохозяйственном производстве.

Ключевые слова: Республика Алтай, дефолт, преодоление последствий кризиса, материально-техническая база, структура сельскохозяйственного производства, крестьянские фермерские хозяйства.

AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE ALTAI REPUBLIC IN 2000–2015: MAIN TRENDS AND FEATURES

Maksim S. Katashev

S. S. Surazakov Research Institute for Altai Studies, 6 Sotsialisticheskaya Str., Gorno-Altai, 649000, Russia; email: kms_37@mail.ru

The article considers of the main trends in the development of agriculture in the Altai Republic in the period 2000–2015. It highlights the problems related to the state of its material and technical base; the structural features of agricultural production and institutional changes in the agricultural sector are shown. It is concluded that animal husbandry, which was most consistent with the natural and geographical conditions of the region and the historically established traditions of management, was most adapted to the transformations taking place in the new economic conditions. The growing share of peasant farms in the production of agricultural products indicates the increased potential of the private enterprise sector in agricultural production.

Keywords: Altai Republic, default, overcoming the consequences of the crisis, material and technical base, structure of agricultural production, peasant farms.

В Горном Алтае аграрная отрасль традиционно занимала ключевую позицию в социально-экономическом развитии региона. В постсоветский период сельское население составляло около трех четвертей от общей численности жителей Республики Алтай (РА). Сельское хозяйство в этот период являлось не только одним из основных источников занятости, но и важным генератором доходов для местного населения, способствуя поддер-

жанию социальной стабильности и экономического благополучия региона.

Состояние и развитие сельского хозяйства, являющегося доминирующим сектором экономики республики, неизменно привлекали пристальное внимание ученых различных дисциплин. В трудах А. Т. Подкорытова представлен всесторонний анализ ключевых проблем аграрного сектора республики, сопровождаемый интересными

данными о рентабельности различных подотраслей [Подкорытов, 2004]. В свою очередь, А. П. Макошев сосредоточил свое внимание на вопросах районирования сельского хозяйства в Горном Алтае, а также на локальных особенностях ведения аграрной деятельности в регионе [Баева, Макошев, 1996; Макошев, 2010]. Однако исследования географов-экономистов и аграрников зачастую охватывают лишь отдельные аспекты данной проблематики.

В ряду комплексных исследований по новейшей истории Республики Алтай следует выделить коллективную монографию «Очерки новейшей истории Республики Алтай (1991–2010)», опубликованную в 2014 г. Эта работа представляет собой систематическое исследование ключевых аспектов исторического развития региона в период становления и трансформации Республики Алтай в контексте социально-экономических реформ, проводившихся с 1991 по 2008 г. Особое внимание в монографии уделяется аграрному сектору, где детально анализируются финансовые показатели, рентабельность производства и себестоимость основной сельскохозяйственной продукции. Такой подход позволяет получить всестороннее представление о состоянии и динамике аграрного сектора в условиях перехода к рыночной экономике.

Среди этнографических исследований, посвященных анализу изменений в жизни коренного алтайского этноса, следует отметить монографию «Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI вв.)», в которой на основе локального материала исследуются трансформации в различных сферах жизнедеятельности, включая бытовую культуру и хозяйственную деятельность [Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры... 2016]. Эти работы представляют значительный интерес для научного сообщества, поскольку они позволяют глубже понять процессы адаптации коренного населения к новым социально-экономическим условиям и выявить специфику этнокультурного развития региона.

В данной статье предпринята реконструкция эволюционных процессов в аграрном секторе Республики Алтай в период с 2000 по 2015 г. Этот временной отрезок характеризуется трансформацией экономической системы страны, перешедшей от затяжного социально-экономического кризиса 1990-х гг. к стадии устойчивого роста. Социально-экономические процессы в регионе также приобрели стабильность, что способствовало адаптации аграрного сектора к новым условиям хозяйствования.

Развитие аграрного сектора региона в конце 1990-х гг. происходило в общероссийском русле. Разразившийся в августе 1998 г. финансовый кризис вызвал рост курса иностранной валюты и, как следствие, сокращение поставок импортных товаров в страну из-за их удорожания. Замещение импорта поставило отечественных производителей сельскохозяйственной продукции в более благоприятные конкурентные условия. Несмотря на уменьшение потребительского спроса, продовольственный рынок стал наполняться отечественной продукцией. Рост производства в пищевой промышленности страны также привел к замещению импорта, что вызвало положительные сдвиги в развитии сельского хозяйства страны.

При этом рост аграрного производства серьезно сдерживали многие проблемы, сформировавшиеся в условиях его радикальной трансформации: нехватка средств и всеобщая задолженность субъектов производственной деятельности, разрыв хозяйственных межотраслевых связей, изношенность технического парка, снижение посевных площадей и поголовья скота.

Но в целом в конце 1990-х гг. наметилась тенденция к росту сельскохозяйственного производства. Кризис 1998 г. продемонстрировал устойчивость и высокие адаптационные возможности сельского хозяйства Республики Алтай. Период 1998–2004 гг. характеризуется некоторым оживлением сельскохозяйственного производства. Удорожание импорта и появившиеся благоприятные конкурентные условия для отечественных сельхозпроизво-

дителей привели к быстрому восстановлению ресурсного потенциала отраслей аграрного сектора, в особенности животноводства, которое в наибольшей степени соответствовало природно-географическим условиям и историческому опыту хозяйствования в регионе.

В результате динамика поголовья скота изменилась с отрицательных показателей на положительные: с 2000 г. после продолжительного спада начал наблюдаться стабильный рост поголовья крупного рогатого скота (КРС), с 2001 г. – рост поголовья овец и коз, с 2002 г. – свиней и лошадей¹. Заданные тенденции продолжались и в последующие годы.

В немалой степени росту производства в аграрной сфере республики способствовали меры, предпринимаемые органами власти республики по поддержке отрасли. В 2001 г. сельхозпроизводителям за счет средств бюджетов разных уровней авансировались поставки продукции по госзаказу на общую сумму 10 млн руб. В дальнейшем практика доведения госзаказа на сельскохозяйственную продукцию сохранялась, осуществлялась выплата дотаций за поставленную по госзаказу продукцию. В республиканском бюджете и в районных бюджетах устанавливался лимит на поддержку животноводства, выделялись дотации на поддержку овцеводства и племенного дела².

Государство оказывало ощутимую поддержку аграрному сектору: в июле 2002 г. был принят федеральный закон «О неотложной помощи сельским товаропроизводителям», который предусматривал отсрочку выплаты кредитов, полное списание пеней и штрафов. Соответствующий законопроект издали и в Республике Алтай. В соответствии с ним отрасли выделялись значительные финансовые ресурсы. При этом почти половина субсидий приходилась на федеральный бюджет. Совершенствовалось кредитование хозяйств, вводились новые виды поддержки из республиканского и федерального бюджетов.

В Республике Алтай, аграрном регионе с выраженной сельскохозяйственной специализацией, аграрный сектор традиционно занимает ключевое место в системе социально-экономической политики. В 2000-е гг. основным источником финансирования сельского хозяйства оставался республиканский бюджет. При этом распределение финансовых ресурсов носило неравномерный характер, с приоритетным акцентом на субсидирование сельскохозяйственных предприятий, преимущественно бывших колхозов и совхозов.

Средства направлялись на различные направления, включая создание благоприятных условий для племенного животноводства, приобретение сельскохозяйственной техники через лизинговые механизмы и аренду с последующим выкупом. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, технический парк в хозяйствах неуклонно сокращался, что свидетельствует о недостаточной эффективности текущих подходов к поддержке аграрного сектора [Очерки... 2014, с. 156].

В 2000-е гг. бюджетная политика Республики Алтай была ориентирована на поддержку агропромышленного сектора и развитие рыночной инфраструктуры сельских территорий. Финансирование сельскохозяйственных производителей региона осуществлялось как из республиканского, так и из федерального бюджетов, что позволило значительно повысить устойчивость аграрного сектора.

Например, в 2004 г. из бюджета РА общественному производству было выделено субсидий на сумму 112 млн руб., из них на приобретение техники по лизингу на возвратной основе – 33,5 млн руб. Из федерального бюджета хозяйства получили 23,8 млн руб., из которых 17,5 млн руб. направлялись в овцеводческую отрасль. Значительные средства из республиканского бюджета перечислялись на оплату штрафов и пеней хозяйств, у которых сохранялась кредитная задолженность перед банками³.

¹ Республика Алтай в 2002 году. Стат. ежегодник. Горно-Алтайск, 2003. С. 212, 232, 239.

² Государственный архив Республики Алтай (далее – Госархив РА). Ф. Р-689. Оп. 2. Д. 424. Л. 72.

³ В деревне научились считать деньги. Интервью с заместителем министра сельского хозяйства Л. Г. Растворовой // Звезда Алтая. 2005. 26 марта. С. 6.

Но лизинг не решал полностью проблему обеспечения хозяйств техникой. Вследствие сохраняющегося диспаритета цен для сельхозпроизводителей приобретение техники представляло трудноразрешимую задачу. Например, в 2006 г., чтобы заправить 16-тонный бензовоз топливом, необходимо было выплатить 300 тыс. руб., что соответствовало стоимости 20–25 голов КРС¹. В итоге процесс износа машин, техники, тракторов продолжался.

В соответствии с объявленным национальным приоритетным проектом «Развитие агропромышленного комплекса» в регионах развернулась работа по разработке аграрной политики. В Республике Алтай, в соответствии с его основными положениями, 17 октября 2006 г. Государственное собрание – Эл Курултай утвердило республиканскую целевую программу «Развитие агропромышленного комплекса Республики Алтай на 2007–2010 годы». Задачи, сформулированные в программе, были направлены большей частью на поддержку животноводства, которое занимало в структуре сельскохозяйственного производства ведущее место. К их числу были отнесены: совершенствование системы кормопроизводства путем улучшения качества естественных кормовых угодий; достижение ускоренного роста мясо-молочного животноводства; развитие перерабатывающих производств, в частности – ставилась задача по обеспечению ввода в строй предприятия по производству молочной продукции «Майма-Молоко» в с. Майма и др.²

Кризис 2008 г. оказал значительное влияние на финансовую стабильность сельскохозяйственных предприятий и привел к снижению ключевых показателей аграрного производства, что продолжалось вплоть до 2010 г. В дальнейшем наблюдался экономический подъем, обусловленный благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой для отечественных производителей сельскохозяйственной продукции. Этот феномен, ана-

логичный ситуации, сложившейся в 1998 г., характеризовался девальвацией национальной валюты и увеличением стоимости импортных товаров, что способствовало росту конкурентоспособности отечественной аграрной продукции на внутреннем рынке.

В ответ на кризисные явления Правительство Российской Федерации разработало комплекс антикризисных мер, включающих субсидирование региональных бюджетов из федерального бюджета для компенсации части затрат на уплату процентов по кредитам, предоставляемым сельскохозяйственным производителям. Эти меры были направлены на минимизацию негативных последствий кризиса для аграрного сектора и поддержку его устойчивого развития. Следует отметить, что кризис 2008 г. вызвал лишь кратковременный спад сельскохозяйственного производства, что свидетельствует о способности отрасли адаптироваться к экономическим потрясениям и оперативно реагировать на изменения внешней среды.

Целенаправленная работа законодательной и исполнительной власти республики по улучшению положения сельского хозяйства республики способствовала постепенному восстановлению прежних возможностей ведущего сектора экономики республики. Стабилизация сельскохозяйственного производства в Республике Алтай и его рост в период с 2000 по 2008 г. отразились на динамике основных показателей в сторону их повышения.

В период с 2000 по 2015 г. в республике наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению поголовья сельскохозяйственных животных всех видов. В частности, численность крупного рогатого скота возросла с 117,5 тыс. до 226,7 тыс. голов, что свидетельствует о значительном прогрессе в животноводческой отрасли. В рамках данного увеличения поголовье коров увеличилось с 54,9 тыс. до 111,6 тыс. голов, что является важным индикатором повышения продуктивности

¹ Гвоздь программы – кооперативы // Звезда Алтая. 2006. 26 сентября. С. 4.

² О республиканской целевой программе «Развитие агропромышленного комплекса Республики Алтай на 2007–2010 годы»: Закон РА от 17 октября 2006 г. № 71–ПЗ [Электронный ресурс] / Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://www.base.garant.ru/32104783/> (дата обращения: 08.09.2023).

молочного сектора. Также стоит отметить положительную динамику в области овцеводства и козоводства, где численность поголовья возросла с 393,4 тыс. до 553,7 тыс. голов. Этот рост свидетельствует о развитии данных направлений животноводства и их значимости для региональной экономики.

В то же время наблюдалось сокращение поголовья свиней с 11,8 тыс. до 5,2 тыс. голов. Уменьшение поголовья свиней можно объяснить большими затратами на корм для данного вида животных¹. Таким образом, анализ динамики поголовья сельскохозяйственных животных в исследуемый период позволяет сделать вывод о наличии положительных тенденций в развитии животноводческой отрасли республики, за исключением свиноводства, где наблюдался спад.

Следует отметить восстановление ключевых показателей поголовья скота до уровня 1991 г. Так, численность лошадей достигла показателей 1991 г. к 2007 г., а поголовье КРС вернулось к исходным значениям к 2009 г. В то же время динамика численности овец и коз демонстрирует значительное отставание от уровня 1991 г., что составляет примерно двукратное снижение к 2015 г. Это отставание обусловлено рядом факторов, включая ограниченные ресурсы пастбищных угодий в Горном Алтае и специфику системы отгонного животноводства, ограничивающую возможности экстенсивного выпаса скота. Пантовое оленеводство как отдельная отрасль животноводства демонстрирует значительные темпы роста, что свидетельствует о его высоком экономическом потенциале.

Таким образом, анализ динамики поголовья скота и продукции животноводства в Республике Алтай позволяет сделать вывод о неоднородности восстановительных процессов в различных сегментах отрасли. В то время как некоторые направления, такие как коневодство и молочное скотоводство, демонстрируют успешное восстановление, другие, например, овцеводство и козоводство, сталкиваются с серьезными ограничениями,

обусловленными природно-климатическими и экономическими факторами.

В контексте восстановления поголовья сельскохозяйственных животных наблюдается заметное расхождение между различными категориями хозяйств. В частности, в секторе домашних хозяйств и крестьянских (фермерских) хозяйств отмечается ускоренное увеличение численности КРС, овец и коз. В то же время в сельхозпредприятиях наблюдается противоположная тенденция: поголовье указанных видов животных продолжает неуклонно снижаться.

Следует отметить, что в сельхозпредприятиях произошло значительное увеличение численности маралов, что свидетельствует о стратегическом стремлении ряда крупных аграрных хозяйств к развитию высокорентабельной отрасли мараловодства. Продукция данной отрасли, в частности, панты маралов, пользуется повышенным спросом на рынках Юго-Восточной Азии, что обуславливает ее высокую экономическую привлекательность.

Таким образом, можно констатировать, что в аграрном секторе наблюдается дифференцированный подход к восстановлению и развитию животноводства, где частные и фермерские хозяйства демонстрируют более высокие темпы роста поголовья, в то время как крупные сельхозпредприятия сосредотачиваются на развитии специализированных и высокодоходных направлений, таких как мараловодство.

С конца 1990-х гг. в сфере животноводства наблюдается значительное улучшение продуктивных характеристик КРС. Увеличение продуктивности животных способствовало пропорциональному росту объемов производства животноводческой продукции, что, в свою очередь, положительно сказалось на экономической эффективности отрасли и продовольственной безопасности страны [Очерки... 2014, с. 164].

Животноводство Республики Алтай испытывало острую потребность в кормах, что стимулировало развитие собственной кормовой базы. Площадь посевных площадей

¹ Краткосрочные экономические показатели Республики Алтай. Январь – март 2024 г. Алтайкрайстат. Горно-Алтайск, 2024. С. 73–75.

за 2005–2015 гг. по всем категориям хозяйств возросла с 103,3 тыс. га до 108,3 тыс. га. Растениеводство в основном было ориентировано на производство кормов для содержания скота, поэтому большая часть посевной площади была занята кормовыми культурами. За 2005–2015 гг. размер их посевов увеличился с 82,4 тыс. га до 98,0 тыс. га¹.

Процесс вывода из хозяйственного оборота пашни в сельхозпредприятиях был вызван перебоями с поставками семян, уменьшением объемов внесения минеральных и органических удобрений. Основная причина заключалась в снижении возможностей технической базы (табл. 1).

Таблица 1

**Наличие сельскохозяйственной техники в сельскохозяйственных организациях
(без микропредприятий)**

Table 1

**Availability of agricultural machinery in agricultural organizations
(excluding microenterprises)**

	2005	2010	2015
Тракторы*	942	653	470
Тракторные прицепы	331	276	214
Сеялки	186	139	100
Плуги	286	228	176
Бороны	726	575	362
Культиваторы	84	82	69
Косилки	246	203	163
Грабли тракторные	157	133	93
Пресс-подборщики	186	139	101
Жатки валковые	20	23	13
Комбайны:			
зерноуборочные	98	85	54
кормоуборочные	81	63	52
картофелеуборочные	–	1	2
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	9	9	6
Машины для внесения в почву твердых органических удобрений	1	1	4
Опрыскиватели и опыливатели тракторные	9	12	11
Доильные установки и агрегаты	55	33	28

Источники: Сельское хозяйство Республики Алтай: экономический доклад. / Террит. орган федер. службы гос. статистики по РА, 2016. С. 7–8.

* Без тракторов, на которых смонтированы землеройные, мелиоративные и другие машины.

Вследствие износа и медленных темпов обновления техники машинно-тракторный парк сокращался. Ее поступление в хозяйства

республики в целом не меняло ситуацию из-за высокого уровня изношенности. За 2015 г. сельскохозяйственные организации

¹ Сельское хозяйство Республики Алтай. Стат. сб. / Алтайкрайстат. Горно-Алтайск, 2016. 138 с.

приобрели только 10 тракторов, 1 плуг, 2 культиватора, 4 кормоуборочных комбайна и 2 доильных установки. За этот же период было списано по износу сельхозтехники 27 тракторов, 1 плуг, 4 культиватора, 3 зерноуборочных и 4 кормоуборочных комбайна¹.

В результате сокращения машинно-тракторного парка роль растениеводства в общем объеме заготовленной сельскохозяйственной продукции снижалась. Доля растениеводческой отрасли в структуре сельскохозяйственного производства за 1999–2015 гг. уменьшилась с 25,4% до 18,1%, а животноводства, соответственно, повысилась – с 74,6% до 81,9%². В животноводстве сложилась более благоприятная ситуация, поскольку отрасль, в отличие от растениеводства, не требовала крупных материально-финансовых вложений.

В Республике Алтай уникальная природно-климатическая среда и исторически сложившиеся традиционные методы хозяйствования обусловили доминирующую роль животноводства в структуре аграрного сектора региона. Эти факторы способствовали адаптации отрасли к социально-экономическим изменениям и обеспечили ее быстрое восстановление после кризисных периодов. Углубление рыночных процессов в аграрном секторе экономики стимулировало опережающее развитие животноводства по сравнению с растениеводством.

О восстановлении возможностей животноводства в Республике Алтай свидетельствует динамика его основных показателей. За 2000–2015 гг. в хозяйствах всех категорий происходил стабильный рост производства продуктов животноводства: скота и птицы в живом весе – с 20,5 до 53,5 тыс. тонн, скота и птицы в убойном весе – с 12,0 до 30,8 тыс. тонн, молока – с 56,5 до 89,7 тыс. тонн, шерсти (в физическом весе) – с 710 до 1170 тонн³. В целом сельское

хозяйство республики продемонстрировало высокие адаптационные возможности животноводства. В 2014–2015 гг. по производству мяса на душу населения Республика Алтай в Сибирском федеральном округе занимала первое место, по производству молока – входила в первую тройку из 12 регионов СФО⁴.

В рамках анализа динамики сельскохозяйственной деятельности Республики Алтай следует отметить, что значительная часть живого скота экспортировалась за пределы региона через посредников. Это обстоятельство актуализировало необходимость развития перерабатывающей промышленности как ключевого направления социально-экономического развития региона.

На 2012 г. в Майминском, Усть-Коксинском, Чемальском и Онгудайском районах функционировали мясоперерабатывающие предприятия, однако большинство из них представляли собой акционерные общества с устаревшими технологическими процессами. Лидирующие позиции в сфере переработки мяса занимал Союзгинский мясокомбинат, который располагал производственными мощностями для транспортировки, убоя и хранения значительных объемов мясной продукции [Трансформации... 2016, с. 287].

Молочное производство в Республике Алтай обладало значительным потенциалом для дальнейшего развития. В 2008 г. данный регион демонстрировал лидирующие позиции по объему производства молока на душу населения. Перерабатывающие мощности были преимущественно сосредоточены в Майминском районе (предприятие «Майма-Молоко») и Шебалинском районе (Чергинский маслосырзавод), а также в рамках производственно-хозяйственных кооперативов и фермерских хозяйств, распределенных по различным районам республики.

¹ Сельское хозяйство Республики Алтай: экономический доклад. / Террит. орган федер. службы гос. статистики по РА, 2016 [Электронный ресурс]. / Текущий архив Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай (далее – Алтайкрайстата). С. 8.

² Республика Алтай в 2000 году. Стат. ежегодник. Горно-Алтайск, 2001. С. 211; Статистический ежегодник Республики Алтай. 2016: статистический сборник / Федер. служба гос. стат., Территор. орган федер. службы гос. статистики по РА. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2016. С. 257.

³ Сельское хозяйство Республики Алтай. Стат. сб. / Алтайкрайстат. Горно-Алтайск, 2016. С. 71.

⁴ Сельское хозяйство Республики Алтай: экономический доклад. / Террит. орган федер. службы гос. статистики по РА, 2016 [Электронный ресурс]. / Текущий архив Алтайкрайстата. С. 18.

Поставщиками молока на перерабатывающие предприятия и производственные объекты являлись большей частью сельхозпредприятия, а также крестьянские (фермерские) хозяйства, личное подсобное хозяйство (ЛПХ) [Трансформации... 2016, с. 291]. Необходимо отметить, что серьезную конкуренцию местным производителям молока составили хозяйства Алтайского края, что существенно ограничивало потенциал расширения молочного производства.

Наблюдается отчетливая тенденция к усилению значимости малых форм хозяйствования, таких как крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), в контексте производства сельскохозяйственной продукции. В период с 2000 по 2015 г. доля КФХ в общем объеме животноводческой продукции демонстрирует значительный рост. В частности, в секторе производства скота и птицы в живом весе этот показатель увеличился с 6% до 32%, в убойном весе – с 6,7% до 31,5%, а в производстве шерсти – с 10,4% до 40,2%.

Примечательно, что в сегменте молочного животноводства доля КФХ осталась относительно стабильной, варьируясь в пределах 6,7–6,8%. Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на общую тенденцию к увеличению роли малых хозяйств в аграрном секторе, некоторые сегменты рынка сохраняют доминирование крупных агропромышленных комплексов¹. Таким образом, можно конста-

тировать, что в анализируемый период КФХ демонстрируют высокую адаптивность и способность к эффективной интеграции в структуру сельскохозяйственного производства, особенно в таких ключевых направлениях, как животноводство и производство шерсти. На базе части фермерства и высокотоварных личных подсобных хозяйств в республике сформировалась основа сельского предпринимательства, которое стало важным сегментом экономики и оказывает сегодня влияние на социально-экономическое развитие региона [Трансформации... 2016, с. 286].

Исполнительные и законодательные органы власти республики, а также руководители районов активно занимались вопросами финансовой поддержки аграрного сектора, в частности, фермерских хозяйств. Так, в 2006 г. в Улаганском районе на закупку семян овса и многолетних трав администрация района выделила крестьянам беспроцентные кредиты на сумму 335 тыс. руб., транспортные услуги (подвоз семян) власти района осуществляли безвозмездно. Всего же на производство мяса, шерсти, пуха администрация Улаганского района выделила крестьянам 2,5 млн руб. [Главное – встать на ноги... 2005, с. 4].

Преобразования в сельском хозяйстве привели к заметным структурным изменениям в составе сельхозпроизводителей в сторону крестьянских (фермерских) хозяйств (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика структуры сельскохозяйственных производителей
(в % от хозяйств всех категорий)**

Table 2

**Dynamics of the structure of agricultural producers
(as a percentage of farms of all categories)**

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015* г.
Сельскохозяйственные организации	22,1	14,9	12,9	11,8	12,6	14,0	13,5
Хозяйства населения	69,9	69,6	70,5	70,3	69,1	61,6	60,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства	8,0	15,5	16,6	17,9	18,3	24,4	26,4

Источники: Сельское хозяйство Республики Алтай: экономический доклад / Террит. орган федер. службы гос. статистики по РА, 2016. С. 5. [Электронный ресурс] / Текущий архив Алтайкрайстата.

* Данные предварительные.

¹ Сельское хозяйство Республики Алтай. Стат. сб. / Алтайкрайстат. Горно-Алтайск, 2016. С. 71.

К 2015 г. в структуре животноводческого сектора наблюдалось значительное перераспределение поголовья КРС, овец, коз и лошадей в пользу крестьянских (фермерских) хозяйств. В частности, в данном сегменте было сосредоточено 37,0% КРС, 39,7% овец, 34,2% коз и 38,7% лошадей от общего объема поголовья скота в стране. Особенно примечательно, что процесс становления и развития фермерских хозяйств достиг наибольших успехов в Кош-Агачском, Онгудайском и Шебалинском районах. В этих административных единицах на долю фермерских хозяйств приходилось до 50% всего поголовья КРС, овец и лошадей, что свидетельствует о высокой эффективности и перспективности данной формы хозяйствования в данных регионах¹.

К началу января 2016 г. на хозяйства населения приходилось 52,3% поголовья КРС, 45,6% овец и коз. Объем производимой продукции за 2015 г. составил: скота и птицы в живой массе хозяйствами населения – 60,4%, фермерскими хозяйствами – 32,0% от общего производства, молока – 83,2% и 6,8% соответственно². Таким образом, фермерство уверенно утверждало свои позиции в сельскохозяйственном секторе региона, в первую очередь – в производстве мяса, и представляло перспективу для своего дальнейшего развития.

В период с 2000 по 2015 г. сельскохозяйственное производство Республики Алтай демонстрировало как общероссийские тенденции, так и региональные особенности. Преобладающую роль в его структуре играло животноводство, что было обусловлено природными особенностями Горного Алтая и историческими традициями ведения скотоводческого хозяйства. Растениеводство, как и прежде, выполняло подсобную роль в целях обеспечения животноводства кормами. В указанный период динамика сельскохозяйственного производства изменилась от падения к устойчивому росту. В немалой степени ощутимую роль в этом сыграли органы

исполнительной и законодательной власти республики, которые оказывали адресную материально-финансовую помощь перспективным хозяйствам. Материальные ресурсы в виде скота концентрировались в крестьянских (фермерских) хозяйствах, что свидетельствует о состоявшейся адаптации сельского хозяйства региона к новым экономическим условиям и возросшем потенциале частного предпринимательства в сельскохозяйственном производстве.

Литература

- Баева Л. Н., Макошев А. П.** Экономическая и социальная география Республики Алтай: учеб. пособие для учащихся. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во «Юч-Сюмер», 1996. 120 с.
- Макошев А. П.** Вопросы территориальной организации горно-животноводческого хозяйства Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. 264 с.
- Очерки новейшей истории Республики Алтай (1991–2010 гг.) / отв. ред. М. С. Каташев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2014. 544 с.
- Подкорытов А. Т.** Агропромышленный комплекс Республики Алтай: состояние и перспективы развития // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник докладов и сообщений. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2004. С. 3–8.
- Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Вып. 2. Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск, 2016. 252 с.

References

- Baeva L. N., Makoshev A. P.** Ekonomicheskaya i sotsialnaya geografiya Respubliki Altai: Ucheb. posobie dlya uchashchikhsya [Economic and social geography of the Altai Republic: Textbook for students]. Gorno-Altaysk, Yuch-Sumer, 1996, 120 p. (In Russian)
- Makoshev A. P.** Voprosi territorialnoi organizatsii gorno-zhivotnovodcheskogo khozyaistva Altaya [Issues of territorial organization of mining

¹ Сельское хозяйство Республики Алтай. Стат. сб. / Алтайкрайстат. Горно-Алтайск, 2016. С. 77–97.

² Сельское хозяйство Республики Алтай: экономический доклад / Террит. орган федер. службы гос. статистики по РА, 2016. [Электронный ресурс] Текущий архив Алтайкрайстата. С. 19.

- and animal husbandry in Altai]. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk State University Press, 2010. 264 p. (In Russian)
- Ocherki noveishei istorii Respubliki Altai (1991–2010 gg.) [Essays on the modern history of the Altai Republic (1991–2010)]. Edited by M. S. Katashev. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk Typography, 2014, 544 p. (In Russian)
- Podkorytov A. T.** gropromishlennii kompleks Respubliki Altai: sostoyanie i perspektivi razvitiya [Agro-industrial complex of the Altai Republic: state and prospects of development]. In: Altai village: history, current state, development prospects. Collection of reports and messages. Gorno-Altaiisk, Univer-Print, 2004, pp. 3–8. (In Russian)
- Transformatsii v obshchestve i tsennosti traditsionnoi kulturi v Respublike Altai (konets XX – nachalo XXI vekov). Vip. 2. Khozyaistvenno-kulturnii kompleks Gornogo Altaya: transformatsii i traditsii (konets KhKh – nachalo XXI vv. [Transformations in society and the values of traditional culture in the Altai Republic (late 20th – early 21st centuries). Issue 2. The economic and cultural complex of Gorny Altai: transformations and traditions (late 20th – early 21st centuries)]. Edited by N. V. Yekeev, E. V. Yentinov. Gorno-Altaiisk, 2016, 252 p. (In Russian)

ТУБАЛАРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В.П. Кривоногов

Сибирский федеральный университет, Свободный просп., 79, Красноярск, 660041, Россия; email: victor950@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1255-2366

Исследование, проведенное среди тубаларов в ходе этнографической экспедиции в июле 2025 г., ставило целью выявление характера этнических процессов на территории Турочакского, Чойского и Майминского районов Республики Алтай, где расположена основная этническая территория тубаларов. Здесь проживает немного менее половины представителей этого субэтноса алтайского народа. Мы определили их численность в 1500 человек, остальные в результате миграций покинули эту территорию. В ходе исследования проведен массовый опрос 25 % тубаларов на основной этнической территории по специальному опросному листу. На взрослых опросный лист составлялся при непосредственной беседе, опросные листы на детей составлялись со слов родителей. Всего составлен 381 опросный лист. Выяснилось, что среди тубаларов развернулись ассимиляционные процессы в языке, в разных областях материальной и духовной культуры. Тубалары постепенно забывают свой язык, переходят на русский, большинство детей им не владеют. В западной части территории наблюдается рост влияния алтайцев. Растет число и доля национально-смешанных браков, чаще всего с русскими, в меньшей степени – с челканцами, кумандинцами и южными алтайцами. Доля лиц смешанного происхождения среди тубаларов достигла высокого уровня, а среди детей и молодежи они составляют большинство. Тем не менее этническое самосознание довольно устойчиво.

Ключевые слова: тубалары, этнические процессы, этнодемография, языковые процессы, национально-смешанные браки.

THE TUBALAR PEOPLE: MODERN ETHNIC PROCESSES

Victor P. Krivonogov

Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia; email: victor950@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1255-2366

A study, conducted among Tubalars during an ethnographic expedition in July 2025, aimed to identify the nature of ethnic processes in the Turochak, Choi, and Maima districts of the Altai Republic, where the main ethnic territory of Tubalars is located. Slightly less than half of the representatives of this ethnic subgroup of the Altai people live here. We estimated their number at 1,500, while the rest left the territory as a result of migration. In the course of the study, a mass survey of 25 % of Tubalars in the main ethnic territory was conducted using a special questionnaire. For adults, the questionnaire was compiled during a direct conversation; and questionnaires for children were compiled from the parents' words. A total of 381 questionnaires have been compiled. It turned out that assimilation processes in language and in various areas of material and spiritual culture have developed among Tubalars. Tubalars are gradually forgetting their language, switching to Russian, and most children do not speak it. The Altai people's influence is growing in the western part of the territory. The number and proportion of nationally mixed marriages is growing, most often with Russians, to a lesser extent with Chelkans, Kumandins, and southern Altaians. The proportion of people of mixed origin among Tubalars has reached a high level, and they are the majority among children and youth. Nevertheless, ethnic identity is quite stable.

Keywords: Tubalars, ethnic processes, ethno-demography, linguistic processes, nationally mixed marriages.

Введение

Тубалары (йыш-кижи, «черневые татары», тадарлар) проживают в Турочакском, Чойском

и Майминском районах Республики Алтай. В XX в. тубалары считались частью алтайского этноса и отдельно не учитывались.

Позже в переписях тубалары были выделены отдельной строкой. Численность тубаларов, по данным переписей населения, – 1565 чел. в 2002 г., 1891 чел. в 2010 г. и 3620 в 2021 г. [Всероссийская перепись населения 2002 г.; Национальный состав населения Российской Федерации...; Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи...]. Такие значительные колебания в численности, на наш взгляд, связаны с наличием в западной части их ареала (Майминский район) большого количества смешанного тубаларо-алтайского населения, нередко с двойным этническим самосознанием, которые в зависимости от конъюнктуры могут относить себя как к тубаларам, так и к алтайцам. Перепись 2002 г. выделила тубаларов в качестве отдельного этноса, наряду с кумандинцами. Однако, в отличие от последних, в дальнейшем тубалары вновь были включены статистикой в состав алтайцев, но выделены отдельной строкой, т.е. считаются субэтносом алтайской народности. В таком статусе они числились и во время проведения нашей экспедиции в июле 2025 г. Экспедиция ставила задачей изучение современных этнических процессов на основной территории расселения. Выяснилось, что далеко не все тубалары проживают в пределах этой территории, многие разъехались по другим районам республики, немало в процессе урбанизации переместились в г. Горно-Алтайск. Доля тубаларов, проживающих в городских условиях, составила 15,9%, что эквивалентно 301 чел. из общей численности этнической группы в 1891 чел. [Всероссийская перепись населения 2002 года...].

Точной статистики расселения тубаларов по отдельным селам на сегодняшний день найти не удалось, но на местах, в ходе экспедиции, с привлечением специалистов и экспертов, мы сделали оценку этой численности и определили число тубаларов в местах традиционного проживания примерно в 1,4–1,5 тыс. чел. К основной этнической территории мы отнесли юго-восток Майминского района, большую часть Чойского района и юг Турочакского района. Тубалары составляют большинство в с. Старый Кебезень, Тулой.

В остальных селах (Александровка, Урлу-Аспак, Паспаул, Средний Сайдыс, Кебезень, Артыбаш, Иогач, Ынырга, Красносельск, Уймень и др.) тубалары составляют, как правило, от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ общего населения.

В ходе экспедиции был использован многоаспектный методологический подход, включающий комплексный анализ различных письменных и статистических источников, документов, интервью с информаторами, экспертные консультации, а также метод непосредственного наблюдения. Однако центральное место в исследовательской стратегии занимало проведение массового опроса населения, с использованием специально разработанного опросного листа, включающего 29 вопросов.

Основная цель опроса заключалась в охвате не менее 25% тубаларов, проживающих на их этнической территории, при этом строго соблюдались пропорции по половозрастному составу и социальным группам. Особое внимание уделялось равномерному распределению респондентов по выбранным населенным пунктам в соответствии с реальной системой расселения тубаларов. В результате был собран массив из 381 заполненного опросного листа в с. Средний Сайдыс, Паспаул, Тунджа, Кебезень, Старый Кебезень и Иогач.

Опрос проводился посемейно: для взрослых респондентов опросный лист заполнялся в ходе личной беседы, в то время как для детей (в сокращенном варианте) информация собиралась со слов родителей. Таким образом, выборка респондентов была тщательно репрезентативной, что позволяет считать полученные данные надежными и достоверными.

Все представленные в статье таблицы составлены на основе тщательной обработки и анализа собранных опросных листов, что обеспечивает высокий уровень научной обоснованности и достоверности выводов исследования.

Исследователи отмечают, что, кроме тубаларской, среди этой группы существует и общеалтайская идентичность, которую в ряде случаев можно рассматривать как этническую, но также и как «национальную»

республиканскую. Есть мнение о двухуровневом самосознании тубаларов, часть которых считает себя одновременно и алтайцами, и тубаларами. Среди самих тубаларов нет единства – одни склонны рассматривать себя в качестве особого этноса, другие – осознают себя в составе алтайцев.

То, что отношение властей к тубаларской группе за последние годы дважды менялось (сначала признали отдельным этносом, затем вновь включили в состав алтайцев в качестве особого субэтноса), говорит о том, что вопрос этот сложный и неоднозначный. Мы решили обратиться с этим вопросом к самим тубаларам в ходе массового опроса, с предложением высказать свое мнение. Результаты оказались следующими: 47,2% выразили желание числиться отдельным народом, 1,4% затруднились в ответе, а более половины опрошенных взрослых – 51,4.% – выразили согласие с тем положением, в котором находятся сейчас, т.е. их устраивает статус субэтноса в составе алтайского этноса. Так что и для самих тубаларов этот вопрос оказался непростым.

Однако надо иметь в виду, что, будучи субэтносом в составе алтайцев, тубалары получили те льготы, которые предусмотрены малочисленным народам, и многих это вполне устроило. На востоке и на западе ареала расселения тубаларов ответы оказались разными.

На западе (Майминский район), где тубалары живут смешанно с алтайцами и где языковое и культурное влияние алтайцев сказывается сильнее, сторонников быть отдельным этносом оказалось меньше, всего 31,6%, а вот в центре и на востоке (Чойский и Тарочакский районы), где интеграционные процессы в рамках общеалтайской общности проявляются слабее, показатель оказался 65,6%.

В прошлом тубалары делились на ряд родов (сеоков), которые играли определенную роль в повседневной жизни, в частности регламентировали брачные отношения и т.д. По данным переписи 1897 г., в «тубаларских» волостях проживали представители сеоков Комдош, или Комнош, Ярык, Чагат, Ялан, Тастар, Мундус, Байлагас, Соен, Дьеты-Сары, Юс, Чор, или Шор, Кузен, Тентерек, Танды, Йоты, или Чооты, Тертас, Педеш, Тогус, Тибер, Сарылар, Комдош [Тубалары. Общие сведения...].

В течение XX в. родовая система перестала играть какую то бы ни было роль в жизни, но все же неплохо сохраняется в памяти. Наш опрос показал, что помнят о своей принадлежности к тому или иному роду 82,5% опрошенных взрослых, при этом в возрасте 60 лет и старше этот показатель оказался 90,4%, но и в младшей возрастной группе взрослых (18–29 лет) показатель неплохой – 76,5%.

Демографические показатели и миграции

Таблица 1

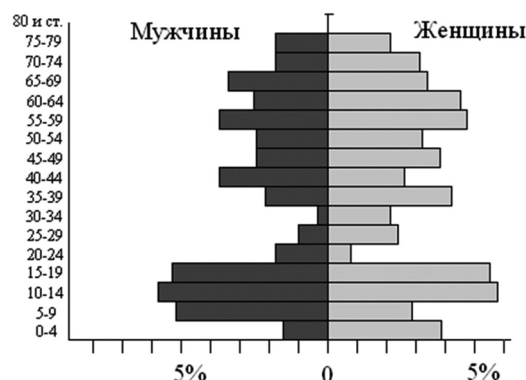
Демографические параметры тубаларов отражены в таблице 1 (рис. 1).

Половозрастной состав тубаларов (по данным опроса, %)

Table 1

The gender and age composition of Tubalars (according to the survey, %)

Возраст	Мужчины	Женщины
70 и старше	3,6	5,2
60–69	6,0	7,9
50–59	6,1	7,9
40–49	6,1	6,5
30–39	2,4	6,3
20–29	2,8	3,2
10–19	11,1	11,3
До 10 лет	6,8	6,8

Рисунок 1. Половозрастная структура тубаларов**Figure 1.** The gender and age structure of Tubalars

Обращает на себя внимание низкая доля молодых мужчин и женщин 20–29 лет (мужчины этой возрастной группы составили в структуре народа 2,8%, женщины – 3,2%). Это связано с миграциями молодежи за пределы своей этнической территории, прежде всего в города. Многие молодые люди, уезжая в города на учебу, назад уже не возвращаются, тем более многие получаемые в учебных заведениях профессии в сельской местности

не востребованы. У тубаларов закончился переход от многодетных и среднететных семей к малодетным, наиболее распространенный размер семьи – 2 чел. (табл. 2). Тем не менее есть и некоторое количество семей большего размера (19,0 семей – 5 и более чел.), что позволяет сделать вывод об относительно благополучном естественном воспроизводстве тубаларов.

Таблица 2

Размер семей тубаларов (по данным опроса, %)

Table 2

Tubalars' family size (according to the survey, %)

	Размер семьи, чел.						
	1	2	3	4	5	6	7
Доля семей данного типа	11,0	44,8	12,9	12,3	9,2	7,4	2,4

Средний размер семьи – 3,2 чел. Семьи из 2 чел. – это в основном пожилые супружеские пары, чьи дети уже отделились.

Как уже говорилось, значительная часть тубаларов в результате миграций оказалась за пределами основной этнической территории, в первую очередь в г. Горно-Алтайске, и, судя по всему, миграции в город в предстоящие годы продолжатся. Об этом говорят данные опроса. Всего при опросе взрослых (18 лет и старше) выразили желание покинуть свои села 7,6% мужчин и 16,0% женщин. Казалось бы, это не так много, однако если обратиться к младшей группе – 18–29 лет, то показатели

существенно выше – 42,9% юношей и молодых мужчин и 57,1% девушек.

Главное направление миграций по-прежнему города, прежде всего Горно-Алтайск. Такие настроения молодежи, несомненно, приведут к сокращению численности тубаларов на основной этнической территории. Миграции молодежи ведут к сокращению числа и доли молодых семей и, как следствие, постепенному сокращению рождаемости и ухудшению демографических показателей на этой территории. На это указывает сравнение трех детских пятилетних возрастных групп. Дети и подростки 10–14 лет составляют

в составе тубаларов 11,6%, 5–9 лет – 8,1%, до 5 лет – 5,5%. Если миграции в том же объеме продолжатся (а скорее всего, так и будет), то это может привести со временем к отрицательным показателям воспроизводства.

Изменения в материальной культуре

Проживание в смешанной среде ведет к изменению всего образа жизни, в том числе и в области материальной культуры. Традиционные формы заменяются современными, городскими. В области материальной культуры, такой как одежда, в течение XX в. наблюдается переход от традиционных моделей к массовым покупным изделиям.

Основу традиционной одежды тубаларов в прошлом составляли туникообразного покроя рубаха, штаны, халат, которые традиционно изготавливались из льняного и конопляного дмотканого холста. Обувь была представлена сапогами с холщовыми или кожаными голенищами и чирками (у женщин). Распространение также получила специализированная одежда из войлока (халат, шапка, чулки) [Материальная культура и быт тубаларов...]. В настоящее время, согласно нашему опросу, имеют национальную одежду 14,0% женщин (все возрастные группы, включая детей) и 10,7% мужчин. Другие предметы традиционной материальной культуры тубаларов (кроме одежды), согласно опросу, имеются в 30,8% семей (самодельные орудия труда, посуда, сувенирные изделия с национальной спецификой и т. п.).

В сфере материальной культуры пищевые традиции демонстрируют значительную устойчивость к изменениям. У тубаларов, как и у многих других народов, исторически сложились уникальные методы и подходы к производству и потреблению продуктов питания. В древности основными источниками растительной пищи являлись мотыжное земледелие и собирательство. В XX в. структура их рациона претерпела изменения, однако корни и стебли дикорастущих растений, зерновые культуры и картофель продолжали играть ключевую роль.

Особое значение в питании имели мучные и крупяные полуфабрикаты. Наиболее простым и распространенным методом обработки ячменя было его дробление в ступе. Из дробленого ячменя готовили похлебку, добавляя подсоленную воду. Также из зерна получали муку, толокно и крупу. Для получения муки зерно растирали на зернотерке или мололи на ручной мельнице. Крупу использовали для приготовления каши, которую варили на подсоленной воде, часто с добавлением молока. В некоторых случаях перед употреблением в кашу подсыпали толокно.

Традиционная выпечка хлеба также имела свои особенности. Первоначально хлеб представлял собой лепешки, которые пекли из пресного теста в горячей золе. Позднее освоили технологию приготовления дрожжевого хлеба, что значительно расширило ассортимент хлебобулочных изделий.

Одним из традиционных блюд является *тутпач* – лапша в виде квадратиков. Это блюдо готовилось с различными видами мяса и диким луком, что придавало ему уникальный вкус и аромат. Из пресного теста также готовили вареники, пироги и блины. Пироги часто пекли с начинкой из растертой черемухи, что подчеркивало сезонность и разнообразие рациона.

Значительное место в рационе питания занимали луковицы, стебли и листья дикорастущих растений, таких как кандык, сарана, черемша и др. Эти растительные компоненты употреблялись как в сыром, так и в вареном виде, что свидетельствует о разнообразии пищевых практик и высокой степени адаптации к местным экосистемным ресурсам. Кроме того, в пищевом рационе значительное внимание уделялось различным видам ягод, включая малину, смородину, черемуху и клубнику.

Значительную долю в питании составляли мясо дичи и рыба, что отражало высокую степень охотничьей активности и рыболовства. В рационе присутствовали такие виды диких животных, как медведь, олень, лось, марал, бурундук, заяц и др. Из птиц употреблялось мясо глухаря, рябчика, гуся и утки.

Забой скота осуществлялся преимущественно осенью, с последующей заготовкой мяса на зиму. Основной заготавливаемый продукт – конина – подвергался заморозке на улице и хранению на крыше одной из хозяйственных построек. Кровь животных сразу сливали и использовали в качестве основы для приготовления кровяной колбасы. Рыба подвергалась различным методам обработки: жарке, солению, вялению, а также использовалась для приготовления ухи.

С течением времени в рационе увеличилась доля молочных продуктов, таких как сыр, творог и масло, что свидетельствует о развитии животноводства и повышении уровня аграрной культуры [Тубалары – история, численность и расселение народа...]. В настоящее время блюда традиционной кухни употребляют, согласно нашему опросу, 78,1 % взрослых, при этом регулярно – 46,9 %. Обычно информаторы называют 3–4 наиболее популярных блюда.

Этноязыковые процессы

Язык тубаларов, вместе с кумандинским и челканским, обычно относят к числу северных диалектов алтайского языка, но в отличие от т. н. южных диалектов его включают вместе с шорским, чулымско-татарским и хакасским языками в хакаскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. С 1980-х гг. язык тубаларов начинает рассматриваться лингвистами и как самостоятельный объект изучения, без диалектной отнесенности

к алтайскому языку [Баскаков, 1960, 245 с.]. Вместе с тем в лингвистике встречается мнение, что существует особый северо-алтайский язык, диалектами которого и являются тубаларский, челканский и кумандинский.

В результате проведенного опроса была выявлена тревожная тенденция постепенного исчезновения тубаларского языка из повседневного использования. Анализ данных показал, что только 9,5 % респондентов указали тубаларский язык в качестве родного. Дополнительно 9,4 % опрошенных отметили владение двумя языками: тубаларским и русским.

В то же время алтайский язык был признан родным лишь 1,1 % участников исследования, а комбинация алтайского и тубаларского языков характерна для 4,2 % респондентов. Примечательно, что алтайский и русский языки в качестве родного указали 0,5 % опрошенных, а три языка (тубаларский, алтайский и русский) – 1,0 %. Большинство респондентов (74,3 %) идентифицировали русский язык как единственный родной, что свидетельствует о доминировании русской языковой среды в данном этническом сообществе.

Детальный анализ распределения показателей родного языка по возрастным группам, представленный в таблице 3, демонстрирует явную корреляцию между возрастом респондентов и степенью владения тубаларским языком. С уменьшением возраста наблюдается значительное снижение числа респондентов, указывающих тубаларский язык в качестве родного.

Таблица 3

Родной язык тубаларов (по данным опроса, %)

Table 3

Tubalars' native language (according to the survey, %)

Используют при общении	Языки						
	Тубаларский	Тубаларский и русский	Русский	Тубаларский и алтайский	Алтайский	Алтайский и русский	Тубаларский, алтайский и русский
70 и старше	26,5	14,7	52,9	–	–	–	5,9
60–69	39,6	24,5	30,2	5,7	–	–	–
50–59	7,5	3,8	67,9	5,7	7,5	3,8	3,8

Продолжение таблицы

Используют при общении	Языки						
	Тубаларский	Тубаларский и русский	Русский	Тубаларский и алтайский	Алтайский	Алтайский и русский	Тубаларский, алтайский и русский
40–49	4,2	16,6	75,0	4,2	—	—	—
30–39	—	15,2	84,8	—	—	—	—
20–29	—	4,3	78,3	17,4	—	—	—
10–19	—	2,4	92,9	4,7	—	—	—
До 10	—	—	100	—	—	—	—

Алтайский язык в качестве родного называют только на западе территории расселения тубаларов – в Майминской районе, в центре и на востоке (Чойский и Турочакский районы) – только тубаларский и русский.

Показатели по основному разговорному языку оказались еще ниже: лишь 2,1 % назвали

тубаларский и русский языки, 1,0 % – тубаларский и алтайский, 1,6 % – алтайский, 1,6 % – тубаларский, 0,5 % – алтайский и русский, остальные 93,2 % – только русский. Степень владения тубаларским языком показана в таблице 4.

Таблица 4

Степень владения тубаларами языком своей национальности (по данным опроса, %)

Table 4

The degree of native language proficiency among Tubalars (according to the survey, %)

Владеют тубаларским языком				
Свободно	С некоторыми затруднениями	Со значительными затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
4,7	5,3	10,2	17,9	61,9

В младших возрастных группах степень владения языком своей национальности заметно падает (табл. 5, рис. 2).

Таблица 5

Степень владения языком своей национальности в разных возрастных группах тубаларов (по данным опроса, %)

Table 5

The degree of native language proficiency among different age groups of Tubalars (according to the survey, %)

Возраст	Владеют тубаларским языком				
	Свободно	С некоторыми затруднениями	Со значительными затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
70 и старше	14,7	11,8	20,6	23,5	29,4
60–69	11,3	11,3	28,3	37,8	11,3
50–59	9,4	3,8	13,2	22,7	50,9

Продолжение таблицы

Возраст	Владеют тубаларским языком				
	Свободно	С некоторыми затруднениями	Со значительными затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
40–49	4,2	4,1	4,2	27,1	60,4
30–39	—	—	12,1	24,3	63,6
20–29	—	17,4	—	21,7	60,9
10–19	—	2,3	4,7	2,4	90,6
До 10	—	—	—	—	100

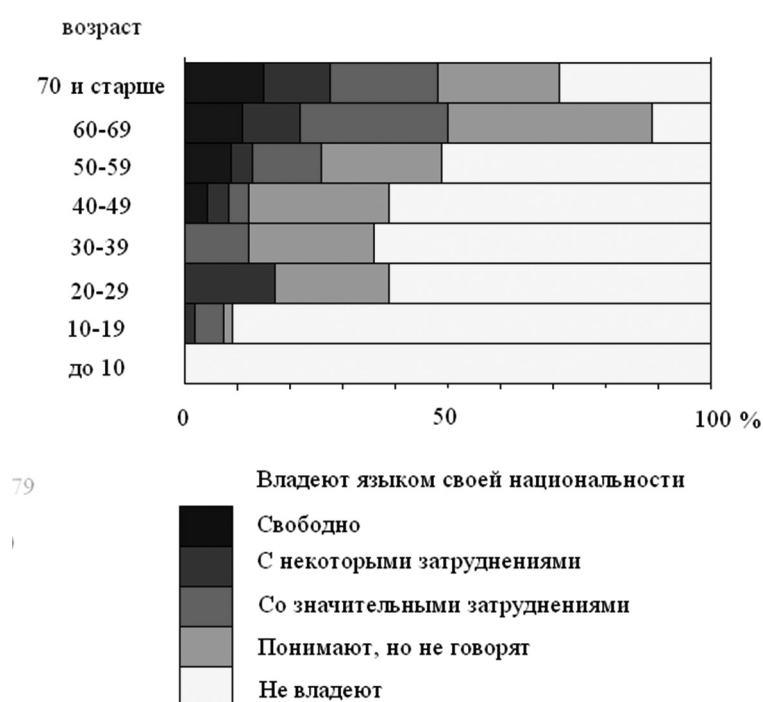

Рисунок 2. Степень владения языком своей национальности тубаларами разных возрастных групп
Figure 2. The degree of native language proficiency among Tubalars of different age groups

Отношение к своему собственному языку в разных частях территории тубаларов разное. На западе ареала (Майминский район) тубалары считают свою речь практически идентичной алтайскому языку, не видят особых различий. А если некоторые различия и есть, то очень незначительные. Многие так нам и отвечали: «Мы говорим на алтайском языке». В центре ареала (Чойский район) различий уже больше, здесь свой язык с алтайским уже не путают, но считают его диалектом алтайского языка. А вот на востоке ареала

(Турочакский район) подчеркивают значительную разницу своей речи с алтайским литературным языком, нередко называют свою речь отдельным от алтайского языком, указывают на близость к соседнему челканскому диалекту. Некоторые отмечают, что плохо понимают речь южных алтайцев. Русским языком владеют свободно все. В разных сферах общения преобладает русский язык, тубаларский и алтайский языки используются менее интенсивно (табл. 6).

Таблица 6

**Использование тубаларского, алтайского и русского языков в разных ситуациях
(по данным опроса, %)**

Table 6

**The use of Tubalar, Altai, and Russian languages in different situations
(according to the survey, %)**

Используют при общении	Языки						
	Тубаларский	Тубаларский и русский	Русский	Тубаларский и алтайский	Алтайский	Алтайский и русский	Тубаларский, алтайский и русский
С родителями	6,3	17,9	68,5	4,7	0,5	–	2,1
С братьями, сестрами	1,1	4,5	88,6	4,8	–	–	1,0
Друзьями	–	4,2	90,0	1,6	–	1,1	3,1
С супругами	0,9	8,0	84,8	1,8	1,8	1,8	0,9
С детьми	–	2,8	91,7	1,8	0,9	0,9	1,9
На производстве	–	0,9	94,9	–	–	1,7	2,5

Его использование преимущественно характерно для представителей старшего поколения. Согласно проведенным исследованиям, в возрастной группе от 60 лет и старше 21,8% респондентов сообщили о преимущественном использовании тубаларского языка в процессе коммуникации с родителями. Дополнительно 46,0% респондентов этой возрастной категории указали на билингвальную практику, где тубаларский язык применяется наряду с русским и алтайским языками.

На территории республики в некоторых селах, особенно с однородным коренным населением, было организовано изучение алтайского литературного языка, разработанного на основе языка южных алтайцев, составляющих большинство в составе народа. Изучали его и в некоторых школах на территории расселения северных алтайцев. В нашей выборке 27,3% тубаларов старше 7 лет (т.е. взрослые и дети школьного возраста) отметили, что изучали алтайский язык в школе. Особенно высок этот показатель в национальных селах. Например, в с. Средний Сайдыс, в котором большинство населения – собственно алтайцы (тубалары в меньшинстве), изучали алтайский язык в школе 92,3% туба-

ларов. В с. Старый Кебезень (где тубалары составляют большинство) – 50,0%. В смешанных селах этот показатель намного ниже, например в с. Паспаул – 8,3%, Иогач – 17,6%. Часто жители смешанных сел, указавшие, что изучали алтайский язык в школе, оказываются выходцами из однопациональных населенных пунктов.

В результате изучения алтайского языка 4,9% опрошенных тубаларов (взрослые и дети школьного возраста) заявили, что могут на нем читать и писать, еще 23,3% – только читать (писать затрудняются), при этом большинство отмечали, что читать в реальной жизни почти не приходится, а поводов писать нет вообще (исключение – попавшие в выборку учителя алтайского языка).

В поселках, где проживают представители разных этнических групп, наблюдаются значительные вариации в уровне грамотности населения. В с. Средний Сайдыс Майминского района, где тубалары, у которых речь, по их словам, близка алтайскому языку, живут вместе с собственно алтайцами, читать могут все, а более половины – и писать. А вот в соседнем смешанном селе Чойского района Паспаул читать могут лишь 8,3% и мало кто пишет

(1,4%). Почти все села центральной и восточной части ареала смешанные по национальному составу, причем тубалары составляют в них меньшинство (чаще всего 10–30%), что затрудняет организацию здесь национальных классов с изучением алтайского языка.

Определенная часть респондентов освоила разговорную южноалтайскую речь. Это освоение происходило не только в рамках образовательных учреждений, но и посредством непосредственного взаимодействия с носителями южного диалекта алтайского языка. В ходе опроса, охватывающего различные возрастные группы тубаларов, было выявлено, что 8,4% респондентов заявили о свободном владении южноалтайским языком. Еще 17,5% опрошенных указали на наличие затруднений в его использовании или ограничились лишь пониманием устной речи на данном диалекте. Прослеживается корреляция этого показателя с изучением алтайского языка в школе. Среди тех, кто его учил, хотя бы понимают 66,7%, но и среди тех, кто его не изучал, тоже встречаются – 13,8%. Однако это относится только к западным тубаларам (Майминский район), где тубалары проживают с алтайцами и непосредственно контактируют в одних и тех же селах. В центре (Чойский район) и на востоке (Турочакский район) южных алтайцев очень мало, их здесь единицы, поэтому общение с ними тубаларов весьма ограничено. Это снижает влияние алтайского языка, тормозит интеграционные процессы.

Процессы в духовной культуре

В области духовной культуры компетенция респондентов коррелирует со степенью владения языком своей национальности. Это проявляется, в частности, в уровне знакомства респондентов с фольклором своего народа.

Тубалары имеют богатые фольклорные традиции. Тубаларский фольклор разнообразен по видам, он подразделяется на несколько жанровых традиций: эпическую (мифы, сказания героического содержания), обрядовую (шаманский ритуал), лирико-бытовую (личные и иносказательные песни, краткие сказки и предания, короткие жанры фольклора –

загадки, пословицы и др.) [Современный фольклор тубаларов...].

Обратимся к такому популярному виду фольклора, как песни. В настоящее время, согласно нашему опросу, большинство тубаларов (от 8 лет и старше) поют на русском языке – 94,0%, на тубаларском – 20,9%, на алтайском – 6,0%. Среди тех, кому 60 лет и более, поют на тубаларском языке (наряду с русским и алтайским) 31,0% опрошенных, в возрастной группе 40–59 лет – 19,8%, среди детей и лиц среднего возраста (от 8 до 39 лет) – 15,5%. На алтайском языке поют в основном на западе (Майминский район), где вообще многие не видят разницы между своей речью и алтайским языком.

Среди опрошенных взрослых и детей (8 лет и старше) 11,2% ответили, что помнят слова тубаларских песен, из них 4,2% помнят их больше 3-х. Любители песен на этом языке чаще встречаются среди пожилых, например, в возрасте 60 лет и старше знают хотя бы 1–3 песни 18,4%, в возрасте 40–59 лет – 14,9%, в возрасте 8–39 лет – 4,2%. Песни на алтайском языке помнят (хотя бы 1–3) 10,9% опрошенных, из них подавляющее большинство – это западные тубалары Майминского района, которые вообще мало различают тубаларские и собственно алтайские песни. Здесь показатель по знанию алтайских песен достигает 86,2% взрослых и детей от 8 лет.

С таким видом фольклора, как народные сказки, знакомы 15,4% опрошенных (взрослые и дети школьного возраста), но могли бы их пересказать лишь 4,5%. Среди пожилых людей эти показатели выше, поскольку среди них больше тех, кто вообще понимает тубаларский язык. Среди тех, кому 60 лет и более, знакомы с народными сказками 34,5%, а в том числе помнят их и могут рассказать 5,7%. В возрасте 40–59 лет знакомы с этим жанром фольклора 16,8%, в возрасте 8–39 лет слышали сказки 2,8%. Знакомы со сказками на алтайском языке 12,4% опрошенных, знают их на память 5,5% (почти все – в Майминском районе, здесь уровень знакомства с ними составил 92,3%, а 61,5% могли бы их пересказать).

Изменяется компетенция тубаларов и в области традиционных обрядов. Обратимся к таким обрядам, как свадебный и похоронный. Традиционную свадебную обрядность можно разделить на три цикла: предсвадебный, собственно свадебный, послесвадебный. У тубаларов было зафиксировано несколько разновидностей заключения брака. Наиболее распространенными являлись брак через сватовство, сговор между родителями малолетних детей, брак «убегом» и кража невесты.

Инициатива при браке через сватовство принадлежала преимущественно родителям молодого человека. Они выбирали подходящую девушку. Наводились справки о семье потенциальной невесты. Обращали внимание на такие качества девушки, как трудолюбие, выносливость, аккуратность и т.д. Затем переходили к сватовству. Родители жениха приезжали в семью невесты и договаривались о калыме, а также о месте и времени свадьбы. При браке «убегом» влюбленные скрывались в семье жениха. Для молодых сразу же ставили отдельное жилище. Спустя неделю родители жениха ехали договариваться с отцом и матерью невесты, которые в конечном счете соглашались на свадьбу дочери. Свадьба устраивалась обычно после окончания полевых работ в поселке жениха. Заранее уведомленные об этом событии сюда стекались родственники с обеих брачующихся сторон. Центральное место на празднике занимал обряд заплетения кос. Он знаменовал собой обретение девушкой нового статуса [Тубалары].

В ходе нашего опроса 24,2% взрослых отметили, что слышали об отдельных элементах сватовства и свадебного обряда, в том числе 3,3% (старики) ответили, что наблюдали некоторые элементы этого обряда в детстве. Сейчас обряд не практикуется.

Своеобразием отличался похоронный обряд тубаларов. Можно выделить две разновидности погребения:

1. Воздушный тип. Данный способ захоронения использовался крайне редко и встречался, видимо, лишь в конце XIX – начале XX в. Покойного обертывали в берестяные пласты, обвязывали веревками и под-

вешивали на кедре. Одновременно погребалась туша лошади.

2. Подземный тип применялся по отношению к лицам, умершим в преклонном возрасте. Покойника помещали в колоду, туда же клались некоторые личные вещи. Сверху над захоронением ставили надмогильное сооружение в виде небольшого сруба с конической крышей [Тубалары].

Наш опрос показал, что слышали о традиционном похоронном обряде и имеют представление о нем (хотя бы о его элементах) 18,0% взрослых, в том числе 0,8% (из числа самых старых людей) наблюдали его отдельные элементы в детстве. При опросе задавался вопрос о религиозной принадлежности.

Традиционное верование северных алтайцев, включая тубаларов, основано на шаманизме. Среди почитаемых духов одно из главных мест занимали покровители охоты. Популярный дух – помощник охотников – Шаныр. Считалось, что он живет в тайге, ездит на быстром марале и имеет вид человека с бледными бровями и с посохом из желтой акации. За недостаточное к нему внимание Шаныр наказывает охотников, насылая на них кожные болезни и заслоняя зверей от охотничьих пуль железной лопаткой.

Характерно для тубаларов представление о божестве Каным – хозяине всех зверей тайги. Осенью перед охотой ему устраивали моление, приглашая шамана, чтобы испросить удачу на промысле. Шаман камлал не с бубном, а с березовой палочкой в виде рогульки, концы которой соединяла веревочка с подвешенными на ней кусочками угля и железа.

Тубалары приносили своим высшим божествам в жертву лошадь с последующим вывешиванием на шесте ее шкуры. Божества Каным и Тезим представляли собой персонафицированное олицетворение гор [Тубалары].

В ответах на этот вопрос о религиозной принадлежности 30,0% взрослых (18 лет и старше) выразили свою приверженность традиционному культу, еще 35,6% ответили, что наряду с традиционным культом признают и православие, 24,2% посчитали себя православными. Остальные 10,2% выразили

равнодушие к любой религии или назвали себя атеистами. Между мужчинами и женщи-

нами, а также между возрастными группами есть определенная разница (табл. 7, 8).

Таблица 7

Религиозная принадлежность тубаларов (по данным опроса, %)

Table 7

Religious identity of Tubalars (according to the survey, %)

	Атеисты	Традиц. культ	Традиц. культ и православные	Православные
Мужчины	15,4	37,5	31,7	15,4
Женщины	6,6	25,0	38,1	30,3

Среди мужчин больше атеистов и приверженцев традиционного культа, среди женщин – православных и сочетающих православие с традиционным культом. К младшим

возрастам уменьшается доля приверженцев традиционного культа, увеличивается доля атеистов (табл. 8).

Таблица 8

Религиозная принадлежность тубаларов разных возрастных групп (по данным опроса, %)

Table 8

Religious identity of Tubalars of different age groups (according to the survey, %)

Возраст	Атеисты	Традиц. культ	Традиц. культ и православные	Православные
60 и старше	6,9	39,1	31,0	23,0
40–59	10,1	25,7	41,6	22,8
18–39	14,7	25,0	32,4	27,9

Национально-смешанные браки и метисация

Значительное влияние на этнические процессы оказывают национально-смешанные браки. Однонациональных семей у тубаларов

в выборке оказалось 42,8% (не считая одиночек), национально-смешанных 57,2%, что указывает на прорыв эндогамии. Большинство браков тубалары заключают с русскими (табл. 9, рис. 3).

Таблица 9

Национальный состав семей тубаларов (по данным опроса)

Table 9

The national composition of Tubalar families (according to the survey)

Национальный состав семей	Количество семей
Тубалары	62
Тубалары – русские	57
Тубалары – алтайцы	10
Тубалары – челканцы	8
Тубалары – кумандинцы	4
Тубалары – татары	2
Тубалары – украинцы	1
Тубалары – немцы	1

Рисунок 3. Национально-смешанные семьи. Русский – тубаларка
Figure 3. Nationally mixed families. A Russian man – a Tubalar woman

В национальных селах (Старый Кебезень) таких семей ожидаемо меньше – 42,8 %, в смешанных – 57,2 %. Семей, смешанных с алтайцами, больше всего на западе этнической территории, в Майминском районе, с челканцами и кумандинцами – на востоке, в Турочакском районе. Семей, смешанных с русскими, больше всего в центре (Чойский район), так как здесь

больше смешанных сел (практически все села, где живут тубалары, – смешанные, причем тубалары составляют в них меньшинство).

Национальный состав супружеских пар показывает таблица 10. Женщины вступают в смешанные браки чаще мужчин, особенно это касается браков с русскими и южными алтайцами.

Таблица 10

Национальность супругов тубаларов (по данным опроса, чел.)

Table 10

Tubalar spouses' nationality (according to the survey, people)

Национальность супругов	Мужчины	Женщины
Тубалары	50	50
Русские	22	31
Юж. алтайцы	–	8
Челканцы	6	–
Кумандинцы	–	4
Татары	2	–
Украинцы	1	–
Немцы	1	–
% смешанных браков	39,0	46,2

Высокий процент национально-смешанных семей привел к появлению большого количества лиц смешанного происхождения, тем более что в этих семьях основная часть детей определяется родителями как тубалары – 75,0%.

Северные алтайцы, включая тубаларов, относятся к смешанному монголоидно-европеоидному антропологическому типу, именуемому уральским [Тубалары – дети тайги Горного Алтая]. Смешение в настоящее время происходит чаще с представителями европеоидной расы, в основном с русскими (здесь

и ниже мы исключаем древнее смешение, которое сделало еще в прошлые века тубаларов, как и всех северных алтайцев, метисной популяцией, анализируется только смешение последних десятилетий, в пределах 3–4 поколений по восходящим линиям).

Сейчас уже 73,2% тубаларов являются смешанными по происхождению (табл. 11), а среди детей до 10 лет метисами являются 96,1% (табл. 12, рис. 4). Это означает, что при естественной смене поколений почти все тубалары станут смешанной в этническом и антропологическом плане популяцией.

Таблица 11

Этнорасовый состав тубаларов (по данным опроса, %)

Table 11

The ethnic and racial composition of Tubalars (according to the survey, %)

Национальность ближайших предков			
Тубалары	Тубалары и монголоидные народы	Тубалары, монголоидные и европеоидные народы	Тубалары и европеоидные народы
26,8	8,4	9,4	55,4

Таблица 12

Этнорасовый состав тубаларов разных возрастных групп (по данным опроса, %)

Table 12

The ethnic and racial composition of Tubalars of different age groups (according to the survey, %)

Возраст	Национальность предков			
	Тубалары	Тубалары и монголоидные народы	Тубалары, монголоидные и европеоидные народы	Тубалары и европеоидные народы
70 и старше	52,9	11,8	–	35,3
60–69	60,4	11,3	1,9	26,4
50–59	26,4	11,3	3,8	58,5
40–49	16,7	4,1	6,3	72,9
30–39	27,3	6,1	3,0	63,6
20–29	21,7	–	30,5	47,8
10–19	16,5	7,0	15,3	61,2
До 10	3,9	11,5	17,3	67,3

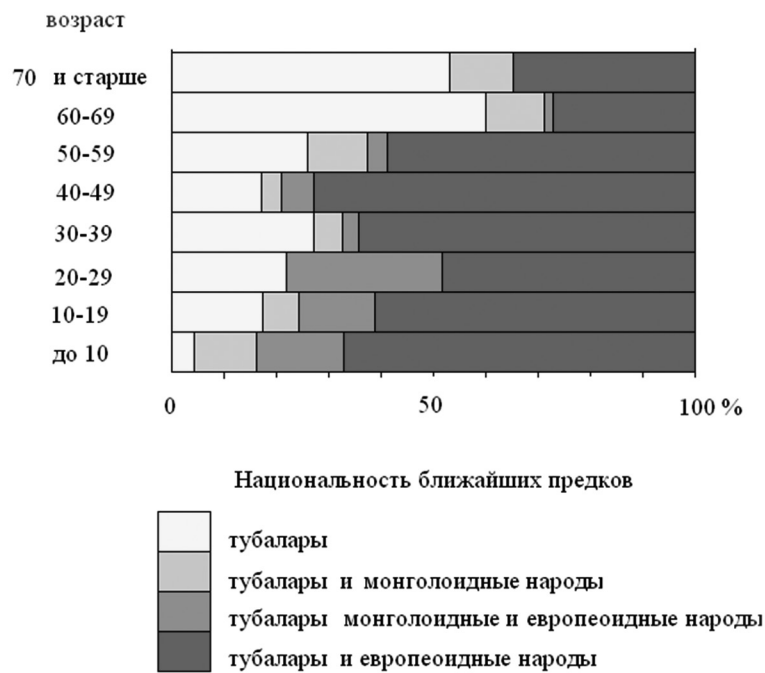

Рисунок 4. Этнорасовый состав тубаларов разных возрастных групп
Figure 4. The ethnic and racial composition of Tubalars of different age groups

Из сибирских народов тубалары смешиваются в основном с соседями – кумандинцами, челканцами, а также с южными алтайцами (табл. 13). Смешение с европейскими народами, в основном с русскими, носит более масштабный характер (табл. 14).

Таблица 13

Доля тубаларов с компонентом иных монголоидных народов (по данным опроса, %)

Table 13

The proportion of Tubalars with a component of other Mongoloid peoples (according to the survey, %)

Доля монголоидного компонента			
Нет	Менее ½	½	Более ½
82,1	11,5	5,3	1,1

- ½ компонента – один из родителей тубалар, второй – представитель иных национальностей; менее ½ компонента – один из родителей тубалар, второй – метис (наполовину тубалар); более ½ компонента – один из родителей метис, второй – представитель иных национальностей.

Таблица 14

Доля метисов с компонентом европеоидных народов в составе тубаларов (по данным опроса, %)

Table 14

The proportion of mestizos with a component of Caucasoid peoples among Tubalars (according to the survey, %)

Доля европеоидного компонента			
Нет	Менее ½	½	Более ½
35,2	11,3	29,1	24,4

Смешение с соседними алтайскими народами не меняет антропологический облик тубаларов, в отличие от смешения с русскими и другими европейскими народами. Среди детей и молодежи более половины тубаларов

имеют ту или иную долю европеоидного компонента (табл. 15, рис. 5, б), а значит, по мере смены поколений тубаларов все больше будут приближаться к облику окружающего русского населения.

Таблица 15

Доля метисов с компонентом европеоидных народов среди тубаларов разных возрастных групп (по данным опроса, %)

Table 15

The proportion of mestizos with a component of Caucasoid peoples among Tubalars of different age groups (according to the survey, %)

Возраст	Доля компонента европейских народов			
	Нет	Менее ½	½	Более ½
70 и старше	64,7	11,8	17,6	5,9
60–69	71,7	11,3	17,0	–
50–59	37,8	11,3	26,4	24,5
40–49	20,8	4,2	54,2	20,8
30–39	33,3	6,1	51,5	9,1
20–29	21,7	21,8	34,8	21,7
10–19	23,5	9,4	18,8	48,3
До 10	15,4	19,2	28,9	36,5

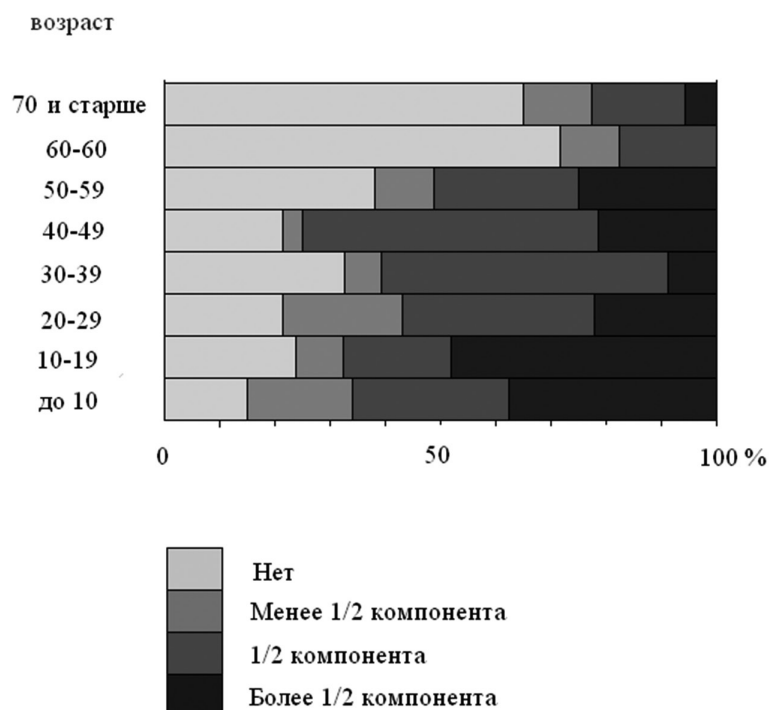

Рисунок 5. Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах тубаларов
Figure 5. The proportion of mestizos with a Caucasian component in different age groups of Tubalars

Рисунок 6. Тубалары-метисы. Мать и дочь

Figure 6. Tubalars-mestizos. Mother and daughter

Из числа метисов, определивших себя как тубалары, 82,0% уверены в своем выборе, остальные 18,0% «колеблются» между двумя национальностями родителей (или «колеблются» родители при определении нацио-

нальности своих детей в смешанных семьях). В родословной тубаларов в нашей выборке встретилось 16 сочетаний разных национальностей (табл. 16).

Таблица 16

Национальность ближайших предков тубаларов (по данным опроса)

Table 16

Nationality of Tubalars' closest ancestors (according to the survey)

Национальности	Человек	Национальности	Человек
Тубалары (т)	102	Т-рус	197
Т-алтайцы (алт)	6	Т-немцы	2
Т-челканцы (чел)	8	Т-коми	1
Т-кумандинцы (кум)	18	Т-рус-немцы	4
Т-чел-русские (рус)	6	Т-рус-коми-пермяки	2
Т-алт-рус	16	Т-рус-чуваши	2
Т-кум-рус	11	Т-рус-цыгане-евреи	3
Т-корейцы-рус	1	Т-кум-рус-татары	2

Чаще всего в родословных тубаларов встречаются русские – у 64,0% опрошенных, остальные национальности называются зна-

чительно реже: кумандинцы у 8,1%, южные алтайцы у 5,8%, челканцы у 3,7%.

В целом можно констатировать, что тубалары постепенно превращаются в группу

русскоязычных метисов, но с сохранением этнического самосознания. В западной части ареала наблюдается слияние тубаларов с остальными алтайцами. Усугубляет ассимиляционные процессы то, что на основной этнической территории в большинстве сел тубалары составляют меньшинство, живут в смешанной среде. Это не способствует сохранению национальной идентичности, языка и культуры.

Литература

- Баскаков Н. А.** Тюркские языки. М., 1960. 245 с.
- Всероссийская перепись населения – 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Гл. 24. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по возрастным группам и полу // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20130503231843/http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html (дата обращения: 21.08.2025).
- Всероссийская перепись населения 2002 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080202152038/http://www.perepis2002.ru/content.html?id=11&docid=10715289081463> (дата обращения: 24.12.2009). Архивировано 2 февраля 2008 года.
- Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20200430211642/https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 30.04.2012). Архивировано 30 апреля 2020 года.
- Кучукова Д. А.** Современный фольклор тубаларов // Информационные научно-образовательные ресурсы ГАГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2010/01/10.pdf> (дата обращения: 21.08.2025).
- Материальная культура и быт тубаларов. Традиционная кухня и рацион питания // Центр наследия «Туба». Республика Алтай [Электронный ресурс]. URL: vk.com/wall-46181187_426 (дата обращения: 21.08.2025).

Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 06.01.2023). Архивировано 30 декабря 2022 года.

Семенова А. Тубалары – дети тайги Горного Алтая // TravelAsk [Электронный ресурс]. URL: <https://travelask.ru/articles/tubalary-deti-taygi-gornogo-altaya> (дата обращения: 21.08.2025).

Тубалары // [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тубалары> (дата обращения: 21.08.2025).

Тубалары – история, численность и расселение народа // [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Тубалары> (дата обращения: 21.08.2025).

Тубалары. Общие сведения // Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_tubalary_common.html (дата обращения: 21.08.2025).

References

- Baskakov N. A.** Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. Moscow, 1960, 245 p. (In Russian)
- Informatsionnye materialy ob okonchatelnikh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [Information materials on the final results of the All-Russian Population Census – 2010]. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] URL: https://web.archive.org/web/20200430211642/https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (date of access: April 30, 2012). (In Russian)
- Kuchukova D. A.** Sovremennii folklor tubalarov [Tubalars' modern folklore]. Information scientific and educational resources of Gorno-Altai State University. [Electronic resource] URL: <https://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2010/01/10.pdf> (date of access: August 21, 2025). (In Russian)
- Materialnaya kultura i bit tubalarov. Traditsionnaya kukhnya i ratsion pitaniya [Tubalars' material culture and their way of life. Traditional cuisine and food ration]. Tuba Heritage Center. Altai Republic. [Electronic resource] URL: vk.com/wall-46181187_426 (date of access: August 21, 2025). (In Russian)

- Natsionalnyi sostav naseleniya Rossiiskoi Federatsii согласно perepisi naseleniya 2021 goda [National composition of the population of the Russian Federation according to the Population Census – 2021]. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (date of access: January 06, 2023). (In Russian)
- Semenova A.** Tubalary – deti taigi Gornogo Altaya [Tubalars – children of the taiga of Gorny Altai]. TravelAsk. [Electronic resource] URL: <https://travelask.ru/articles/tubalary-deti-taygi-gornogo-altaya> (date of access: August 21, 2025). (In Russian)
- Tubalary – istoriya, chislennost i rasselenie naroda [Tubalars – history, number, and settlement of the people]. [Electronic resource] URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Tubalary> (date of access: August 21, 2025). (In Russian)
- Tubalary. Obshchie svedeniya [Tubalars. General information]. Interactive atlas of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East: languages and cultures. [Electronic resource] URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_tubalary_common.html (date of access: August 21, 2025). (In Russian)
- Tubalary [Tubalars]. [Electronic resource] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Tubalars> (date of access: August 21, 2025). (In Russian)
- Vserossiiskaya perepis naseleniya – 2010. T. 4. Natsionalnii sostav i vladenie yazikami, grazhdanstvo. Gl. 24. Naselenie korennikh malochislennikh narodov Rossiiskoi federatsii po vozrastnim gruppam i polu [The All-Russian population Census – 2010. Vol. 4. National composition and language proficiency, citizenship. Chapter 24. The population of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation by age groups and gender]. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] URL: https://web.archive.org/web/20130503231843/http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html (date of access: August 21, 2025). (In Russian)
- Vserossiiskaya perepis naseleniya 2002 goda [The All-Russian Population Census – 2002]. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] URL: <https://web.archive.org/web/20080202152038/http://www.perepis2002.ru/content.html?id=11&docid=10715289081463> (date of access: December 24, 2009). (In Russian)

ТЕРМИНЫ ПОЧТОВОЙ СЛУЖБЫ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

С. Б. Сарбашева

Горно-Алтайский государственный университет, ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия; email: surnasarbashaeva@mail.ru

В статье рассматриваются устаревшие в алтайском языке термины монгольской почтовой службы *jemшик* 'ямщик', *жамы* 'должность', *jemичи* 'управляющий', *jarгычы* 'судья-надзиратель', *улаачы* 'привязывающий лошадь, подводчик, ухаживающий за лошадьми', *унаачы* 'извозчик, кучер, ямщик', которые определяли род занятий людей, исполнявших особую курьерскую (уртонную) службу по доставке депеши ко двору императора. Названия почтовой станции, близкой к монгольскому термину *өртөө*, в Горном Алтае не зафиксировано, возможно, использовались названия местности. Термины *ям*, *ямщик* монгольской почтовой службы прочно установились в русском и других языках на Руси: *ямы* – ямские станции, гонцов называли *ямщиками*. В алтайском языке *jemшик* заимствован из русского *ямщик*, изменив первоначальную исконно тюркскую семантику *jam* 'дорога, путь', стал обозначать более широкое значение – торговец. Во время Великой Отечественной войны перевозчиков почты и товаров из Бийска всё ещё называли ямщиками (*jemшиктер* – алт.), они обеспечивали аймачные сельпо продуктами и хозяйственными товарами. Термин *jemшик* стал использоваться в языке как термин профессиональной деятельности вместе с появлением ямщиков в Сибири, которые возили товары русских купцов в Монголию и из Монголии на Ирбитскую ярмарку. В тувинском языке термин *улаачы* означает возницу, кучера, извозчика, ямщика, в хакасском – *улаф* это подвода (перекладная), *улаф чолы* 'тракт', в киргизском *унаа* 'рабочий скот' (сюда же входят и не обладающие особым ходом верховые лошади), в калмыцком – *ула* уст. 'почтовый'; *улаһар йовх* 'ездить на почтовой лошади', в монгольском *унаа* – верховое животное, 'верховая лошадь'.

Ключевые слова: термины почтовой службы, ямы, устаревшие термины, *jemшик* 'ямщик', *жамы* 'должность', *jemичи* 'управляющий', *jarгычы* 'судья-надзиратель', *улаачы* 'привязывающий лошадь, подводчик, ухаживающий за лошадьми'.

POSTAL SERVICE TERMS IN THE ALTAI LANGUAGE (IN A COMPARATIVE ASPECT)

Surna B. Sarbasheva

Gorno-Altai State University, 1 Lenkin Str., Gorno-Altai, 649000, Russia; email: surnasarbashaeva@mail.ru

This article considers the Altai obsolete terms of the Mongolian postal service: *jemшик* 'a coachman', *жамы* 'a job', *jemичи* 'a manager', *jarгычы* 'a judge-supervisor', *улаачы* 'a feeder who tethers and takes care of horses', *унаачы* 'a carrier, coachman, driver', which defined the occupation of people who performed a special courier (*urton*) service of delivering dispatches to the imperial court. The name of a post station similar to the Mongolian term *өртөө* has not been recorded in the Altai Mountains; it is possible that place names were used. The terms *yam* and *yamshchik* (meaning a coachman) from the Mongolian postal service firmly assimilated into Russian and other languages of Rus: *yamy* – postal stations, *yamshchiki* – couriers, coachmen. In the Altai language, *jemшик* was borrowed from Russian *ямщик* (meaning a coachman), having changed the original, native Turkic meaning of *jam* (meaning a road, a path), it began to denote a broader meaning – a merchant. During the Great Patriotic War, mail and merchandise carriers from Biysk were also called *yamshchiki* (*jemшиктер* in Altai); they supplied the village stores with food and household goods. The term *jemшик* began to be used as a professional term with the arrival of coachmen in Siberia, who carried goods

from Russian merchants to and from Mongolia for the Irbit Fair. In Tuvan, the term *улаачы* means a driver, coachman, carter, yamshchik. In Khakass, *улаҕ* means feeding (transportable), *улаҕ чолы* – a highroad. In Kyrgyz, *унаа* means draft animals (it also includes riding horses that do not have a special gait). In Kalmyk, *ула* means postal (obsolete), *улаһар йовх* – to ride a postal horse. In Mongolian, *унаа* means a riding animal, riding horse.

Keywords: postal service terms, *ямту*, obsolete terms, *jemшик* ‘a coachman’, *жамы* ‘a duty’, *jemичи* ‘a manager’, *жаргычы* ‘a judge-supervisor’, *улачы* ‘a feeder who tethers and takes care of horses’.

Введение

Появление в алтайском языке терминов *jemшик* ‘ямщик’, *жамы* ‘должность’, *jemичи* ‘управляющий’, *жаргычы* ‘судья-надзиратель’, *улаачы* ‘привязывающий лошадь, подводчик, ухаживающий за лошадьми’, *унаачы* ‘извозчик, кучер, ямщик’ тесно связано с курьерской, почтовой (ямской, уртонной) службой Монгольской империи, хотя слова считаются исконно тюркскими.

Ямская служба является одним из достижений Чингисхана и его потомков, которые в XIII в. (1229–1241) организовали уртонную (конно-почтовую) службу, позволившую наладить связи между различными регионами государства, имперским центром и улусными представительствами от Тихого океана до Карпатских гор, Монголии и Сибири до Ирана. Монгольскую почтовую службу описывают в своих трудах европейские послы и путешественники, например, папский посол Плано Карпини, побывавший в столице Монголии во время правления Гуюка (1246–1248) и пораженный системой монгольской службы, итальянец Марко Поло, также посетивший Китай и Монголию при правлении Хубилая (1260–1271) [Базаров, 2014].

Уртонная служба была продуманной системой связи, где основными исполнителями были конные гонцы, обязанностью которых была доставка письма из одного конца империи в другой. Обычные гонцы преодолевали обычно в день около 200 км, а гонцы от самого хана – 300 км. Для свидетельства им выдавались деревянная, бронзовая, серебряная или золотая пластинки *гэрэгэ* (алт. – *кереге*), или *пайцзы*, где были изображены летящий сокол или голова льва, это давало гонцу право на замену уставшей лошади, получение питания, отдых, ночлег [Погоо, 2016].

Основная часть

С созданием ямской службы в языках народов, взаимодействующих с Золотой Ордой, появляются термины, обозначающие новую деятельность, профессию. В 1235 г. сын Чингисхана Угэдэй решил повысить качество работы и скорость уртонной службы: повсюду от тысяч были назначены смотрители почтовых станций – *ямчины* – и верховые почтари – *улаачины*; в необходимых местах были дислоцированы станции – *ямы*, а послы были обязаны, не считая чрезвычайных ситуаций, перемещаться исключительно по станциям [Погоо, 2016, с. 197–198].

Система почтовой службы империи Цин поддерживала работу 84 уртонных станций, от Пекина до Кобдо, была даже составлена карта уртонного пути. Система была организована иерархично: руководивший 11 станциями имел должность *залан*; занимавший должность *занги*, относившуюся к органу с судебными и надзирательными функциями *заргачин яам*, получал в год 36 ланов серебра, ему подчинялись 8 рядовых охранников (монг. *хуяг*); занимавший должность *хүнд* был обеспечен годовым жалованием в 20 ланов серебра и руководил 10 ямщиками (*улаачин*). Термином *улаачин* обозначался непосредственный исполнитель доставки информации (курьер), который зарабатывал 18 ланов в год. На уртонах работали также *бошго* – люди, обеспечивавшие встречи, пропитание, ночлег, проводы послов, занимавшийся оформлением документов путников писарь (монг. *бичээч*), а также *гэрийн бянд* – подростки в возрасте 16–17 лет, исполнявшие обязанности помощников на кухне и накрывавшие на стол. На последних 22 станциях работали один *залан*, два *занги*, два заместителя *занги* и два помощника *занги* [Погоо, 2016, с. 197–198].

В период расширения Монгольской империи в XIII в. в западном направлении монголы

создавали свою систему станций и на территории Руси, принимая в качестве основы существовавшие там дороги и почтовые станции.

После развала Золотой Орды ямское сообщение продолжалось использоваться для связи между крупными российскими населенными пунктами. Ямская повинность была возложена на окрестное население, люди должны были доставлять в назначенные пункты лошадей с проводниками. До ее отмены в XVIII в. лица, назначенные ямщиками, жили в *ямах* (монг. *jam* 'дорога'), этим термином назывались селения при вновь создаваемых почтовых станциях. Ямщикам также выдавались участки для ведения своего хозяйства [Погоо, 2016, с. 197–198].

При строительстве Москвы, Санкт-Петербурга с XVIII в. вошло в практику также расселение ямщиков в специальных слободах, устраиваемых в городской черте. В 1897 г. в России имелось почтовых станций – 4028, в 1903 г. во всей Российской империи насчитывалось 3973 почтовые станции, на которых использовалось 29357 лошадей [Энциклопедический словарь... 1890–1907]. Помимо государственных почтовых заведений, существовали местные (земские) почтовые учреждения [Там же].

В топонимике Российской Федерации и некоторых других географически близких государств отмечаются названия населенных пунктов и другие топонимы с формантом *ям*: *Ям Ижора* (Ленинградская область), *Николо-Ям* (Калининская область), заповедник *Ямская Степь* и *Ямская* (Белгородская область), *Ям* (Владимирская, Джизакская, Московская области); *Тверские Ямские ул.* (Москва), *Ямское* (Архангельская, Новгородская и Саратовская области), *Ямхана* (Нахичевань), *Ям*, *Ямчи*, *Ямлык* (Иран), что отражает и заимствование в персидский язык: *ям*, *яме* 'почтовая станция, почтовая лошадь' [Савина, 1971]. Возникает вопрос о том, можно ли обнаружить следы наличия в прошлом уртонной системы в топонимике Сибири. Форманты *ула-* и *уртон* выделяются в названиях сел *Улача* в Акшинском районе Забайкальского края (административный центр сельского поселения «Улачинское»),

Уртам в Томской области Кожевниковского района (административный центр *Уртамского* сельского поселения), *Уртон Цаган Тологой* – в Республике Тыва, с. *Уртон* – в Республике Бурятия, через которое проходил Великий чайный путь. Все эти топонимы являются одним из надежных источников исторического следа почтовой уртонной службы [История почты...].

В Горном Алтае близким по звучанию терминам почтовой службы является топоним *Улалу*, являющийся старым названием населенного пункта, нынешнего г. Горно-Алтайск. По мнению авторов монографии «Топонимика Республики Алтай», в составе алтайского названия столицы республики *Улалу* вычленяется компонент *ула*, который возводится к древнетюркскому слову *ulay* 'вьючное животное, верховая лошадь', также в алтайском языке представлен глагол *улаар-* 'привязывать лошадь на новое место с травой'. Авторы допускают, что первоначально место основания селения *Улалу* было местом стоянки, отдыха, перевалки для торговых и прочих караванов [Топонимика Республики Алтай... 2023, с. 109]. Такое же мнение высказывает Н. М. Екеева, считая, что свое наименование «поселение *Улала* получает благодаря расширению торговых связей с китайскими и монгольскими купцами в начале XX в., где в устье одноименной речки торговый караван останавливался на привал для отдыха (менялись подводы, грузы перегружались с верблюдов на коней) перед трудным переходом через черневую тайгу северного Алтая» [Екеева, 2023].

Следует сказать, что не только селение именуется *Улалу*, есть и река с таким же наименованием. Этим гидронимом было мотивировано создание ойконима, он не имеет твердой доказательной базы для связывания его происхождения с указанной выше деятельностью. Сама р. *Улалу* берет начало на восточном склоне горы Сугул (995 м), впадает в р. Майма, рядом с Горно-Алтайском на берегу реки располагается еще одно поселение – *Улалушка*. С. П. Швецов отмечал, что в Горном Алтае существовало несколько торговых путей, но направление «Улалинское»

имело второстепенное значение: «Подъ Чуйскимъ трактомъ принято понимать въ настоящее время не весь путь отъ г. Бійска до пограничнаго пункта Кошъ-Агача, а только отъ с. Алтайскаго, гдѣ путь развѣтвляется: въ южномъ направленіи онъ идетъ на Кеньгу, Ангудай, Усть-Чую и Кошъ-Агачъ – это собственно и есть Чуйскій трактъ; въ югозападномъ – на Тауракъ, Черный Ануй, Усть-Канъ, Абай, Уймонъ и Катанду – такъ называемый Уймонскій колесный трактъ; и въ восточномъ направленіи – на Каянчу и с. Улалинское. Изъ этихъ трехъ путей въ настоящее время два первыхъ имѣютъ торговое значеніе, путь же на с. Улалинское – проселочная дорога, которой рѣдко кто пользуется, кромѣ ближайшаго населенія» [Швецов, 1898, с. 166]. Перевалочными пунктами отмечены с. Шебалино (бывшая купеческая заимка), Онгудай, Хабаровка, Кебезень, а в верховье р. Чуи возникла торговая фактория в урочище Кош-Агач [Швецов, 1900, с. 166–167]. Дорога между Улалой и Кебезенью использовалась в основном в осенние и зимние месяцы, когда приезжали скупщики ореха, перегоняли скот, провозили товары вглубь леса [Пустогачева, 2010, с. 183].

Если в топонимах наличие ямов не отражено, то термины профессиональной деятельности и сведения о ямской деятельности в Горном Алтае в 1890 г. описаны в работе С. П. Швецова, который отметил следующее: «В составе неокладных платежей преобладали ямские повинности, суммы развешивались между хозяевами, живущими около конкретной станции и ямщиками, им приходилось платить значительные средства несколько раз в году. Тяжесть ямской повинности определялась суммами затрат населения на содержание ямских станций и лошадей при них. К концу XIX в., когда усилилось движение на Алтае, тяжесть этой повинности заметно возросла» [Швецов, 1900, с. 250]. Есть сведения, что ямщики возили товары до середины XX в. Так, в 1925 г. местное население Купчегеня продавало ямщикам сено за 80 копеек или за 1 рубль за пуд, что приносило значительную выгоду [Кочевники Горного Алтая... 2020, с. 183].

Термины монгольской почтовой службы *ям*, *ямщик* прочно закрепились в русском и других языках на Руси: *ямы* – ‘ямские станции’, гонцов называли *ямщиками*. Согласно М. Фасмеру, русские слова *ямской*, *ямщик* и *ям* происходят от тюркского слова *jamčū* («почтовый гонец») [Этимологический словарь... 1986–1987]. В алтайском языке *јемшик* заимствовано из русского (*ямщик*) (что свидетельствует показатель *-щик*), изменив первоначальную исконно тюркскую семантику *јам* ‘дорога, путь’ [Дыбо, 2007, с. 148], стало обозначать более широкое значение – ‘торговец’. Во время Великой Отечественной войны перевозчиков почты и товаров из Бийска все еще называли *ямщиками* (алт. *јемшиктер*), они обеспечивали аймачные сельпо продуктами и хозяйственными товарами (ПМА). Термин *јемшик* стал использоваться в языке как термин профессиональной деятельности вместе с появлением ямщиков в Сибири, которые возили товары русских купцов в Монголию и из Монголии на Ирбитскую ярмарку.

В современном алтайском языке термин *ям* не используется, но довольно активно функционируют следующие термины: *јамы* (от монг. *занги*), имеющее значение ‘должность’, *јамылу* ‘управляющий’, ‘чиновник’, ‘начальник’, ср., например, в тувинском языке слово *яамы* обозначает ‘министерство’, ‘отрасль государственной службы по специализации’, *ямбы* означает ‘привилегия’ [ТРС, 1968, с. 624–625].

Изначально термин *занги* (алт. *јамы*) монгольской почтовой службы означал человека, которому подчинялось 8 охранников, называвшихся по-монгольски *хуяг* (ср. алт. *куйакчы*), и 10 ямщиков, называвшихся *улаачи* (алт. *улаачы*). Термин *заргачин яам* (монг.) в монгольской почтовой службе обозначал должность, находящуюся в ведении органа, несшего надзорные функции, в современном алтайском языке этот термин также представлен в виде *јаргычы*, он имеет значение ‘судья’.

В алтайском языке термины *унаачы* и *улаачы* стали обозначать одно и то же понятие, хотя термин *унаачы* образован от *уна* ‘тягловое животное’, но в словаре также зафиксированы и значения ‘ухаживающий за лошадьми

(устар.), 'извозчик', 'кучер', 'ямщик', а *улаачы* имеет значения 'привязывающий лошадь', 'подводчик, ухаживающий за лошадьми'. В современном алтайско-русском словаре слово *унаа* и производные от него глагол *унаала* и существительное *унаачы* представлены следующим образом: «УНАА 1) уст. 'подвода'; ср. *абра*; 2) уст. 'рабочая лошадь'», «УНААЛА (уст.) 'ехать на подводе'», «УНААЧЫ уст. 'извозчик'» [АРС, 2018, с. 746]. По воспоминаниям просветителя М. В. Чевалкова, его отец вел торговлю, был ямщиком – *унаачы* [Чевалков, 1980], также профессия *унаачы* упоминается в стихах современного алтайского поэта Б. Бурмалова в строках «*Унаачы Мамай тайганы ажыра, Ундылган почтозын коштогон болбайсын. Узун јолдорын өрөкөн өдөлө, Уур јушкүрүп отурган болбайсын. Арыган адынын терин соодорго, Арказына током салган болбайсын*».

В тувинском языке *улаачы* имеет значения 'возница', 'ямщик', 'кучер', 'извозчик' [ТРС, 1968, с. 438]; в хакасском языке представлены слово *улаг* и связанные с ним производные единицы в виде аналитических существительных и глаголов: *улаг* 1) 'подвода (перекладная)'; *улаг иб* 'двор [станция] для смены лошадей'; *улага чөрерге* 'возить груз на перекладных (лошадях)'; 'возить кого-либо на перекладных лошадях'; 'сопровождать подводы с грузом'; 2) ист. 'перекладная лошадь', 'экипаж', 'извоз'; *улаг тартарга* 'содержать перекладных лошадей', *улаг чолы* 'тракт' [ХРС, 2006, с. 721].

В других тюркских языках, например, в киргизском, представлены слова *унаа* 'рабочий скот (сюда же входят и не обладающие особым ходом верховые лошади)'; *жумушчу унаа* или *күч унаа* 'тягло', 'тягловая сила' [КиргРС, 1965, с. 305], в калмыцком – *ула* уст. 'почтовый', *улаһар йовх* 'ездить на почтовой лошади'; *ула бэрх* а) 'содержать почту'; б) 'почтовый транспорт' [КалмРС, 1977, с. 530], в монгольском – *унаа* 1) 'верховое животное', 'верховая лошадь'; 2) 'средства передвижения' [БАМРС, 2001].

Заключение

Таким образом, однозначно сказать, были ли монгольские ямы на территории Горного Алтая в XIII в., сложно, русские купцы организовали регулярную доставку в Монголию легкой и тяжелой почты лишь в 1863 г., но термины профессии почтовой службы, созданной Чингисханом и его потомками, бытовали в языке местного населения и использовались вплоть до середины XX в., хотя все слова, имеющие тюркские, общеалтайские корни, употреблялись и ранее. Названий почтовых станций, близких обликом к монгольскому термину *өртөө*, в Горном Алтае не зафиксировано, возможно, с этой целью использовались названия местности. В современном алтайском языке термин *ям* не используется, но довольно активно функционируют следующие термины: *јамы* (от монг. *занги*), обозначающее 'должность, *јамылу* – 'управляющий', 'чиновник', 'начальник', *куйакчы* 'охранник' (от монг. *хуяг*), *улаачы* 'ямщик' (от монг. *улаачи*). Термин *заргачин яам* (монг.) в монгольской почтовой службе обозначал должность, находящуюся в ведении органа, несшего надзирательные функции, в современном алтайском языке этот термин в виде *јаргычы* имеет значение 'судья'. В алтайском языке *унаачы* и *улаачы* стали обозначать одно и то же понятие. Термины почтовой службы сохранились в антропонимах алтайского языка, ср. *Демчи, Демчиновы* (Кош-Агач), *Јемшик (Ј. Ороев, с. Кулада, участник ВОВ), Улачы, Улачиновы, Уна, Унатовы, Улачы (Улачы Окчинов, с. Кулада, Онгудайский район, участник ВОВ), Улачиновы (Тепишке Улачинов, с. Бичикту-Боом, Онгудайский район, Улачинов Чунтур Телесович, участники ВОВ), Улак, Улаковы (Илаковы).*

Сокращения

ПМА – Полевые материалы автора

Литература

АРС – Алтайско-русский словарь / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев, А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыды-

- кова, Е. В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск: [б. и.], 2018. 936 с.
- Базаров Б. В.** Коммуникации и связь в Монгольской империи // Власть. 2014. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-i-svyaz-v-mongolskoy-imperii> (дата обращения: 08.03.2025).
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А-Г. М.: Academia, 2001. 2016 с.
- Горный Алтай и его население. Т. 1 / Стат. отдел при Главном управлении округа; сост. С. П. Швецов. Барнаул: Типо-литография Главного управления Алтайского округа, 1900–1903 [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000436699> (дата обращения: 05.10.2025).
- Дыбо А. В.** Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.
- Екеева Н. М.** От палеолитической стоянки до столицы республики // Алтайдын Чолмоны [Электронный ресурс]. URL: <http://altaicholmon.ru/2023/03/03/ot-paleoliticheskoy-stoyanki-do-stolitsy-respubliki/> (дата обращения: 05.10.2025).
- История почты и почтовых марок Монголии // ARD [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/19322/> (дата обращения: 15.10.2025).
- КалмРС – **Бордаев Э. Ч., Джамбинова Р. А., Каляев А. Л., Кичиков А. Ш., Корсункиев Ц. К., Монраев М. У., Муниев Б. Д., Павлов Д. А., Убушаев Н. Н.** Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- КиргРС – **Юдахин К. К.** Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 973 с.
- Кочевники Горного Алтая в условиях социальных и экономических преобразований в России (вторая половина XVIII – середина XX вв. / отв. ред. Н. В. Екеев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразаков», 2020. 472 с.
- Окладников А. П., Рагозин А. Л.** Загадка Улалинки // Советская этнография. 1982. № 6. С. 115–125.
- Поогоо Чултэмсурэн.** Уртонная служба монголов, или «Монгольский закон в три дня» // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urtonnaya-sluzhba-mongolov-ili-mongolskiy-zakon-v-tri-dnya> (дата обращения: 18.11.2024).
- Пустогачева Т. С.** История развития путей сообщения в Горном Алтае в конце XIX начале XX в. // Известия АлтГУ. 2010. № 4–2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-putey-soobscheniya-v-gornom-altae-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 16.03.2025).
- Россия / Экономический отдел / Почта, телеграф, телефон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: Типо-литогр. Ефрона, 1890–1907.
- Савина В. И.** Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.: Наука, 1971. 346 с.
- Топонимика Республики Алтай. Книга 8. Майминский район. Город Горно-Алтайск / ред. коллегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Б. Б. Саналова (науч. ред.), Р. С. Минакова, Н. Н. Тыдыкова, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск: [б. и.], 2023. 136 с.
- ТРС – **Алдын-оол Х. С., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф., Бегзи Р. Р., Биче-оол М. Д., Делгер-оол А. К., Кунзегеш Ю. Ш., Кызылоол А. Ч., Монгуш Д. А., Ондар Б. Л., Оргу К. Х., Сарыкай М. Х., Хертек Я. Ш., Чамаева С. Н.** Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ХРС – **Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул И. А., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д.** Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Чевалков М. В.** Чөбөлкөптин жүрүми. Горно-Алтайск: Алт. бичиктер чыг. изд. Туулу Алт. бөлүгү, 1980. 107 с.
- Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая / сост. С. П. Швецов, по распоряжению начальника Алтайского округа; Статистический отдел при Главном Управлении Алтайского округа. Барнаул: Типо-литография Главного Управления Алтайского округа, 1898. 96 с.

References

- TRS – Aldyn-ool K.H.S., Aragachi Z.B., Babushkin G.F., Begzi R.R., Biche-ool M.D., Delger-ool A.K., Kunzegesh YU. SH., Kyzyl-ool A. CH., Mongush D.A., Ondar B.L., Orgu K. KH., Sarykai M. KH., Khertek YA. SH., Chamaeva S.N. Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Edited by E.R. Tenishev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1968, 646 p. (In Russian and Tuvan)
- KhRS – Anzhiganova O.P., Baskakov N.A., Borgoyakov M.I., Inkizhekova-Grekul I.A., Patachakova D.F., Subrakova O.V., Beloglazov P.E., Kaskarakova Z.E., Kyzlasov A.S., Sunchugashev R.D., Chertykova M.D. Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik [Khakas-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakas and Russian)
- ARS – Altaisko-russkii slovar' [Altai-Russian Dictionary]. Edited by A.E. Chumakaev, N.V. Ekeev, A.N. Maizina, K.K. Piyantinova, N.N. Tydykova, E.V. Tyuntesheva. S.S. Surazakov Research Institute of Altai Studies. Gorno-Altai, 2018, 936 p. (In Russian and Altai)
- BAMRS – Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' v chetyrekh tomakh [Large academic Mongolian-Russian dictionary in four volumes]. Under the general editorship of A. Luvsandendeva and Ts. Tsedendamba; edited by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 1. A-G. Moscow, Academia, 2001, 2016 p. (In Russian and Mongolian)
- Bazarov B.V.** Kommunikatsii i svyaz' v Mongol'skoi imperii [Communication links in the Mongol Empire]. *Power*. 2014, no. 10. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-i-svyaz-v-mongolskoy-imperii> (date of access: August 03, 2025). (In Russian)
- KalmRS – **Bordaev E. CH., Dzhambinova R.A., Kalyaev A.L., Kichikov A. SH., Korsunkiev TS.K., Monraev M.U., Muniev B.D., Pavlov D.A., Ubushaev N.N.** Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, The Russian Language, 1977, 765 p. (In Russian and Kalmyk)
- Chevalkov M.V.** Chöbölköptin jÿrÿmi. Gorno-Altai, the Gorno-Altai Branch of the Altai Book Publishing House, 1980, 107 p. (In Altai)
- Chuiskii torgovyi put' v Mongoliyu i ego znachenie dlya Gornogo Altaya [The Chui trade route to Mongolia and its significance for Gorny Altai]. Compiled by S.P. Shvetsov. Barnaul, Printing and Lithography of the Main Directorate of the Altai District, 1898, 96 p. (In Russian)
- Dybo A.V.** Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskii fond: pratyurkskii period [Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund: the Proto-Turkic period]. Moscow, Eastern Literature, 2007, 222 p. (In Russian)
- Ekeeva N.M.** Ot paleoliticheskoi stoyanki do stolitsy respubliki [From the Paleolithic site to the capital of the republic]. Altaidyň Cholmony. [Electronic resource] URL: <http://altaicholmon.ru/2023/03/03/ot-paleoliticheskoy-stoyanki-do-stolitsy-respubliki/> (date of access: October 05, 2025). (In Russian)
- Fasmer M.** Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Progress, 1986–1987. (In Russian)
- Gornyi Altai i ego naselenie. T. 1 [Gorny Altai and its population. Vol. 1]. Compiled by S.P. Shvetsov. Barnaul, Printing and Lithography of the Main Directorate of the Altai District, 1900–1903. [Electronic resource] URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000436699> (date of access: November 03, 2025). (In Russian)
- Istoriya pochty i pochtovykh marok Mongolii [The history of mail and postage stamps of Mongolia]. ARD. [Electronic resource] URL: <http://asiarussia.ru/news/19322/> (date of access: October 15, 2025). (In Russian)
- KirgRS – Yudakhin K.K. Kirgizsko-russkii slovar' [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1965, 973 p. (In Russian and Kyrgyz)
- Kochevniki Gornogo Altaya v usloviyakh sotsial'nykh i ekonomicheskikh preobrazovaniy v Rossii (vtoraya polovina XVIII – seredina XIX vv. [Nomads of the Altai Mountains in the context of social and economic transformations in Russia (the second half of the 18th – the middle of the 20th centuries)]. Edited by N.V. Ekeev. S.S. Surazakov Research Institute of Altai Studies. Gorno-Altai, 2020, 472 p. (In Russian)
- Okladnikov A.P., Ragozin A.L.** Zagadka Ulalinki [The mystery of Ulalinka]. *Soviet Ethnography*. 1982, no. 6, pp. 115–125. (In Russian)
- Poogoo Chultemsuren. Urtonnaya sluzhba mongolov, ili "Mongol'skii zakon v tri dnya" [The Mongol Funeral Service or "The Mongolian Law in three days"]. *Humanitarian Vector. Series: History, Political Science*. 2016, no. 4. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urtonnaya-sluzhba-mongolov-ili-mongolskiy-zakon-v-tri-dnya>

dnya (date of access: November 18, 2024). (In Russian and Mongolian)

Pustogacheva T.S. Istoriya razvitiya putei soobshcheniya v Gornom Altae v kontse XIX nachale XX v. [The history of the development of communication routes in Gorny Altai in the late 19th and early 20th centuries]. *Bulletin of Altai State University*. 2010, no. 4–2. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-putey-soobscheniya-v-gornom-altae-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (date of access: March 16, 2025). (In Russian)

Rossiya/Ekonomicheskii otdel/Pochta, telegraf, telefon [Russia/Economic Department/Mail, Telegraph, Telephone]. In: The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). Saint-Petersburg, Efron Tipo-Lithography, 1890–1907. (In Russian)

Savina V.I. Slovar' geograficheskikh terminov i drugikh slov, formiruyushchikh toponimiyu Irana [Dictionary of geographical terms and other words forming the toponymy of Iran]. Head of the Department of Geodesy and Cartography at the Council of Ministers of the USSR. Moscow, Nauka, 1971, 346 p. (In Russian)

Toponimika Respubliki Altai. Kniga 8. Maiminskii raion. Gorod Gorno-Altaysk [Toponymy of the Altai Republic. Book 8. Maiminsky district. Gorno-Altaysk city]. Edited by N.V. Ekeev (editor-in-chief), B.B. Sanalova (scientific editor), R.S. Minakova, N.N. Tydykova, A.E. Chumakaev. S.S. Surazakov Research Institute of Altai Studies. Gorno-Altaysk, 2023, 136 p. (In Russian)

ХАКАС ТІЛІНДЕГІ ПЕРС ПАЗА АРАБ ТІЛЛЕРІНЕҢ КІРГЕН СӨСТЕР: ОЛАРНЫ ІСТЕСКЕНІ ПАЗА АЛЫНҢА ОҢДАЙЛАРЫ

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: irina.chebochakova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-8457

ПЕРСИДСКИЕ И АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ: ИХ ИЗУЧЕНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматриваются слова арабского и персидского происхождения, выявляющиеся в хакасском языке. Их состав определен по данным современных трудов в области сибирской тюркской этимологии и словообразования, принадлежащих известному тюркологу М. Стаховски, и других исследователей. Рассмотрены существующие версии относительно времени и источника проникновения арабизмов и иранизмов в хакасский язык, состав этих групп слов и семантика. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул считают, что эти слова проникли в словарный состав хакасского языка в среднетюркскую эпоху и позже посредством торговых отношений. Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов связывают наличие некоторых иранизмов в древнеенисейских рунических памятниках с распространением в VIII–XIII вв. в Сибири северного ответвления манихейского вероучения и тем, что манихейство было государственной религией Древнехакасского государства (840–1293). В. Е. Майногашева обнаружила в хакасских героических сказаниях слова, которые, по ее мнению, пришли к хакасам от древних иранцев и их потомков. Она выдвинула концепцию о тесном взаимодействии и смешении двух генетических корней: кыргызско-хакасского и иранского. В. Я. Бутанаев собрал перечень арабских и персидских заимствований в хакасском языке, он объяснял их появление торговыми отношениями хакасов с татарами. Согласно исследованиям М. Стаховски, выполненным на материале сибирских тюркских языков, в хакасском языке следует выделять 17 слов персидского происхождения и 18 слов – арабского.

Ключевые слова: заимствование, хакасский язык, сибирские тюркские языки, М. Стаховски, этимология, фарсизм, арабизм, концепция.

PERSIAN AND ARABIC LOANWORDS IN THE KHAKASS LANGUAGE: THEIR STUDY AND SOME FEATURES

Irina M. Chebochakova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: irina.chebochakova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-8457

The article examines the words of Arabic and Persian origin that appear in the Khakass language. Their composition is determined according to the data of modern works in the field of Siberian Turkic etymology and word formation, belonging to the famous turkologist M. Stakhovsky, and other researchers. The existing versions regarding the time and source of assimilation of Arabic and Iranian loanwords into the Khakass language, the composition of these groups of words, and semantics are considered. N. A. Baskakov and A. I. Inkizhekova-Grekul believe that these words assimilated into the vocabulary of the Khakass language in the Middle Turkic era and later through trade relations. L. R. Kyzlasov, I. L. Kyzlasov associate the presence of some Iranian loanwords in Old Yenisei runic monuments with the spread of the northern branch of the Manichaean faith in Siberia in the 8th–13th centuries, and the fact that Manichaeism was the state religion in the Old Khakass State (840–1293). V. E. Mainogasheva found words in Khakass heroic tales that, in her opinion, came to the Khakass people from the ancient Iranians and their descendants. She put forward the concept of the close interaction and mixing of two genetic origins: Kyrgyz-Khakass and Iranian. V. Ya. Butanaev collected a list of Arabic and Persian loanwords in the Khakass language; he explained their appearance by the trade relations of the

Khakass with the Tatars. According to M. Stakhovsky's research, based on the material of Siberian Turkic languages, 18 words of Persian origin and 18 words of Arabic origin should be distinguished in the Khakass language.

Keywords: loanword, Khakass language, Siberian Turkic languages, M. Stakhovsky, etymology, Persian loanword, Arabic loanword, concept.

Kipic

Хыгырыгчы алнында пирееде алынча тилге пасха тиллердең сөстер кірчеткеннеңер сурыг турыбызадыр. Хайдаг даа чонның тархын чолы пос алынча ла салылбинча: пір чон, хончыhti чуртапчатхан пасха чоннарнаң культура-хонии саринаң теелізіп, хайдаг-да наа ниме-нооларнаң алызып, удаа ол наа нименің адын поэзының тіліне киредір. Наада кірген сөс тілде наа чуртаснаң чуртап сығадыр: аның омазы чонның чоохтаныс ондайларына килістіре алыс парадыр, тузазы даа пирееде пасха арах пол парадыр алай ба, үр тузаланылып, сөстің тузалыг пүдізінде илееде наа тузалар сығыс киледір.

Сөстің наа нимені адиры үчүн тілге кіргені аның өөн, че чалгыс ла сылтаа нимес. Пу сурыгны үгренип, істезігчилер мындаг хоза нандырыглар пирчелер: 1) хости чуртапчатхан чонның тілінің алай чооғының ондайларына көөкчеткені үчүн; 2) пір тіл артых чили санал сыхчатханы үчүн; 3) чағын ондагларны чарары үчүн алай нимені орта адиры үчүн; 4) пасха тілнің сөзі хап-орта таныхтастыг алай олаңай арах тузалыг пілдірчеткені үчүн; 5) пос тіліндегі табуирование үчүн [Роль человеческого фактора... 1988, с. 10–17].

Хакас лексиказының өөнін көбізін пурунғы тілнің сөстері пүдірчелер. Пу улуг чыындызар түрк, моол, тоңаза-маньчжур тиллерін піріктірчеткен сөстер кірчелер. Иң иргі сөстернің санына Кимдегі пурунғы түрк паза уйгур руникалыг хумартхы тастарда киртілген сөстерге чағын лексика кірче (хак. *күлүк*, орх. *күліг* 'саблыг', хак. *чыс*, орх. *йиш* 'хойыг арыг, көбізін тыттыг, харағайлыг'). Е. А. Хелимскийнің сағызы хоостыра, *хат* 'чистек', *кіс* 'албыға' сөстер самодий тиллерінең кірген сөстер полчалар [Широбокова, 2005, с. 68], кет тілінең алылған чили саналчатхан *соор*, *Ким* сөстер, пүткенннері хоостыра пілдізі чох, че *хасхах* 'чалым', *тазылга* 'тамырынаң хада ходырыл

парған ағас' сөстернең хада Сибирьдегі түрк тиллерінде ле пар сөстерге кірчелер [Рассадин, 1971]. Моол тиллерінең хакас тіліне читонча тиксі тарап парған сөс паза диалекттеріне ікі чүсче сөс кірген: *кии* 'воздух', *абахай* 'жена' [Рассадин, 1980, с. 34]. XVII чүс чылдаң сығара, орыс чон хакастарның чиріне көзерінең, хакас тіліне орыс сөстері кір турадырлар. Олар пастап көбізін предмет тузалыг сөстер полғаннар: *пес*, *санабар*, *моркоп*, *үгүрсү*, *налапка*, *картус*, *карт*, *хабах*, *кенмет*. Революция соонда хакас тіліне аймах-пасха тузалыг орыс сөстері алғым кір сыхханнар: *партия*, *страховка*, *драма*, *театр*, *коммунизм* паза ан. п. [Карпов, 1955, с. 44–54].

Өөн чардых

Пирілген тоғыста хакас тілінде пар араб-перс сөстері, оларға чарыдылған тоғыстар паза пу сөстернің тузалары істезілче. Таныхтирға кирек, хакас тілінеңер наукада пу темаа чарыдылған тоғыстар уғаа асхынах. Араб-перс сөстері хакас тілінде тирең істезілбееннер тізе, саба полбас. Аннаңар піс тиңнестірігліг ондайға айланғабыс, Сибирьдегі пасха түрк тиллерін істескен ученайларның тоғыстарына төстенгебіс.

Хакас тілінде пар араб-перс сөстерінеңер «Хакас-орыс сөстігінде» (1953) пазылча. Тоғысха хозыг чили пирілген «Грамматика очергінде» пу сөстер хакас тіліне, түрк тиллерінің тилизін санға алза, орты чүс чылларда паза соондағы туста кірген одырлар (X–XV ч.ч.). Авторлар таныхтапчалар: «В среднетюркскую эпоху хакасская лексика характеризуется главным образом значительными заимствованиями из монгольских языков. ...К этому же периоду, а для отдельных слов к более поздним периодам, относятся арабские и персидские заимствования, которые проникли в хакасский язык главным образом через татар – посредников при обмене и торговле» [Баскаков, Инкижекова-Грекул,

1953, с. 391–392]. Мында *арага, мал, сабын, хабар* араб сөстөрү чили *сан, паа, тар, худай* иран сөстөрү чили таныхталчалар.

А.С. Кызласов хакас тилинде иран паза араб тиллеринең кирген сөстөр угаа асхынах тіп таныхтапча, анзын ол иран чоны Ыстүнзархы Сибирьде чурттыг чоннарнаң удаа нимес тееліскеннең палгалыстырча: «...в древности иранские племена редко контактировали с аборигенами Южной Сибири, в частности, с хакасскими племенами. Ираноязычная и арабская лексика в основном проникала через торговые отношения...» [Кызласов, 2011, с. 338]. Статьязында ол көбізін орыс тілі хоостыра кирген араб-перс сөстөрін көрче.

Паза хакас материалының пу сарила-рын, сибирьдегі пасха түрк тиллеринең хада, тюрколог М. Стаховски істескен. Ол араб-перс сөстөрине статьялар изеризін чарытча [Stachowski, 1992-1993; Олох, 1995; Олох, 1996; Олох, 1997; Олох, 1998; Олох, 2002; Олох, 2006]. Ученай поэының тогыстарында араб-перс сөстөрү парын на көзітпинче, хоза оларның алызыгларын, этимологияларын, пасха тиллернең теелістерін чарытча.

Түрктернің чардыгынаң перс тілліг чоннарның аразындагы культура паза тіл саринаң теелістердеңер тюркологтар пасханнар [Баскаков, 1969, с. 167; Лившиц, 2013, с. 62; Чочиев, 2018]. Таныхтирға кирек, Хакас чиріндегі пурунғы руника пічіктерінде перс тілінең кирген сөстөр учурабохчалар. Алтын көл хырында табылған пічіктіг таста *Эзру* согд сөзі хыгырылча, ол манихей киртінізінде *Зерван* аттыг өөркі худайны таныхтапча [Кормушин, 2004, с. 214]. И.Л. Кызласов Хызылчар крайындагы Кома аалның хырында табылған, пурунғы хакас хазназының руника пічиинең пазылған, тузазы хоостыра манихей киртінізін көзітчеткен пічікте перс сөзін хыгырып алған: «Особого внимания заслуживает само слово *abad* — редкий пример вхождения в руническую письменную речь персидского заимствования» [Кызласов, 2013, с. 276]. *Abad (abadan)* сөс пурунғы тюрк тілінде ‘чуртагчылыг’, ‘чазалған, истіг’, ‘өңненіс’, ‘чазалыс’ тузалыг полған полтыр. Ыстүнзархы Сибирьде манихей киртінізі пик

орныгып, пурунғы хакас хазназының киртінізі пол партыр. Саблыг археолог Л.Р. Кызласов чирібісте манихейлернің ызых пүдіріглерін таап алған [Кызласов, 1999, с. 181–206]. Ол пасча: «Более поздние остатки угасающего манихейства сохранились до современности у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тувинцев, тофов и др.), а также у обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков ...в так называемых «шаманизме», «бурханизме» и в бытовых верованиях аборигенных народов, в лексическом составе их языков. ...Манихейскими по своему существу являются хакасские нагорные общественные моления небу, происходившие без участия шаманов; моления в гротах, ночные бдения в пещерах» [Кызласов, 1998, с. 9]. Манихей абыстары орындагы чоннарны оларның тиллеринең үгретчеңнер [Кызласов, 1998, с. 29].

Хакас фольклорын тирең істескен В.Е. Майногашева, хакас паза осетин чоннарның алыптыг ныхахтарын тиңестіріп, көп төйи сарила-рын көзіт салған. Ученай, хакастарның алыптыг ныхахтары паза осетиннернің нарт ныхахтары пір чайаачы төстегліг полған поларлар тіп, санапча: «...сходства в двух эпосах составляют целую систему. ...Это свидетельствует об общих древних основах в мифотворчестве хакасов и осетин» [Майногашева, 1998, с. 47]. Ол сағынча, пурунғы иранецтер (скифтер) пістің чирібісте чурттыг полып, түрк тілліг чоннаң араласханнар тіп: «Древние иранцы (скифы) ...были смешаны с тюрками на территории древней Хакасии. Те и другие обладали двуязычием, иначе такая система взаимовлияний мифологических основ в эпосе и верованиях была бы невозможна. У хакасов, как и у древних иранцев — зороастрийцев, в эпосе обычно фигурируют семь Творцов-Богов. А слово Бог, по-хакасски *худай*, персидского происхождения. ...Это тоже говорит о том, что тюркские предки хакасов переняли древнеиранскую религию, ставшую частью их мировоззрения» [Майногашева, 1998, с. 48]. Пурунғы иран лексиказына В.Е. Майногашева алынча статьязын чарытча. Пу лексикаа ол *айна, чик, чиген, чарых, ирбен, ай пөрізі саадах* (көп түктіг

саадах), *изебі чох, чабан, миис, аас, чода, паар* сөстөрні кирче [Майногашева, 2002, с. 9–10].

Этнограф В.Я. Бутанаев статьясында ол позы араб-перс лексиказына санапчатхан

сөстөрнің улуғ нимес изерізін пирче, таблица-зын көр. [Бутанаев, 1973, с. 146–147].

Т а б л и ц а

Хакас сөстөрү	Араб-перс сөстөрү
Тахта (кыз.) ‘деревянная кровать’, (кач.) ‘мост’	тахта ‘доска’
Маас ‘овод’; ‘муха’	магас (перс.)
Пүдүрчүн ‘перепелка’	бэлдэрчин (перс.)
Хазна ‘государство’	хазине ‘сокровище, клад’ (ср. персидское слово давлат ‘сокровище’; ‘государство’)
Чан (кач.) ‘душа’; ...	джан
Хағас (кыз.) ‘бумага’	кағаз
Өөре ‘подруга’	ер
Хачы (хатчы) ‘секретарь’	хатт ‘письмо’
Кандар ‘безмен’	кандар
Ылай ‘топь’	лай ‘ил’; ‘грязь’; ‘глина’
Кип-чоох ‘предание’	геп ‘речь, разговор’
Изеп ‘карман’	джип
Бацах (кач. ласк.) ‘ребенок’, ‘младенец’	бачче
Чай (кач.) ‘место’; чай чоғыл ‘нет свободного места’; чайладарға ‘освободить место’	джай
Сын аях ‘фарфоровая чашка’; ...	чини ‘фарфор’
изеп (кач.) ‘счет’; ...	хэсаб
Күнген ‘медный кувшин’	кумган
Ағыл ‘ум’	акл
Сарбазан 1. ‘богатырский лук’; 2. ‘пушка’	сарбазан ‘солдат’ (перс.)
Саар (устарелое кач.) ‘город’; ...	шахар (перс.)
Түмег саг. ‘оружие’	туфанг перс. ‘ружье’
Аңмах ‘ротозей’	ахмак ‘дурак’
Сөөдер ‘тень под деревьями’	сал ‘тень’; салдар ‘тенистый’ (перс.)
Хадар ‘слой сала на мясе, ребрах’; ...	катар ‘слой, ряд’ и т. д.

В.Я. Бутанаев хаастарның паза хызыл-ларның чардығы Хакас чиріне кидеркідең килгеннеңер кип-чоох сынында полған нимелерге төстенче полар тіп сағынча [Бутанаев, 1973, с. 146].

Андағ ондайнаң, пүүңгізіне хакас тілі-неңер наукада араб-перс тіллерінең кірген сөстер тирең істезілбеннер. Лингвистика саринаң араб-перс сөстерін істесчеткен М. Стаховскинің салтарларына көре, аннаң андар хакас тіліндегі сөстер пирілче.

Перс тілінің кірген сөстер

Айна

Айна сөс хакас чонның кибірліг киртінізін таныхтапчатхан сөстер чыындызына паза тілнің удаа киректелчеткен сөстіг пайына кірче. Сөстіктерде ол мындаг оңдайнаң пирилче: «АЙНА адал. 1. Ызұт, чик, чир алтынаң сыхчатхан Ирлік ханның сүмекчізі. – рел. Черт, дьявол. *Айна пілер. Сині иссе, пістің полған на пулуң-салыңнаң айна сых килгедег* (ТМ ЧЧ). *Мында, сынап аалдагы чонның чоогына киртінзе, чил кірбес тымых чир, айна кірбес арыг чир* (ЧС АҰХ). 2. Көбізін хырызынчаң сөс полып тузаланылча. – бран. Черт, дьявол. – *Хыйа тур, айна!* (ХЧ). – *Сых мыннаң! – тидір пиг, хысхыр сыххан. – Позың айназың!* (КС ХЧН). – *Анаң Симунах, айна, тура ал полбин саадабысхан* (ШВ ЧС). ♦ *Айнаа даа парчат!* – *Убирайся хоть к черту!* *Айна аны піледір. – Черт его знает. Айна кізі!* – Чистый дьявол! *Айна кірзін хойныңа!* – Пусть черт на тебе женится! (проклятие). *Айнаң кірче бе?* – Что с тобой, что случилось? *Айнаңы!* – Смотри, каков он! *Айнаң салба.* – Не вредничай. *Айнам атар ба.* – Ничего со мной не случится...» [Анжиганова и др., 2020, с. 63–64]. Марек Стаховски *айна* сөс *hajnā* омалыг иргі перс сөзінең палғалыстыг тіп пасча, аның тузалары ‘чик’ паза ‘хут’ полған полтырлар. Паза пу сөс, пасча істезігчілер көрізінең, *Наена* омалыг иргі авестийскай сөстең сыххан одыр, айналарның чаачыларын таныхтаан полтыр [Stachowski, 1992–1993, p. 252].

Изен

Изен сөс хакас тілінде кибірліг сөстер санында саналчатханынаң тоғыр полчаң кізі табылбас таа. Пу сөстің тузазы сөстікте мындаг оңдайнаң чарыдылча: «ИЗЕН 1. Хазых, тіріг, амыр-хазых. – Здоровый, в добром здравии. *Ам пабазы изен полған полза, Кырзаннарда даа нымысчы полып чөрбесчік* (БТ О). *Пістің пазыбыс изенде, андаг ниме чох полар тіп сагынчам* (П). *Пазың изен ползын, хазиң пик ползын.* 2. Кізі кізінең тоғасса, хазых поларға алғааны, хазых пол теені. – Приветствие, пожелание, здравствуй.

О-о, Саричек, килнім, изен! – *хол тутхан* (ТМ ЧЧ). *Че пудургы кізі Айдоны кұр табыснаң көксебізер орнына агаа хыныстыг изен пирген* (КВ А). *Изен дее пирбин, орыс тілінең чоохтап пастаан* (ДН ЫА)» [Анжиганова и др., 2020, с. 144]. Пу сөсті М. Стаховски перс сөзіне санапча, перс тілінде ол ниик оңдайны таныхтапчатханнаң пасча [Stachowski, 1992–1993, p. 249; Олох, 1998, с. 44]. Ідөк пу сөс пурунғы түрк тілінде пар полған, андар ол перс тілінең кір парған полтыр.

Кинче

Кинче (кинчі вариант учурабохча) сөс хакас-орыс сөстігінде ікі тузалыг сөс чіли пирилче, чарыдылгы сөстікте, тізең, – ұс тузалыг: «КИНЧЕ I 1) цепь (для привязи собаки); ср. ілчірбе; *адай кинчеде одырча* собака сидит на цепи; 2) кандалы; *кинчеліг кізі* человек в кандалах, каторжник» [ХРС, 2006, с. 166]; «КИНЧЕ I адал. 1. Адай палғачаң өнетін пағ, ілчірбе. – Цепь (для привязи собаки). *Адай кинчеде одырча. Анда кірзе, мин аның мойнына тимір кинче тастирбын, тударбын!* (НК ХФ). 2. Пиктегдегі кізінің азаана, холына кизіртчең ілчірбелер полызиинан піріктірілген тимір тоғылағас. – Кандалы. 3. Кізіні пасчатхан, майыхтырчатхан, кізее аар полчатхан ниме. – перен. То, что тяготит, обременяет, угнетает человека. *Синің үчүн минін чуртазым кинчідегі осхас*» [Анжиганова и др., 2020, с. 229]. *Кинче* сөс ідөк перс сөзі полчаттыр [Stachowski, 1992–1993, p. 252].

Кип

Хакас тілінің сөстіктерінде пу сөс көп тузалыг сөстернің санына кірче: пастағы тузазы – ‘кип-чоох, төлдең төлге парчатхан чоох’; ікінчі тузазы – ‘кибір’; үзінчі тузазы – ‘хайди даа пол парчаң ниме, оңдай’; төртінчі тузазы – ‘киртініс’ [ХРС, 2006, с. 167]. Ідөк пу сөс хадыл сөстің чардыгы пол парған, пуох сөстіктегі *кип-чоох* статьяны көр. [ХРС, 2006, с. 168]. Перс тілінде пу сөс ідөк көп тузалыг сөс полча, аның пастағы тузазы ‘чоохтазың, чоох-чаах’, ікінчізі – ‘махтаныс’, үзінчізі – ‘сөс’. Хының пілерге, долған паза саха тілдерінде *кепсе-* сөс пар, аның тузазы – ‘чоохтирға’.

М. Стаховски пу иділісті пістің чирібісте орныххан пурунғы хырғыс, пурунғы хакас хазназының кізілері хоостыра алтынзархы чирлердегі түркернің тілдеріне кір парған даа полар тіп сағынча. Ученая аны *кип* сөснөң палғалыстырча. Чоннар аразындағы теелістер, аның сағызынаң, X–XII чүс чылларда полған поларлар: «Какой язык является тогда посредником при передаче перс. *gär* в долганский? ...Нам кажется, что таким языком может быть (древне-)кыргызский...» [Стаховски, 1997, с. 45]. «Рассмотрим возможные пути проникновения мусульманских заимствований в долганский язык. Самым древним путем, датируемым X–XII вв., мог стать древнекыргызский путь. В IX в. кыргызы, которые этнически также не были изначально тюрками, говорят уже по-тюркски, после победы над уйгурами берут власть в степи в свои руки и удерживают ее до монгольского завоевания в XIII в. (Scharlipp 1992: 89). Найти слова, которые могли возникнуть через древнекыргызское посредство, нелегко; таковым является, возможно, долганское *käpsä*» [Стаховски, 2002, с. 8]. Хай син узун чолча алтынзархы соох чирлерде чурттыг чоннарзар *кип* сөс көс парыбысханы – хыныг ние.

Молат

Молат сөс хакас тілінде ікі чоох чардығының, адалыснаң пілдірістің, тоғызын толдырча. Улуғ сөстіктерде тузалары хоостыра аймах-пасха пірілчеткені іле сығысча: «МОЛАТ 1. 1) сталь; *молаттаң иткен пычак* нож из стали; *тоң молат* чистая сталь; *час молат* упругая сталь; *молат осхас хатыг* прочный, как сталь; *молат таптурга* ковать сталь; 2) меч, кинжал (из стали); *ай чалбагы молат* фольк. широкий (в виде молодого месяца) стальной кинжал; *тынныг молаттың пізінең хыбын тоолап тургандаг* фольк. будто дышит стальной меч, точно искры летят с его лезвия; 2. Стальной; булатный; *молат рельстер* стальные рельсы; *молат хылыс* булатная сабля» [ХРС, 2006, с. 250]; «МОЛАТ адал. Хатыг, чылтырах металл (тимірнең паза пасха даа хатыг иде тытчатхан элементтернең поралған металл); металлдаң таптап, иділген ние-ноолар. – Сталь // стальной; меч, кин-

жал (из стали). *Тимір молат мылтиибысты тиліг холга тударбыс* (КВ А). *Амды олар Азбан-Тазоба аразындағы молат чолны наачылапчалар* (ЛЧ). *Молат хылыс сыйлааннар*» [Анжиганова и др., 2020, с. 323]. Чарыдығлыг сөстіктегі тузалар пірілгені саба тіп санапчабыс, ‘хылыс’ тузаны алынча сығарарға кирек полған. *Молат* сөсті перс сөзіне санирға киректелчеткеннеңер М. Стаховски поэзияның «Заметка по поводу арабских и персидских заимствований в долганском языке и путей их проникновения на север» статьясында пасча [Stachowski, 1997, с. 44].

Мылтых

Чарыдығлыг сөстікте *мылтых* сөс піди пірілче: «МЫЛТЫХ I адал. Атчаң, узун төделіг, холда ал чөрчең тиріг. – Ружье. *Кинетін хайаны яңыландыра мылтых тазылап халған* (МТ). *Піреде поэин хасхылар аныңоң мылтиинаң ат саларға апарчатханнары көрінче* (ДН БІА). *Мылтых, чүзер яңыланып, тазыли халған* (НК КХ)» [Анжиганова и др., 2020, с. 334]. Ідөк метонимия көзіріи хоостыра пу сөстең үлүкүн ады пүт парған: «МЫЛТЫХ II адал. 1. Христостың кірөске түскенінең палғалыстыг үлүкүн. – Крещение (праздник). *Мылтых соохтарына аалдағыларның пестері үспин көйчелер. Мылтыхха пістің мында ачыг соохтар турыбысчалар*. 2. Чайғыдағы Спас үлүкүні (үс хати иртірілче). – рел. Спас. *Чайғыда үс аймах мылтых таныхталча. Чайгы мылтиина кізілер үүчіктегі хай пірее ас-тамахты чыып алчалар*» [Анжиганова и др., 2020, с. 334]. М. Стаховски пу сөс түрк тілдерінзер перс тілінең килгеннеңер пасча, перс тілінзер ол араб тілінең көс килген одыр [Stachowski, 2002, с. 9]. Перс тілінде пу сөс *фатиле/фетиле* омалыг полған, араб тілінде – *фатил*.

Ораза

Хакас тілінде *ораз* чағбан тутчатханын таныхтапча: «ОРАЗА адал. Чағбан тудызы (православнай христианнарың чыл ибіре төрт хати, Көледее, Хызыл нымырхаа, Петр паза Павел илчілерге паза Өөркі Іченің

тоозылғанына чарыдылған, ит-сүт тамағы чибин тудынчатханы).— Пост. *Ораза тударга. Ораза хайах. Ораза тутханы үгренерге харыг полча (ХЧ)* [Анжиганова и др., 2020, с. 403]. Перс тілінде пу сөс ідөк чағбан тутчатханын таныхтапча [Stachowski, 1992–1993, p. 251].

Паа

Паа сөс хакас тілінде өөн лексикаа кірчеткен сөс полча. Аның тузазы мындағ ондайнаң чарыдылча: «ПАА I адал. 1. Ниме-нооның, истің ахчаа турчатхан алай паалалчатхан сині.— Цена, стоимость. *Хой идінің паазы өс партыр. Чонга пөзік качественлыг, ниик паалыг чиис кирек (ХЧ). Хакасияда паалар политиказы алыспас (ХЧ). Саңай тискер, ас сығызы уйан полған чыл хақан даа пааларны, өөнінде итке, түзірче (Х).* 2. Пірее кізінің алай нименің өөн тузазы, кирее.— Роль, значение чего-н. *Пычонның мындар кіргені хайча улуг паага даа паалал парғанын хабынмааннар (ДН БИА)*» [Анжиганова и др., 2020, с. 438]. М. Стаховскинің сағызынаң, *паа* сөс *bähā* тіп перс сөзінең пір төстіктіг полча [1992–1993, p. 249]. Ортызындағы *h* түс парып, узун *aa* пол парған.

Тар

Тар сөс хакас тілінде ікі тузалығ сөс полча: «ТАР I адал. 1. Чара чачырас итчең чаа тиріглерін тимнирге киректелчеткен ниме.— Порох. *Чара чачырас пол парған соонаң, тар чызы чыстан сыххан. Пурунғы чылларда тар түдүннің полған, соонаң түдүн сыхпинчатхан, чызы ла пілдірчеткен тар сағынып алғаннар.* 2. Аңчылар мылтығынаң атчаң унах хорғамчы тоғылағастар (ухтар).— Дробь. *Ачын чаа кұннерінде сыннаң хыпчыхтаныс тоғазии тарнаң тигірни харлыхтырып, ханныг чуллар ағыстырған (ХЧ). Аңчы пічи чох олаңай аңчылар магазинінең тар садып ал полбассың*» [Анжиганова и др., 2023, с. 201]. *Тар* сөс перс тілінең килген полтыр, анда ол ідөк чара чачырас итчең чаа тиріглерін тимнирге киректелчеткен нимені таныхтапча, че көрімі пасха арах (*därü*) полча [Stachowski, 1992–1993, p. 250].

Тахта

Тахта сөс хакас тілінде ікі оңнағны таныхтапча: «ТАХТА I адал. Сугны кизерге иділген пүдіріг; кішіг суғ кизіре салылған чарды.— Мост. *Улуг аалның суғ чоғархы саринда агас тахта (ТМ ПТ). Тахта полған тустарда, от ізиине хазан хырынаң асчатхан чили, хайнап, көбіктеніп, сыылап, чалым хайадаң атыхчаң чулат (КМ Х); ТАХТА II адал., кыз., көр.: одырчих»* [Анжиганова и др., 2023, с. 215]. *Тахта* сөс перс тілінеңөк алылған полтыр, анда ол орғанны, ағастың ніске кизілген чардығын (фанераны), тасхахты таныхтапча [Stachowski, 1992–1993, p. 251]. Хайди көрчебіс, прай пу тузалар хакас тіліне кірбиндірлер.

Терезе

Терезе сөс хызыл диалектінде пар: «ТЕРЕЗЕ адал., көр.: көзенек. 1. Сүлейке.— кыз. Стекло. *Терезе амғы туста угаа кирек ниме: чиис тударга, көзенекке турғызарга, ідіс-хамыс, ойначахтар идерге, көп пасха даа киректерде. Терезені чіп полчатхан кізілер дее сығыс килче, аны киміріп, хычырада тайнап, азыр сыхчалар, хазыхтарына пір дее хайтпинчатхан осхас.* 2. Көзенек.— Окно. *Терезедең кем-де пахлапча тіп, ол өрекен улуг ла тыныбысхан (ДН БИА). Амғы туста терезені пластикнең итчелер, андағ көзенектер алғым тарап парған*» [Анжиганова и др., 2023, с. 223]. М. Стаховски пу сөс перс тілінең килгеннеңер пасча, анда ол *darīča* омалығ полған полтыр, көзенектіөк таныхтапча [Stachowski, 1992–1993, p. 250].

Поца

Пу сөс «Хакас-орыс сөстігінде» піди пирілче: «ПОЦА II буза (приготавливаемая для последующей перегонки в араку); *поца* урарга ставить бузу для винокурения; *сыра пар, поца пар, ічер ползаң, ніске пар* фольк. Есть пиво, есть буза, если хочешь пить, приходи к нам» [ХРС, 2006, с. 374]. Пу сөс ідөк перс тілінең алылған полтыр, анда ол *boza* омалығ полип, рис арағазын, пиво көрімін таныхтапчаттыр [Stachowski, 1992–1993, p. 249].

Сыра

Сыра сөс хызыл диалектінде пар: «СЫРА III кыз. Брага, пиво; *пиво пар, сыра пар* – *ізер ползаң, піске пар* фольк. пиво есть, брага есть, если хочешь пить, приходи к нам; *Сыра көл* геогр. озеро Шира; □ *сыра хайнатсаң, абысты сыгар полбассың* погов. соотв. Бражку варить, попа не выкурить» [ХРС, 2006, с. 557]. М. Стаховски пу сөсті *šīra* тіп перс сөзіне килістірче, аның тузазы ‘сүзүн; тадылығ суғ’ полчаттыр [Stachowski, 2006, p. 180].

Хоос

Пістің тілібісте *хоос* сөстің тузалары иледе: пастағы тузазы сырнаң, рұчканаң паза пасха даа нименен хоостаанының салтарын таныхтапча; ікіншісі – ‘исте, чардыда, ан.п. нимеде сырнаң хоосталған чайаачы салтар, чайаачы тоғыс’; үзіншісі – ‘чіпнең хоосталған тоғыс, андағ тоғыснаң палғалыстығ’; төртіншісі – ‘пірее нименің сомы, тиксі көрімні пүдірчеткен прай сарилар’; пизіншісі – ‘аймах-пасха чоллығ, чахайахтығ, өңніг’; алтынчызы – ‘пөзік чайаачаа теелчеткен, аннаң палғалыстығ’; читіншісі – ‘өкерек’ [Анжиганова и др., 2023, с. 494–495]. Пу сөс перс тілінең піссер килген, ол ‘сіліг’ тузаны таныхтапча [Stachowski, 2006, с. 18].

Худай

Хакас тілінің чарыдығлығ сөстігінде *худай* сөстің тузазы піди чарыдылча: «ХУДАЙ адал. Тилекейні, прай пар нимелерні чайаан, өөркідең прай нименен устатчатхан Чайаан. – Создатель Вселенной, всего сущего, обладающий высшим разумом, управляющий миром; Бог, божество. *Худай хоных пирзе, таңда прай ниме пар полар тіп, удаа чоохтан салчаң аның кирі ічезі* (ХА А). *Соонаң алты неделяча, «крек» иткен үчүн, Худайға пазырған* (ТВ АТ). □ *Пирген Худай пир турзын, Пичеңдей апсах хаап турзын* (ХС). – Дающий бог пусть дает, старик Пиджендей пусть берет» [Анжиганова и др., 2023, с. 507]. Тілібісте пу сөс удаа тузаланыстығ сөстер

санына кірчеткенін аннаң пүткен сөстер (адалыснаң хыйғылас) киречілепчелер: «ХУДАЙ-АБАЦАХ адал. Тилекейні, прай пар нимелерні чайаан, өөркідең прай нименен устатчатхан Чайаан. – собир. Бог-отец. *Худай-абачах пирер не андағ күнні* (ТМ ПТ). *Торай?! – Ниме полбинча чир үстүнде, худай-абачах, – ипчілер халахтанысханнар* (ТМ ЧЧ); ХУДАЙЫМАЙ хыйғ. Хайдағ-да сағыбаан өріністі, хорғысты, таңнасты паза ан.п. таныхтапчатхан сөс. – Междометие, выражающее сильные, неожиданные чувства радости, испуга, удивления и т.п. *Йо, худайымай, тўнее хайди тың ағырдым* (ГХЯ). *Аннаңар ол пірееде ниик хоныхха чидерін, худайымай тіп, сурынчаң, хараа-күнөрте худайға пазырчаң* (КВ МТ)» [Анжиганова и др., 2023, с. 507–508]. М. Стаховски пу сөс ідөк перс сөзі полчатханнаңар пасча, тузазы хакас тіліне алыспин кіртір [Stachowski, 1996, p. 224].

Чан

Хакас тілінде *чан* сөс ікі тузалығ: «ЧАН адал. Хут. – Душа; дух. *Ол «кибістерні» хахтап, чаныбысха читчең* (КГ ПАО). *Ох, хайдағ чаны чох полған чаа тузындағы ипчі чон* (ГК ХА Т). *Кізінің чўрее чалбыран чөрзін, чаны салыхпазын* (ХЧ ТТ). 2. Кізее айла-ныс. – Обращение, душа моя. *Амға теере ол чымчылға чўреемде чатча, харғанчам: – Кіріп тее парзам, ол агас пір дее чызыбас, чанычаам* (МК ТХ). *Прайзының көңніне Евгения Костякованаң Игорь Толмашов кіргеннер, олар «Чаным» ырны сарнааннар* (ХЧ)» [Анжиганова и др., 2023, с. 599]. *Чан* сөс перс тілінең килген сөс полчаттыр, тузазы паза омазы алыспаандыр [Stachowski, 1992–1993, p. 250].

Хагас

Хагас сөс хызыл диалектінде пар, ол чачынны таныхтапча [ХРС, 2006, с. 771]. Перс тілінде пу сөс ідөк чачынны таныхтапча. М. Стаховски сурығ турғысча, арса, *хагас хоос* сөснен палғалыстығ полча ба тіп [Stachowski, 1992–1993, p. 251].

Араб тілінің кірген сөстер

Ағыл

Ағыл сөс көбізін фольклорда паза хос хадыл сөстің чардығы чіли тузаланылча. Хакас тілінің сөстіктеріне пу сөс кирил парған, көзідімге, «Хакас-орыс сөстігінде» аның өөн тузазы чіли ‘ум; разум, рассудок’ пирилче [ХРС, 2006, с. 28], чарыдығлығ сөстікте, тізен, хызыл диалектінің сөзі полчатханы хоостыра сизіндіріг пар: «АҒЫЛ I адал. I. Сағыс, кізінің миизінде төріпчеткен ниме, піліс. – кыз. Мысль, ум. *Ағылың аспазын, изің сыхпазын* (фольк.). *Ағылың сыхты ба, изің чітмі бе* (разг.). *Улуг абаамның палазы ағылы ас парған ма?* (АА)» [Анжиганова и др., 2020, с. 38]. Араб тілінде ол ідөк сағысты таныхтапчаттыр [Stachowski, 1992–1993, p. 253].

Араға

Хакас тілінде пу сөс изірткінің тиксі ады пол парған: *хызыл араға, ах араға, айран арагазы, хатыг араға, тадар арагазы*. Хоа пу сөс хыс паланың ибіркі ады пол парған: «АРАҒА адал. 1. Изірткіліг ісчең ниме. – Вино, водка. *Хызыл араға. Ах араға. Араға ізерге. Араға сыбирға. Айран арагазы. Пірее сабан хатыг араға тұрғыс* (ДН ЫА). *Араға урылған* (ТМ ЧЧ). *Ноға піс араға ісчебіс? – аны чоохтас көрееңер* (ТМ ЧЧ). 2. Хыс паланы азанып адааны. – эвф. Девочка. *Мының алнында хыс пала төрізе, аны Арағачах тіп адачаңнар. «Араға» сөс хақан-да хыс ады чіли тузаланылчаң. ♦ Араға ілерге. – уст. этн. Кропить вином (для задабривания духов гор, рек, огня). Араға сабарға. – Пьянствовать. Арагаа кірерге. – Пристраститься к спиртному. Арагаа саптырарға. – 1. Запить. 2. Стать алко-голиком. Арагадаң сыгарға. – Совсем перестать пить (о вине)» [Анжиганова и др., 2020, с. 94]. *Араға* сөс араб тілінең килген полтыр. Марек Стаховски, пу сөс Сибирьче паза Орты Азияча тарап парған көскін сөс тіп, таныхтапча: «Ein typisches, in ganz Zentral Asien und Sibirien verbreitetes Wanderwort» [Stachowski, 2006, p. 155].*

Ізен

Ізен сөс хакас тілінде оох-теек нимелер сух чөрчең кип-азахха чапсыра хапчых ондайынча тігілген оох-теек нимелер паза ахча сухчаң кип-азахтың чардығын таныхтапча [Анжиганова и др., 2020, с. 190]. *Ізен* сөс араб тілінең килген, анда аның тузазы ‘нанчых (сумка)’ полчаттыр [Stachowski, 1992–1993, p. 253; Stachowski, 2006, p. 156].

Киден

Киден сөс «Хакас-орыс сөстігінде» ікі тузалыг пирилче: «КИДЕН 1) холст; парусина; мешковина; *киден көгенек* платье из холста; *киден согарға* ткать холст; ...2) перен. полотенце; *хол чысчаң киден* полотенце для рук» [ХРС, 2006, с. 159]. М. Стаховски пу сөс араб тілінде *kattān* омалыг паза ‘лен’, ‘ис’ тузалыг полчатханнаңар пасча [Stachowski, 2006, p. 156].

Мал

Хакас тілінде пу сөс ибде, аал хониинда тутчатхан інектерні, аттарны, хойларны таныхтапча [Анжиганова и др., 2020, с. 302]. Ол хакас тілінің өөн сөстерінің санына кірібөкче, анзын анынаң палғалыстыг иледе сөс палғалыстары, фразеологизмнер киречілепчелер: «*арыг мал* священная (чистая) скотина (о лошадях); *ах мал* фольк. белый скот (о благополучно содержащемся богатирском скоте); *мал адирға* дарить скот; *мал поларға* разг. терять человеческий облик; *мал харахтыг* человек, любящий скот и хорошо ухаживающий за ним (букв. с животными глазами); *мал худы* этн. жизненная сила скота (по поверию: в ней хранилась душа скота); *мал соонаң чөрері* – *хатыг тогыс* уход за скотом тяжкий труд; *талбах мал* слабый истощенный скот; □ *мал өлзе* – *сөдгі халар, кізі өлзе* – *ізі халар* скотина падет – останутся кости, человек умрет – останутся [его] дела; *малға маан кирек, кізее аргыс кирек* скоту нужен уход, человеку – товарищ; *малдаң маңат, кізідең чыхсы* лучше скота, лучше человека; *мал өлзе*,

адай симіс, кізі ағырза, хам симіс у собаки пир горой, если сдох баран, занеможил человек, в прибыли шаман» [Хыйға сөс, 2021]. *Мал сөс* араб тілінең килген полтыр, анда ол ниме-нооны, ис-пайны, кізіде пар нимені таныхтапча: «*arab. māl* ‘beweglicher Besitz, Habe, Eigentum’ (Stachowski 1993: 254)» [Stachowski, 2006, p. 156]. Хакастарның сағыстары хоостыра өөн ис-пай ибде тутчатхан тіріг нимелер опып, андағ ондайнаң оларға хақан-да *мал сөс* сиип парған полар.

Ниме

Ниме сөс хакас тілінде ин удаа тузаланылчатхан сөстер санына кірче. Ол орынды, адалыс, опызығылығ сөс чіли тоғынча: «НИМЕ адал. 1. Чоох парчатхан предметті көзітче, адапча. – Что. *Хайдағ полар таңдағы кұн, ниме оларны сағыпча* (ХА А). *Ниме пілчезің син миннеңер?* – *сурыбысхан ол ипчидең* (ШВ ЧС). 2. Алынча предметті таныхтапча. – Вещь. *Пилетелген муңар кубометр агас – прай олар тоғын салған ниме полча* (ЧМ КЧ). *Пу чахсы иділген ниме*. 3. В служебном значении употребляется для образования формы собирательности. *Пабам ниме. Чазыт ниме. Чидерге чидікпеен ниме ырах пілдіредір* (ДН БІА)» [Анжиганова и др., 2020, с. 356]. *Ниме сөсті*, М. Стаховскинің сағызынаң, идөк араб тілінең кірген сөске санирға кирек. Анда пу сөс мындағох омалығ полчаттыр, че тузазы пасха, *ниме чахсы киректі, чахсы нимені, чахсы ұлұсті таныхтапчаттыр* [Stachowski, 1992–1993, p. 254].

Пахпыр

Пахпыр сөс хакас тілінде араға алай пірее изірткіліг ниме-нооны көп іс салза, изі чохтанғанын, ағырғанын таныхтапча [Анжиганова и др., 2020, с. 466]. Араб тілінде *mahmūr* сөс изірік полғанын таныхтапчаттыр [Stachowski, 1992–1993, p. 254].

Сабын

Сабын сөс хакас тілінде чуунарға алай кип-азах чуурға киректелчеткен изілчеткен ниме-нооны таныхтапча [Анжиганова и др.,

2023, с. 19]. *Пу сөс* араб сөзіөк полчаттыр, араб тілінде тузазы андағох [Stachowski, 1998, p. 42].

Сундух

Сундух сөс хакас тілінде ниме-ноолар сухчаң улуғ харачахты таныхтапча: «СУНДУХ сундук; *ах сундух* кованный (серебром) сундук (чеканный); *саңнығ сундух* сундук со звоном; *кип-азахты сундухха сугарға* хранить вещи в сундуке» [ХРС, 2006, с. 521]. *Сундух сөс* идөк хақан-да араб тілінең килген, анда ол *шандук, шундук* омалығ полған полтыр. Таныхтирға кирек, пу сөс орыс таа тілінде пар, сибирьдегі түрк тіллеріндегі *сундух* сөсті Стаховски орыс тілінең палғалыстырча, хайдар ол араб тілінең килген [Stachowski, 1995, p. 134].

Там

Хакас тілінде *там сөс* пар, аның тузалары – ‘татхын’, ‘тадығ’ паза ‘пірее нименің кизегі’ [Анжиганова и др., 2023, с. 191]; хакас-орыс сөстігінде мындағ көзидімнер пирілчелер: *пир там даа суг іспедім. Пир там даа тамах чібедім* [Анжиганова и др., 2006, с. 585]. Араб тілінде *там сөс* нименің тадыпчатханын таныхтапча [Stachowski, 1992–1993, p. 255].

Табак

Табак сөс хакас тілінде чиис салчаң алай чиис урчаң хырилары көдірілік, тоғылах, түбі чалбах арах ідісті паза аймах-пасха табыстар, сарыннар, көглер пазыл парған, ойнатчаң тиріг хоостыра олар истілчеткен тегілек, чалбах, ніскечек нимені (пластинканы) таныхтапча [Анжиганова и др., 2023, с. 166–167]. М. Стаховски пу сөсті араб тіліндегі *tabaq* сөснең палғалыстырча. Ол идөк чалбах ідісті таныхтапчаттыр [Stachowski, 1992–1993, p. 255].

Тим

Хакас тіліндегі *тим сөс* *темм* омалығ араб сөзінең палғалыстығ. Араб тілінде *темм* сос пірее нименің толдыразын, иң чахсы полчатханын таныхтапчаттыр [Stachowski,

1992–1993, р. 255]. Хакас тілінде, тізең, *тим* сос пірее ниме идерге тимде полчатханын таныхтапча [Анжиганова и др., 2006, 618].

Хабар

Хакас тілінде *хабар* сөс пірее нимедеңер тылаасты, искірігні, полған нимедеңер чоохты таныхтапча [Анжиганова и др., 2023, с. 410]. *Хабар* сөс араб тілінде тылаасты, хайдаг-да нимедеңер чоохты таныхтапча [Stachowski, 1992–1993, р. 253; Stachowski, 1998, р. 42].

Хазна

Хазна сөс хакас тілінде пүүн обществонаң устатчатхан, аның экономиказын паза социальнай пүдізін хайраллапчатхан өөн политической пірігіс (государство//государственный) паза обществонаң устатчатхан, аның экономиказын, социальной пүдізін хайраллапчатхан өөн политической пірігістің ахча чығчаң чирлерінең палғалыстығ паза пасха даа ис-пайларына теелчеткен (казна//казенный) тузалығ сөс полча [Анжиганова и др., 2023, с. 422–423]. Араб тілінде *hazna* сөс ис-пайны паза ис-пайны хайраллачаң орынны таныхтапча [Stachowski, 1992–1993, р. 254].

Халып

Халып сөс пірее хайылдырган нимені (ухтарны паза даа пасха нимені) киптең тирігні таныхтапча [Анжиганова и др., 2006, с. 794]. М. Стаховскинің істезии хоостыра, пу сөс араб тілінең алынған, ол *gālib* омалығ полған полтыр, ідөк хайылдырган тимірни пірее ниме айландырчаң кипті таныхтачаң полтыр [Stachowski, 1992–1993, р. 234].

Халых

Хакас тілінің сөстіктерінде пу сөс ікі тузалығ сөс чіли пірілче: «ХАЛЫХ I 1. Чон. – Народ, масса//народный. *Хас париган чолыңарда халых чон ханы ахпазын, тис париган ізіңерде тилекей ханы урылбазын* (ДН К). *Халых чонга, хадарған малга, харсахтыг аңа, ханаттыг хусха азых-түлүк өскір пиріп, хара чир ах чорған чабынып, халын уйгаа*

түзібіскен (БТ О). 2. Чонның политика, культура, тоғыс паза ан.п. кирексіністерін толдырчатхан, оларнаң палғалыстығ. – Общественный. *Хакасияның халых палатазы (ХЧ). Кемнер ол халых тоғызын апарчатхан чон?»* [Анжиганова и др., 2023, с. 440–441]. *Халых* сөс араб тілінде чонны таныхтапча [Stachowski, 1997, р. 42].

Хат

Хакас тілінде *хат* сөс ікі оңнағны таныхтап сыххан: «ХАТ IV адал. Пічік пілгені, пічік. – кыз. Грамота, письмо. *Хатты пілгені чахсы. Пу хатты кирек чирге читіреңге кирек тін, ол агаа чаңынны пирібіскен* (КВ МТ)» [Анжиганова и др., 2023, с. 468]. Хакас тіліне ол ідөк араб тілінең килген одыр, анда ол сигні таныхтапчаттыр [Stachowski, 2006, р. 156]. Хакас тілінде пу төстік ползыинаң хоза *хачы* сөс пүт парған, төстігі – *хат*, хозымы – *-чы*, тіл тилип, *т* согласнай түс парған, андағ ондайнаң пүүн піс *хатчы* тир паза بازار орнына *хачы* тіпчебіс паза пасчабыс.

Ырыс

Ырыс сөс пүүн көңні толдыра полчатханын, часканы, истіг полчатханын паза талаанны таныхтапча: «ЫРЫС адал. Кізінің көңнінің толдыразы, часка, чахсы үлүс. – Счастье, чувство и состояние полного удовлетворения. *Мында ырыс тадиина сыдабин, ипчі усхун килген* (КГ АХТ). *Ана андада аның тоозылбас-парбас ырызы иб-чуртха чит сыхча* (БФ ТО). 2. Чидіг, талаан. – Успех, удача. *Ырыс полып, пу марыгда утып алған. Ырыс полбаан полза, сірернең хада мында піди турбасчыхсым»* [Анжиганова и др., 2023, с. 717]. М. Стаховски, тізең, *ырыс* сөс араб тіліндегі *arad* сөснең пір төстіктіг полчатханнаңар пасча, пу сөс сағыбаан ондайны таныхтапчаттыр [Stachowski, 1992–1993, р. 253].

Салтарлар

Пүүңгізіне хакас тілінде, тюрколог М. Стаховскинің тоғыстары ползыинаң, лингвистика саринаң киречілелген 17 перс паза 18 араб сөзі іле сығарылған. Пу сөстер, хачан-да хакас тілінің сөстіг чыындызынзар

кіріп, тілнің фонетика ондайларына килістіре алызып, грамматика саринаң тоғын сыхханнар. Араб-перс сөстері сөс пүдіриінде аралазып, иледе наа сөстер пол килгеннер. Кірген сөстернің тузалығ пүдістері алғыдылып, наа тузалар тиліп парғаннар. Сағынчабыс, хакас лексиказын аннаң андар өнетін істессе, пу сөстернің изерізі өс парарға айабас.

Литература

- Анжиганова О. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Субракова О. В., Субракова В. В., Сунчугашев Р. Д., Чебочакова И. М.** Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдығлығ сөстігі. Т. 1. А-П. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. 608 с.
- Анжиганова О. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Субракова О. В., Субракова В. В., Кичеева К. В., Сунчугашев Р. Д., Чебочакова И. М.** Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдығлығ сөстігі. Т. 2. С-Я. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. 736 с.
- ХРС – Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д.** Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Баскаков Н. А.** Введение в изучение тюркских языков. М.: Изд-во «Высшая школа», 1969. 383 с.
- Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.** Хакасский язык (Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй) // Хакасско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 488 с. С. 359–485.
- Бутанаев В. Я.** Некоторые особенности хакасской лексики // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Абакан: Хакасская обл. тип., 1973. С. 145–148.
- Карпов В. Г.** Классификация заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1955. С. 44–54.
- Кормушин И. В.** Древние тюркские языки: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 022800 – «Востоковедение, африканистика». Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.
- Кызласов А. С.** Заимствованные арабизмы и иранизмы в хакасском языке // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования Республики Хакасия (23–24 июня 2011 г.). Абакан: Тип. ООО «Технопарк», 2011. 384 с. С. 338–346.
- Кызласов И. Л.** Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // Труды Государственного Эрмитажа: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. 504 с. С. 266–294.
- Кызласов Л. Р.** Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. 1999. № 2. С. 181–206.
- Кызласов Л. Р.** Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 1998. № 3. С. 8–35.
- Лившиц В. А.** Согдийско-тюркские лингвистические контакты // Лавровский сборник: материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2012–2013 гг.: Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 62–68.
- Майногашева В. Е.** Древнеиранское лексическое наследие в языке эпоса хакасов // Ежегодник Ин-та саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2002. Вып. VI. С. 9–11.
- Майногашева В. Е.** Об общности некоторых основ мифологии и эпоса хакасов и осетин – потомков скифо-иранцев // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сб. материалов республиканской научной конференции. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1988. С. 42–50.
- Майногашева В. Е.** Скифское наследие в героическом эпосе хакасов // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7–9 октября 1988 г.). Фрунзе: Илим, 1988. С. 422–423.
- Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Новосибирск: Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин В. И.** Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. 251 с.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников; отв. ред.

- В.М. Солнцев; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 242 с.
- Стаховски М.** Заметка по поводу арабских и персидских заимствований в долганском языке и пути их проникновения на север // *Türk dilleri araştırmaları*. 1997. No 7. Pp. 41–54.
- Стаховски М.** Заимствованные слова в долганском языке // *Kyoto University linguistic research*. 2002. №21. Pp. 1–24.
- Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптыргастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост., ред.: У.Н. Кирбижекова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакаское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. 188 с.
- Чочиев Г.В.** Иранские заимствования в «Словаре тюркских наречий» Махмуда Аль-Кашгари // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. Вып. 12 (78) [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/12-78-2018-december/iranskies-zaimstvovaniya-v-slovar-tyurkskix-narechij-makhmuda-alkashgari>. doi.org/10.23670/IRJ.2018.78.12.080 (дата обращения: 21.10.2025).
- Широбокова Н.Н.** Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 151 с.
- Stachowski M.** Beiträge zur Kenntnis der arabischen und persischen Lehnwörter in der südsibirischen Türkssprachen // *Folia Orientalia*. Vol. 29. 1992–1993. Pp. 247–259.
- Stachowski M.** Arabische Etimologien in der Geschichte der jakutischen Wortforschung // *Instytut Filologii Orientalnej. Prace Jezykoznawcze*. 1995. z. 117. Pp. 125–138.
- Stachowski M.** Einige chakassische Etymologien // *Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge* 14. 1996. Pp. 218–230.
- Stachowski M.** Notizen zur Schorischen und Tschulymischen Etimologie // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 1998. No 3. Pp. 107–123.
- Stachowski M.** Arabische Lehnwörter in den Jenissej-Sprachen des 18. Jahrhunderts und die Frage der Sprachbünde in Sibirien // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2006. No 123. Pp. 155–158.
- Stachowski M.** Persian loanwords in 18th century Yeniseic and the problem of linguistic areas in Siberia // *In the Orient where the gracious light... Satura orientalis in honorem Andrzej Pisowicz*. Krakow: Księgarnia Akademicka, 2006. Pp. 179–184.

References

- Anzhiganova O. P., Beloglazov P. E., Kyzlasov A. S., Kaskarakova Z. E., Subrakova O. V., Subrakova V. V., Sunchugashev R. D., Chebochakova I. M.** *Tolkovyĭ slovar' khakasskogo yazyka = Khakas tiliniĭ charydyglyg söstigi* [Explanatory dictionary of the Khakass language = Khakas tilining charydyglyg sistigi]. Abakan, V.M. Torosov Khakass Publishing House, 2020, vol. 1, A-II, 608 p. (In Khakass and Russian)
- Anzhiganova O. P., Beloglazov P. E., Kyzlasov A. S., Kaskarakova Z. E., Subrakova O. V., Subrakova V. V., Kicheeva K. V., Sunchugashev R. D., Chebochakova I. M.** *Tolkovyĭ slovar' khakasskogo yazyka = Khakas tiliniĭ charydyglyg söstigi* [Explanatory dictionary of the Khakass language = Khakas tilining charydyglyg sistigi]. Abakan, V.M. Torosov Khakass Publishing House, 2023, vol. 2, C-Я, 736 p. (In Khakass and Russian)
- Baskakov N. A.** *Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the study of Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1969, 386 p. (In Russian)
- Baskakov N. A., Inkizhekova-Grekul A. I.** *Khakasskii yazyk (Foneticheskaya struktura, slovarnyi sostav i grammaticheskii stroi)* [Khakass language (phonetic structure, vocabulary, and grammatical structure)]. In: *Khakass-Russian Dictionary*. Moscow, State Publishing House of Foreign Languages and National Dictionaries, 1953, pp. 359–485. (In Khakass and Russian)
- Butanaev V. Ya.** *Nekotorye osobennosti khakasskoi leksiki* [Some features of the Khakass vocabulary]. In: *Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History*. Issue 18. Abakan, Khakass Regional Press, 1973, pp. 145–148. (In Russian)
- Chochiev G. V.** *Iranskies zaimstvovaniya v «Slovarie tyurkskikh narechiĭ» Makhmuda Al'-Kashgari* [Iranian borrowings in the Dictionary of Turkic Dialects by Mahmoud Al-Kashgari]. *International Scientific and Research Journal*. 2018, issue 12 (78). [Electronic resource]. URL: <https://research-journal.org/archive/12-78-2018-december/iranskies-zaimstvovaniya-v-slovar-tyurkskix-narechij-makhmuda-alkashgari>. doi.org/10.23670/IRJ.2018.78.12.080 (accessed on October 21, 2025) (In Russian)

- Karpov V.G.** Klassifikatsiya zaimstvovannykh slov [Classification of borrowed words]. In: Issues of the Khakass language and literature. Abakan, Khakass Publishing House, 1955, pp. 44–54. (In Russian)
- KHRS – Anzhiganova O.P., Baskakov N.A., Borgoyakov M.I., Inkizhekova-Grekul A.I., Patachakova, D.F., Subrakova O.V., Beloglazov P.E., Kaskarakova Z.E., Kyzlasov A.S., Sunchugashev R.D., Chertykova M.D.** Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass and Russian)
- Kormushin I.V.** Drevnie tyurkskie yazyki: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 022800 – “Vostokovedenie, afrikanistika” [Ancient Turkic languages: handbook for university students in the specialty 022800 – “Oriental Studies, African Studies”]. Abakan, N.F. Katanov Khakass State University Press, 2004, 336 p. (In Russian)
- Kyzlasov A.S.** Zaimstvovannye arabizmy i iranizmy v khakasskom yazyke [Borrowed Arabisms and Iranisms in the Khakass language]. In: The Republic of Khakassia as a subject of the Russian Federation. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th Anniversary of the Formation of the Republic of Khakassia (June 23–24, 2011). Abakan, Technopark, 2011, pp. 338–346. (In Russian)
- Kyzlasov I.L.** Yeniseiskaya runicheskaya nadpis' s iranskim zaimstvovaniem [The Yenisei runic inscription with an Iranian loan]. In: Proceedings of the State Hermitage Museum: Sogdians, their predecessors, contemporaries and heirs: based on the materials of the conference “Sogdians at home and abroad” dedicated to the memory of Boris Ilyich Marshak (1933–2006). Saint-Petersburg, Publishing House of the State Hermitage Museum, 2013, pp. 266–294. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** Manikheiskii khram v kotlovine Sorgia (Respublika Khakasiya) [The Manichaean temple in the Sorgha Basin (Republic of Khakassia)]. *Russian Archaeology*. 1999, no. 2, pp. 181–206. (In Russian)
- Kyzlasov L.R.** Severnoe manikheistvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii [Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples in Siberia and Central Asia]. *Bulletin of the Moscow University, Series 8: History*. 1998, no. 3, pp. 8–35. (In Russian)
- Livshits V.A.** Sogdiisko-tyurkskie lingvisticheskie kontakty [Sogdian-Turkic linguistic contacts]. In: Lavrovsky Collection: Materials of the 36th and 37th Central Asian-Caucasian Readings, 2012–2013: Ethnology, History, Archaeology, Cultural Studies]. Saint-Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Press, 2013, pp. 62–68. (In Russian)
- Mainogasheva V.E.** Drevneiranskoe leksicheskoe nasledie v yazyke ehposa khakasov [Ancient Iranian lexical heritage in the language of the Khakass epic]. *Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology of N.F. Katanov Khakass State University*. 2002, issue 6, pp. 9–11. (In Russian)
- Mainogasheva V.E.** Ob obshchnosti nekotorykh osnov mifologii i ehposa khakasov i osetin – potomkov skifo-irantsev [On the commonality of some foundations of the mythology and epic of the Khakas and Ossetians– descendants of the Scytho-Iranians]. In: Russia and Khakassia: 290 Years of Joint Development: Proceedings of the Republican Scientific Conference. Abakan, Khakass Publishing House, 1988, pp. 42–50. (In Russian)
- Mainogasheva V.E.** Skifskoe nasledie v geroicheskom ehpose khakasov [The Scythian heritage in the heroic epic of the Khakas]. In: Turkology-88: Abstracts of Reports and Communications of the 5th All-Union Turkological Conference (October 07–09, 1988). Frunze, Ilim, 1988, pp. 422–423. (In Russian)
- Rassadin V.I.** Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka [Phonetics and vocabulary of the Tofalar language]. Ulan-Ude, Buryat Publishing House, 1971, 251 p. (In Russian)
- Rassadin V.I.** Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh [Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 115 p. (In Russian)
- Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie** [Role of the human factor in a language. Language and thinking]. Serebrennikov B.A.; ed. V.M. Solntsev; the USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, Nauka, 1988, 242 p. (In Russian)
- Shirobokova N.N.** Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoi Sibiri [The relation of the Yakut language to the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 151 p. (In Russian)
- Stachowski M.** Arabische Etimologien in der Geschichte der jakutischen Wortforschung. *Institut*

- Filologii Orientalnej. Prace Jezykoznawcze*. 1995, no. 117, pp. 125–138. (In German)
- Stachowski M.** Arabische Lehnwörter in den Jenissej-Sprachen des 18. Jahrhunderts und die Frage der Sprachbunde in Sibirien. In: *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 2006, no. 123, pp. 155–158. (In German)
- Stachowski M.** Beiträge zur Kenntniss der arabischen und persischen Lehnwörter in der südsibirischen Türksprachen. *Folia Orientalia*. 1992–1993, vol. 29, pp. 247–259. (In German)
- Stachowski M.** Einige chakassische Etymologien. *Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge*. 1996, no. 14, pp. 218–230. (In German)
- Stachowski M.** Notizen zur Schorischen und Tschulymischen Etimologie. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 1998, no. 3, pp. 107–123. (In German)
- Stachowski M.** Persian loanwords in the Yenisei Region in the 18th century and the problem of linguistic areas in Siberia. In: *In the Orient where the gracious light... Satura orientalis in honorem Andrzej Pisowicz*. Krakow, Księgarnia Akademicka, 2006, pp. 179–184. (In English)
- Stachowski M.** Zaimstvovannye slova v dolganskom yazyke [Borrowed words in the Dolgan language]. *Kyoto University linguistic research*. 2002, no. 21, pp. 1–24. (In Russian)
- Stachowski M.** Zametka po povodu arabskikh i persidskikh zaimstvovaniy v dolganskom yazyke i puti ikh proniknoveniya na sever [Note on Arabic and Persian loanwords in the Dolgan language and their ways of spread to the north]. *Türk dilleri araştırmaları*. 1997, no. 7, pp. 41–54. (In Russian)
- Xiyga sös: sispekter, söspekter paza taptırgastar [A wise word: Khakass proverbs, sayings and riddles]. State Research Institute of Khakassia Institute of Language, Literature and History, U.N. Kirbizhekova, Yu.I. Chaptikova, N.S. Chistobaeva (Eds., comps.), 4th ed., rev. Abakan, Khak. kn. izd. im. V.M. Torosova, 2021, 188 p. (In Khakass; In Russ.).

СКАЗИТЕЛИ И ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ ГОРНОЙ ШОРИИ (ПО ЗАПИСЯМ А.И. ЧУДОЯКОВА)

Л. Н. Арбачакова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: anzass@mail.ru; ORCID 0000–0001–9570–6505

В статье анализируются шорские героические сказания *алыптыг ныбак*, выявленные в 1996 г. в результате работы с личным архивом А.И. Чудоякова. Прослушивание аудиозаписей 1996 г. дало возможность пополнить фонд шорского фольклора новыми эпическими сказаниями и, соответственно, новыми именами сказителей-импровизаторов. К сожалению, в тот период не было возможности оцифровать фонозаписи А.И. Чудоякова. Помимо фономатериалов, в архиве ученого были обнаружены рукописные записи текстов героических сказаний, а также блокноты с данными о сказителях. По нашим предварительным подсчетам, А.И. Чудояков записал около сорока эпических памятников от двадцати двух представителей мрасской, кондомской и южной сказительских школ. Благодаря коллекции А.И. Чудоякова были выявлены неизвестные или забытые имена, а также репертуар сказителей, исполнявших эпические произведения *кай ныбак* с 1950 по 1980-е гг. в северной (Н.Д. Тортоваев, Е.П. Куюков, С.Д. Паучинов, В. Карачаков, П.А. Мижиков, В.И. Токмашев и др.) и в южной Шории (Т.Н. Кушаков, Ф.Г. Куртигешев и др.). Для изучения материалов, записанных от сказителей разных школ, а также для сопоставительного анализа необходимо оцифровать и расшифровать оставшиеся магнитные записи.

Ключевые слова: героические сказания, сказители, собиратель, хранение, архив, сказительская школа, фонозапись, вариант, рукописи.

NARRATORS AND HEROIC EPIC OF GORNAYA SHORIA (ACCORDING TO A.I. CHUDOYAKOV'S NOTES)

Lyubov N. Arbachakova

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: anzass@mail.ru; ORCID 0000–0001–9570–6505

The article analyzes the Shor heroic epic of *Alyptyg Nybak*, which were revealed in 1996 as a result of working with A.I. Chudoyakov's personal archive. Listening to audio recordings from 1996 provided an opportunity to replenish the Shor folklore fund with new epic tales and, consequently, new names of improvisational narrators. Unfortunately, at that time, it was not possible to digitize A.I. Chudoyakov's phono-recordings. In addition to phonological materials, handwritten notes of texts of heroic tales, as well as notebooks with data on narrators, were found in the scientist's archive. According to our preliminary calculations, A.I. Chudoyakov recorded about forty epic monuments from twenty-two representatives of the Mrassu, Kondoma, and southern schools of narration. Thanks to A.I. Chudoyakov's collection, unknown or forgotten names were identified, as well as the repertoire of narrators who performed *Kai Nybak* epic works from 1950 to 1980 in the north (N. D. Tortovaev, E. P. Kuyukov, S. D. Pauchinov, V. Karachakov, P. A. Mizhakov, V. I. Tokmashev, et al.) and in southern Shoria (T. N. Kushakov, F. G. Kurtigeshev, et al.). To study the materials, recorded from narrators of different schools, as well as for comparative analysis, it is necessary to digitize and decipher the remaining magnetic recordings.

Keywords: heroic epic, narrators, collector, storage, archive, school of narration, phono-recording, variant, manuscripts.

Введение

Андрей Ильич Чудояков (1927–1994) – выдающийся шорский ученый, просветитель, фольклорист, педагог, профессор Новокузнецкого педагогического института, один из инициаторов создания кафедры шорского языка и литературы.

А. И. Чудояков родился 9 августа 1928 г. в шорском пос. Корай Кемеровской обл. в семье охотника-промысловика. Свою трудовую деятельность он начал очень рано – уже в 14 лет наравне со взрослыми стал добывать уголь. Он, помимо преподавательской деятельности в Новокузнецком государственном педагогическом институте (ныне – Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета), активно занимался сбором и изучением фольклора шорцев. В течение многих лет во время летних отпусков, совершая фольклорные экспедиции по Горной Шории, ученый собрал огромный материал по языку, фольклору, этнографии. Значительная часть фольклорных записей была сделана им на катушечный и кассетный магнитофоны. К сожалению, сегодня эти магнитные ленты находятся в плачевном состоянии, записи нуждаются в срочной оцифровке. Некоторые произведения эпоса, записанные и подготовленные им к печати, были опубликованы на шорском и русском языках уже после смерти ученого. Однако большая часть коллекции, хранящаяся в семье ученого, ожидает своей публикации [Арбачакова, 2008, с. 109].

В свое время о проблемах, связанных с хранением магнитофонных записей шорского фольклора, писали Т. Б. Афузова [1998; 2008] и Л. Н. Арбачакова [2001; 2001]. В частности, Т. Б. Афузова, ознакомившись с личным архивом ученого А. И. Чудоякова, условно разделила его на три части: «биографическую»; «научно-исследовательскую», «фольклорные первоисточники» [Афузова, 2008, с. 200].

А. И. Чудояков называл имена таких крупных и знаменитых мастеров, как П. П. Токмагашев (1906–1979), П. Н. Амзоров (1898–1971), П. И. Кыдыяков (1908–1970), Н. Д. Тортабаев (1909–1984), Д. К. Турушпанов

(1917–1983), Е. П. Куюков (1901–1979), Д. С. Паучинов (1913–1986), А. В. Рыжкин (1924 г.р.), М. К. Каучаков (1934 г.р.), А. П. Напазаков (1935 г.р.), В. М. Карачаков (1926 г.р.), от которых записал 27 произведений шорского эпоса, а некоторые из них на магнитную ленту [Чудояков, 1998, с. 13].

Однако до сих пор науке неизвестны имена других сказителей, а также героические сказания в их исполнении, записанные А. И. Чудояковым в период с 1950-х по 1991 г. Т. Б. Афузова в статье «Собирательская и исследовательская деятельность А. И. Чудоякова» отметила, что из огромного, богатейшего материала, собранного им «он издал лишь две поэмы, а в архиве 27 папок, где записаны 27 поэм. Поэмы представлены в рукописях и машинописном виде, на шорском языке, а в большинстве – и в русском переводе. Дополняют этот материал десятки бесценных кассет с записями поэм в исполнении кайчи» [Афузова, 1998, с. 12].

Основная часть

В данной статье подвергнуты анализу ранее неизвестные шорские героические сказания *‘алыптыг ныбак’* и, соответственно, новые имена сказителей, выявленные в 1996 г. в результате работы с личным архивом А. И. Чудоякова. К сожалению, в то время не представлялось возможным оцифровать фонозаписи А. И. Чудоякова, поэтому, чтобы избежать повреждения пленок, прослушивали только начало и концовку исполняемого произведения с целью уточнения имен сказителей. Помимо фономатериалов, в архиве ученого были обнаружены рукописные тексты героических сказаний, а также блокноты с данными о сказителях.

Имеющиеся некоторые данные о жизни лишь некоторых хранителей, импровизаторов шорского фольклора, живших в начале XX в., а также в XIX в., говорят о том, что сказители играли важную роль в жизни своего народа. Они были хранителями традиционных основ сказительского искусства, духовной жизни общества, поэтому имели особый статус в среде своего народа. А. И. Чудояков выделил

три сказительские школы: «Одна в южной Шории, две в северной – кондомская и мрасская» [Чудояков, 1998, с. 15].

Кайчи мрасской сказительской школы

Манера исполнения мрасских кайчи отличалась «громким пением, с сильным сжатием гортани, иногда очень громко и быстро, некоторые из них едва успевали выговаривать слова» [Шорские героические сказания, 1998, с. 16]. К мрасской сказительской школе принадлежали Н. Ф. Тортобаев, И. М. Рыжкин, Д. К. Турушпанов, Е. П. Куюков, М. К. Каучаков, В. М. Карачаков, П. И. Кыдыяков, А. П. Напазаков, В. Е. Таннагашев, С. Д. Паучинов и др.

В личном архиве известного шорского фольклориста А. И. Чудоякова на некоторых аудиокассетах было записано несколько текстов, исполненных сказителями в разное время, где указаны имя, отчество, фамилия сказителя, а также год и место записи, например: «Мижиков Прокопий Алексеевич, 1890 г. р., Тос, «Ак Кан» 30.01.1973, начало» [Арбачакова, 2001, с. 136].

В тетради, имеющейся в личном архиве исследователя, изложена краткая биография шорского сказителя – Степана Дмитриевича Паучинова. Он родился в 1913 г., его учителем был сказитель Морошка (Н. А. Напазаков). Наиболее известное в народе героическое сказание «Алтын Тайчы» в исполнении С. Д. Паучинова впервые исследователь начал записывать в 1964 г. в с. Каз., а завершил запись лишь в 1977 г. Кроме того, А. И. Чудоякову удалось записать от С. Д. Паучинова еще два сказания: «Алып Сарадын» (1978) и «Чес Кускун его сын Алып Сарадын» (1980).

В феврале 1966 г. А. И. Чудояков записал «Палазы чок Ак Кан» – «Бездетный Ак Кан» от известного сказителя П. И. Кыдыякова (1908–1970) в с. Красный Яр (ныне г. Мыски). Сначала кайчи исполнил эпос при большом количестве слушателей, а на следующий день он был продиктован сказителем собирателю и записан на бумагу. В рукописи собирателем отмечено, что сказание сказитель слышал от выдающегося кайчи Киштибея в 1920–1930-е гг. в с. Красный Яр. Сюжетные линии сказитель запомнил хорошо, а потом много раз ее пересказывал [Арбачакова, 2001,

с. 140]. Спустя время в 2008 г. подготовленное и отредактированное Г. В. Косточаковым данное героическое сказание издано в книге «Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. И. Чудоякова» [Духовная Шория... 2008].

В 1967 г. в г. Мыски Кемеровской области А. И. Чудояков записал от сказителя П. Н. Амзорова героическое сказание «Ай Мичик». В рукописи сказания записано место и год рождения П. Н. Амзорова: «Родился в 1898 году в селе Аалтынга аал». Также ученый отметил, что это сказание П. Н. Амзоров слышал от известного в то время сказителя Ак-Мета (А. И. Абакаева).

В январе 1968 г. в пос. Усть-Мраса (пригород г. Мыски) от 61-летнего Николая Михайловича Акулякова было записано А. И. Чудояковым героическое сказание «Эрке Тайчы». В записях указано, что в свое время кайчи Н. М. Акуляков слышал это сказание от другого сказителя Василия Искина.

В личном архиве А. И. Чудоякова хранятся рукописи сказаний «Кан Перген» и «Алтын Сырык», записанные исследователем в 1969 г. от выдающегося сказителя П. И. Кыдыякова, представителя мрасского диалекта шорского языка. Позже расшифрованные и правленные тексты этих двух сказаний были включены и опубликованы в томе «Шорские героические сказания» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Шорские героические сказания, 1998]. Надо сказать, что запись сказания «Кан Перген» была произведена во время живого исполнения горловым пением-каем с музыкальным сопровождением, полностью нотировано Р. Б. Назаренко. Второе сказание было исполнено без пения и без игры на кай-комусе – только сказыванием. Окончательной редактурой рукописи тома, а именно сверкой шорского и русского текстов, вычиткой шорского текста, уточнением перевода и комментариев, занималась Л. Н. Арбачакова.

В том же году (1969) А. И. Чудояков записал на магнитную ленту героическое сказание «Алыг Ай Кек» – «Глупый Ай Кек» от мрасского сказителя Н. Д. Тортобаева, 1906 г. р.

31 января 1973 г. в пос. Чувашка А. И. Чудояков успел записать сказание «*Мерет Олак*» от кайчи П. П. Токмагашева. Об этом есть запись собирателя, сделанная им на обложке общей тетради в 48 листов.

Также при дальнейшем изучении архива были обнаружены отдельные тетради, листы, согнутый пополам альбомный лист. В альбомный лист, сложенный вдвое, вставлены тетрадные листы, исписанные перьевой ручкой. На первой странице – имя сказителя, время и кем была произведена запись: «14.07.1983 г., Анатолий Прокопьевич Напазаков, 1935 г.р., п. Чувашка». Здесь же сделана важная заметка о том, что сказитель А. П. Напазаков перенял искусство сказа от своего дяди Напазакова Федора Дмитриевича (младшего брата отца) и Павла Петровича Токмагашева (Пабеля). А. И. Чудояков записал от выдающего сказителя А. П. Напазакова (1937–2004 (?)) два сказания «*Кува Салгын*» и «*Ак Кан*». Позднее, в апреле 1996 г., в ходе фольклорной экспедиции Л. Н. Арбачаковой удалось записать от кайчи А. П. Напазакова вариант сказания «*Куба Салгын*», что даст возможность в будущем провести текстологическую работу [Арбачакова, 2001, с. 148].

В 1986 г. А. И. Чудоякову представилась возможность записать Марию Ермолаевну Токмагашеву из с. Казас. К сожалению, в записях отсутствует название эпоса, а сам текст зафиксирован на трех аудиокассетах. Надо сказать, что в 1980-х гг. Д. А. Функ записал от сказительницы Марии Ермолаевны Токмагашевой восемь (?) героических сказаний: «*Алып Кырдас*», «*Алып Чеккатый*», «*Кара Сырык*», «*Кан Эргек*», «*Алтын Эргек*», «*Алтын-Оогус*», «*Ай поразы Кан*», «*Алтын Костаба Кумуш Коста*» (рукопись Д. А. Функа «Неопубликованные записи шорских эпических сказаний» хранится в личном архиве Л. Н. Арбачаковой). В том же году, оказывается, личный архив ученого пополнился сразу несколькими «новыми» исполнителями, среди которых Василий Карачаков, от которого удалось записать на две кассеты сказания «*Алып Ай Кек*» и «*Алтын Толай*». К слову, в блокноте А. И. Чудояковым о сказании «*Алтын Толай*» сделано следующее уточ-

нение: «Зап. в феврале 1977 г., в селе Верхний Тоз, В. М. Карачаков исполняет эпос с 10 лет».

В 1991 г. А. И. Чудоякову удалось записать сказителя В. Е. Таннагашева. Он родился 10 декабря 1932 г. в улусе Курья в низовьях р. Мрассу. С раннего детства слушал и запомнил сказания шорских сказителей, которые жили в соседних поселках. Своим учителем считал П. Н. Амзорова. Освоив богатейший поэтический язык шорских сказаний, он рассказывал отрывки из них своим друзьям и родным. Вариант этого сказания «*Алып Карачын қыс*» был записан нами в декабре 1996 г. По воспоминаниям В. Е. Таннагашева, это сказание он перенял от шорского сказителя Патачакова по прозвищу Олим-апший.

Также в 1991 г. сделана запись еще одного эпоса «*Кыр Канав (б)а Алтын Кая*» в исполнении М. К. Каучакова.

Кайчи кондомской сказительской школы

Манера исполнения сказителей кондомской сказительской школы отличалась исполнением тихим голосом. К тому же у каждого сказителя была и своя индивидуальная манера исполнения. К кондомской сказительской школе А. И. Чудояков причислил сказителей из с. Кинерки, Тайлеп (Осинники), расположенных в низовьях р. Кондома: В. И. Токмашова и С. С. Торбокова (поэта и кайчи) и др. Однако широко известны имена более ранних сказителей, которые проживали в низовьях р. Кондомы: братья К. М. и А. М. Атконовы, С. В. Шалбыгашев, С. Т. Тайбычаков и др. Учеником Н. К. Тельбезекова был С. С. Торбоков, учеником С. С. Торбокова является Т. С. Камзачаков [Шорские героические сказания, 1998, с. 16]. К сожалению, в архиве ученого фонозаписей в исполнении этих кайчи обнаружено не было. На одной из аудиокассет была сделана запись: «Токмашев Виктор Иванович», а в круглых скобках, возможно, местожительство сказителя и место записи – Кондома. На магнитофонных катушках с названиями сказаний «*Кара Кан*» и «*40 нывак*» – «Сорок сказаний» рукой ученого сделана запись: «Токмашев П. (?) Ив., запись была сделана в 1969 г. ».

Кайчи верхнетомской сказительской школы

Сказители данной сказительской школы пели с ярко выраженным элементом секания/зекания вместо нижнемерасского (литературного) шекания/жекания, с меньшим сжатием гортани.

К верхнетомской сказительской школе принадлежали Д. Н. Толтаев, Ф. Я. Турушпанов, Д. К. Турушпанов, Е. П. Куюков. Одним из самых талантливых кайчи в 1930–1940-х гг. был И. М. Рыжкин, а его ученик – А. В. Рыжкин (1924–2003).

Изучение рукописей, принадлежащих А. И. Чудоякову, позволило нам выявить несколько сказаний, записанных от кайчи Д. Н. Толтаева в пос. Корай Кемеровской области в разные годы: «*Час қара аттыг Час Қая*» – «Чаш Кая, имеющий молодого черного коня» (1958); «*Кекке Салгын*» – «Кеке Салгын» (1959); «*Керсе ай-кара аттыг Алтын Салгын, Алтын Арыг печелиг*» – «Алтын Салгын, имеющий умного лунно-черного коня и старшую сестру Алтын Арыг» (1962); «*Ай қара аттыг Қара Қаан алган кижизибе*» – «Кара Каан со своей женой, имеющие лунно-черного коня» (?); «*Алтын Кёёк печелиг Катқан Чула*» – «Каткан Чула, имеющий старшую сестру Алтын Кеек» (1967).

11 февраля 1957 г. собирателем А. И. Чудояковым записаны героические сказания «*Алтын Кускун*», «*Оо сар аттыг Оо Салгынак*» – «Оо Салгынак, имеющий коня ядовито-желтой масти» от известного сказителя Е. П. Куюкова. Через два года (1959) собирателю удалось записать от кайчи еще одно сказание «*Ай Маныс*» (тетрадь, 26 с.).

В 1965 г. собирателю удалось записать героическое сказание «*Пузур Кая*» от 91-летнего Федора Яковлевича Турушпанова (учитель – Семен Михайлович Толтаев). Рукопись сказания записана на 12 листах тетради. Нужно отметить, что в 1989 г. этот текст был переведен А. И. Чудояковым с шорского на русский язык. Также собирателем сделана пометка о том, что при записи варианта данного сказания (сказитель С. М. Толтаев) оно не исполнено до конца.

В 1968 г. записано сказание «*Мерет сар аттыг Мерет Оолак*» – «Мерет Олак, имеющий волшебного рыжего коня», но, к сожа-

лению, в записях отсутствуют время и место записи. Аудиокассеты с записью этого сказания вместе с другими исполнениями («*Алып Тават*» и др.) в 2015 г. переданы в сектор фольклора народов Сибири (Новосибирск). Также сказание «*Мерет сар аттыг Мерет Оолак*» подготовлено Л. Н. Арбачаковой к публикации.

Как было сказано выше, учеником известного шорского сказителя И. М. Рыжкина был А. В. Рыжкин (1924–2003). Афанасий Васильевич Рыжкин родился в с. Шана Кол (рус. 'Лыжный Лог'), ныне пос. Улус Междуреченского района. Сказывать начал после смерти своей матери, примерно с 55 лет. От А. В. Рыжкина с 1995 по 1998 г. мы записали 5 героических сказаний, которые он исполнил традиционным каем (горловым пением) в сопровождении двухструнного музыкального инструмента – кай-комуса.

Кайчи южно-шорской сказительской школы

«Традиция кая южной Шории осталась неизученной, так как живая практика горлового пения оборвалась в годы Великой Отечественной войны...» [Шорские героические сказания, 1998, с. 15]. Известными сказителями являются С. Я. Байлагашев, П. Эптегешев, С. С. Ачолов, К. Н. Тенешев, К. П. Серегешев, Т. Н. Кушаков.

Биографические сведения о сказителях Т. Н. Кушакове и Ф. Г. Куртигешеве (1922 г. р.) были обнаружены в одной из тетрадей (12 л.?). Тимофей Николаевич Кушаков (из рода Кызай) родился в Таштыпском районе, на момент записи ему был 81 год, жил в с. Карчит. По словам Т. Н. Кушакова, сказание «*Алтын Кеек*» он слышал от сказителя Пайремеша Тортагашева. Федор Григорьевич Куртигешев на момент записи сказания «*Алтын Кан*» проживал в с. Айак-Суу (в 1 км от с. Камзас).

Благодаря архивным материалам стало известно, что в 1964 г. собиратель записал в селе Тас Таштагольского района от кайчи Семена Осиповича Тенешева (1874 г. р.) сказание, но в записях отсутствует название.

Кроме того, в с. Полбынь на юге Шории А. И. Чудояковым было записано от сказителя Дмитрия Алексеевича Чульжанова (1880 г. р.)

сказание «*Кыр Олен Ак Олен*» – «Серая Трава, Белая Трава», но не указан год записи. От кабырзинских старожилов нам известно, что сказитель Д. А. Чульжанов переехал в Кабырзу из северной части Шории (возможно из Мысков), поэтому в его репертуаре представлено сказание, исполняемое сказителями из мрасской школы. Благодаря комплексной экспедиции 2001 г., проводимой совместно с алтайскими учеными под руководством Т. М. Садаловой, произвели аудио- и видеозаписи варианта (?) сказания «*Ақ Өлеңме Көк Өлең*» в исполнении уже современного кайчи В. Е. Таннагашева.

Выводы

В настоящее время вопросами, связанными с сохранением бесценных материалов из личного архива А. И. Чудоякова, занимаются родственники ученого, а также общественность Шории. В 2007 г. благодаря дочери А. И. Чудоякова, А. А. Сербегешевой, а также Г. В. Косточакову, Н. М. Печениной был опубликован компакт-диск с записями героических сказаний в исполнении А. В. Рыжкина «*Алтын Кылыш*» и Д. К. Турушпанова «*Алтын Толай*».

Наше предварительное ознакомление с архивом ученого позволило выявить, что все рукописи расшифрованных героических сказаний были выполнены почерком А. И. Чудоякова, есть тексты, записанные им со слов сказителей.

Кроме того, в архиве ученого имеются копии и оригиналы сказаний, записанные другими собирателями, например Н. П. Дыренковой (копии), также имеются самозаписи героических сказаний, выполненные С. С. Торбоковым.

А. И. Чудояков внес личный вклад в дело собирания, сохранения, изучения и публикации фольклорного наследия шорского народа.

Таким образом, по нашим предварительным подсчетам, А. И. Чудояков записал от двадцати двух представителей мрасской, кондомской и южной сказительских школ около сорока эпических памятников:

– П. Н. Амзоров «*Ай Мичик*»; П. А. Мижиков «*Ак Кан*»; В. Е. Таннагашев «*Кан Мерген*»;

Ф. Я. Турушпанов «*Пузур Кая*»; П. П. Токмагашев «*Мерет Олак*»; М. К. Каучаков «*Кыр Канав (ба) Алтын Кая*»; В. М. Карачаков «*Алтын Толай*»; Ф. Г. Куртигешев «*Алтын Кан*»; Д. А. Чульжанов «*Кыр Олен Ак Олен*»; Н. Д. Тортобаев «*Алыг Ай Кек*»; Т. Н. Кушаков «*Алтын Коок*»;

– Д. К. Турушпанов «*Мерет Оглак*», «*Алтын Толай*»; Н. М. Акуляков «*Эрке Тайчы*», «*Кырык эмчектиг Кудай Арыг*»; В. И. Токмашев «*Кара Кан*», «*Кырык ныбак*»; А. В. Рыжкин «*Алтын Кылыш*», «*Кара Кан*»;

– П. И. Кыдыяков «*Кан Перген*», «*Алтын Сырык*», «*Палазы чок Ак Кан*»; Е. Куюков «*Алтын Кускун*», «*Ай Маныс*», «*Оо сар аттыг Оо Салгынак*»; А. П. Напазаков «*Кува Салгын*», «*Ак Кан*», «*Ак Салгын и Каан Перген*»; С. Д. Паучинов «*Алып Сарадын*», «*Чес Кускун, его сын Алып Сарадын*», «*Алтын Тайчы*».

Семь сказаний записано А. И. Чудояковым от Д. Н. Толтаева: «*Час қара аттыг Час Қая*», «*Кекке Салгын*», «*Керсе ай-кара аттыг Алтын Салгын, Алтын Арыг печелиг*», «*Ай қара аттыг Қара Қаан алған кижизибеге*», «*Алтын Көök печелиг Қатқан Чула*».

В личном архиве нами были обнаружены три аудиокассеты, на которых было указано лишь имя сказительницы М. Е. Токмагашевой, к сожалению, название сказания, время записи отсутствуют.

Для изучения материалов, записанных от сказителей разных школ, а также для их сопоставительного анализа необходимо оцифровать и расшифровать оставшиеся магнитные записи.

Литература

Арбачакова Л. Н. К вопросу о сохранении фольклорных записей // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А. И. Чудоякова / под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашова. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. С. 193–195.

Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса (на примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова). Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.

Афузова Т.Б. Описание архива профессора А.И. Чудоякова // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.И. Чудоякова / под ред. И.В. Шенцовой, Д.М. Токмашова. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. С. 199–206.

Афузова Т.Б. СобираТЕЛЬСкая и исследовательская деятельность А.И. Чудоякова // Духовная деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Доклады научно-практической конференции, посвященной 70-летию А.И. Чудоякова. Новокузнецк: Новокузнецкий педагогический институт, 1998. С. 5–14.

Чудояков А.И. «Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова» // Шорские героические сказания. Кан Перген. Алтын Сырык / запись, пер., вступ. ст. и примеч. А.И. Чудояков; музыковед. ст. Р.Б. Назаренко. 1998. С. 11–33 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1995. 221 с.

Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова / отв. ред. А.В. Правда. Кемерово: Кузбасс, 2008. 351 с.

Шорские героические сказания. Кан Перген. Алтын Сырык / запись, пер., вступ. ст. и примеч. А.И. Чудояков; музыковед. ст. Р.Б. Назаренко. 1998. 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

References

Afuzova T.B. Opisanie arkhiva professora A.I. Chudoyakova [Description of Professor A.I. Chudoyakov's archive]. In: Historical and Cultural Interaction of the Peoples in Siberia: Proceedings of the Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of Professor A.I. Chudoyakov. Edited by I.V. Shentsova, D.M. Tokmashov. Novokuznetsk, Kuzbass State Pedagogical Academy Press, 2008, pp. 199–206. (In Russian)

Afuzova T.B. Sobiratel'skaya i issledovatel'skaya deyatelnost A.I. Chudoyakova [Collecting and research activities of A.I. Chudoyakov]. In: Spiritual activities of Andrei Ilyich Chudoyakov and spiritual revival of the Shor people. Works of the Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th Anniversary of A.I. Chudoyakov. Novokuznetsk, Novokuznetsk Pedagogical Institute, 1998, pp. 5–14. (In Russian)

Arbachakova L.N. K voprosu o sokhranении folklornykh zapisei [On the issue of preserving folklore records]. In: Historical and Cultural Interaction of the Peoples in Siberia: Proceedings of the Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of Professor A.I. Chudoyakov. Edited by I.V. Shentsova, D.M. Tokmashov. Novokuznetsk, Kuzbass State Pedagogical Academy Press, 2008, pp. 193–195. (In Russian)

Arbachakova L.N. Textologia shorskogo geroicheskogo epesa (na primere materialov N.P. Dyrenkovi i A.I. Chudoyakova) [Textology of the Shor heroic epic (based on materials by N.P. Dyrenkova and A.I. Chudoyakov)]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 160 p. (In Russian)

Chudoyakov A.I. Etyudy shorskogo epesa [Sketches of Shor epic]. Kemerovo, Kemerovo Book Publishing House, 1995, 221 p. (In Russian)

Chudoyakov A.I. Traditsii shorskogo epesa i skazaniya Pavla Kadyyakova [Traditions of Shor epic and Pavel Kadyakov's tales]. Shor heroic tales. Kan Pergen. Altyn Syryk. Recording, translation, introductory article and notes by A.I. Chudoyakov; musicological article by R.B. Nazarenko. *Monuments of folklore of the peoples in Siberia and the Far East*. 1998, vol. 17, pp. 11–33. (In Russian)

Dukhovnaya Shoria [Spiritual Shoria]. Shor folklore in the records and from Professor A. I. Chudoyakov's archive. Edited by A.V. Pravda. Kemerovo, Kuzbass, 2008, 351 p. (In Russian)

Shorskie geroicheskie skazaniya. Kan Pergen. Altyn Syryk [Shor heroic tales. Kan Pergen. Altyn Syryk]. Recording, translation, introductory article and notes by A.I. Chudoyakov; musicological article by R.B. Nazarenko. *Monuments of folklore of the peoples in Siberia and the Far East*. 1998, vol. 17, 462 p. (In Russian)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ И. Ф. МАМЫШЕВА (на примере сборника «Чирім кині» – «Ось Ойкумены»)

А. А. Канзычакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: kanzychakova2012@mail.ru

В данной статье впервые исследуются художественные особенности лирики современного хакасского поэта И. Ф. Мамышева. Живописная природа Хакасии, духовно-культурные ценности, история хакасского народа, тема взаимоотношений человека и природы, смысл бытия, любовь находят непосредственное отражение в творчестве хакасского поэта. Поэтический сборник «Чирім кині» – «Ось Ойкумены» состоит из стихотворений билингва, написанных на хакасском и русском языках одновременно; авторских переводов стихотворений, изданных ранее на русском языке; сюда же вошли *сарынна* – песни и переводы стихотворений русских поэтов. Для анализа были взяты лишь хакасские тексты и авторские переводы на русский язык из первой части сборника (раздел билингва). Был проведен дословный перевод некоторых стихотворений, чтобы показать особенности языка. Исследование этико-эстетической системы отражения действительности в творчестве хакасского поэта XXI в. И. Ф. Мамышева не изучено в хакасском литературоведении, что определяет актуальность выбранной темы. Особое внимание уделено основным темам и мотивам его лирики, художественно-стилевым особенностям творчества. В основу анализа положен комплексный подход, включающий аналитический, герменевтический методы исследования, биографический метод, позволяющий интерпретировать произведения хакасского поэта в свете его личного жизненного опыта. В результате исследования мы пришли к следующим выводам. И. Ф. Мамышев поднимает актуальные темы, составляющие основу его поэзии, – малой Родины, языка, народа, смысла жизни – автор раскрывает с помощью психологических и философских параллелей. Поэзия И. Мамышева точно передает внутренний мир, состояние души поэта. Мастерство владения литературным словом, удачное использование художественных образов и средств свидетельствуют о богатстве и своеобразии поэтического языка автора. При создании билингвальных стихов поэт создает их одновременно и намеренно сохраняет идентичность в ритмике, стихотворном размере, способе рифмовки, образах и смысловом содержании.

Ключевые слова: лирика, лирический герой, творчество, тема, образы, художественно-изобразительные средства, особенности.

ARTISTIC FEATURES OF I.F. MAMYSHEV'S LYRICS (on the example of the collection "Chirim kini" – "The axis of the ecumene")

Anna A. Kanzychakova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: kanzychakova2012@mail.ru

This article explores the artistic features of the modern Khakass poet I.F. Mamyshev's lyrics for the first time. The picturesque nature of Khakassia, spiritual and cultural values, the history of the Khakass people, the theme of relationship between man and nature, the meaning of life, and love are directly reflected in the Khakass poet's works. The poetry collection "Chirim kini" – "The axis of the ecumene" consists of bilingual poems written in Khakass and Russian at the same time; author's translations of poems published earlier in Russian; it also includes *sarynnar* – songs and translations of poems by Russian poets. For the analysis, only Khakass texts and author's translations into Russian from the first part of the collection (bilingual section) were taken. A literal translation of some of the poems was carried out to show the features of the language. The study of the ethical and aesthetic system of reflecting reality in the works of the Khakass poet of the 21st century I.F. Mamyshev has not been studied in Khakass literary criticism, which determines the relevance of the chosen topic. Special attention is paid to the main themes and motifs of his lyrics, artistic and stylistic features of his works. The analysis is based on an integrated approach, including analytical,

hermeneutic research methods, and a biographical method that allows interpreting the Khakass poet's works in the light of his personal life experience. As a result of the research, we came to the following conclusions. I. F. Mamyshev raises relevant topics that form the basis of his poetry – a small motherland, language, people, the meaning of life – the author reveals them with the help of psychological and philosophical parallels. I. Mamyshev's poetry accurately conveys the inner world, the state of the poet's soul. The mastery of the literary word, the successful use of artistic images and means testify to the richness and originality of the author's poetic language. When creating bilingual poems, the poet creates them simultaneously and intentionally preserves their identity in rhythm, verse size, rhyme method, images and semantic content.

Keywords: lyrics, lyrical hero, creative work, topic, images, artistic and visual means, features.

Введение

В статье рассматриваются художественные особенности лирики современного хакасского поэта Игоря Филипповича Мамышева. Вся лирика Игоря Филипповича пронизана глубокими личными переживаниями. Воспевание родной земли, природы, обращение к духовно-культурным ценностям хакасского народа находят непосредственное отражение в творчестве Игоря Мамышева.

Темы и образы хакасской поэзии в контексте национальной духовности раскрыла в своей монографии известный литературовед Хакасии А. Л. Кошелева, посвятившая свою жизнь изучению хакасской литературы [Кошелева, 2008 с. 118]. В своем исследовании Альбина Леонтьевна отмечает, что тема причастности к своему народу, единения с ним раскрываются уже в первых произведениях хакасских писателей. Тема народа, тема Родины (родной земли и дома), тема поэта и поэзии; квинтэссенция хакасского мировоззрения – все это воплощено в лирических произведениях поэтов. Об этом пишут А. Топанов, В. Кобяков, И. Коков, Н. Доможаков, И. Котюшев, М. Кильчичаков, М. Баинов, В. Майнашев, В. Татарова, С. Майнагашев (Сибдей Том) и др. Поэты, используя силу поэтического слова, стремились *возродить традиционную и обрядовую культуру* [Кошелева, 2008 с. 134]. Хакасские поэты, чувствуя ответственность за то, что происходит, обращаются к своему народу, чтобы они начали уже действовать и всеми силами сохранили то, что досталось от предков. Игорь Мамышев подхватил основную идею, преобразил и привнес авторскую индивидуальность и особенности поэзии.

В литературной среде имя Игоря Мамышева возникло недавно и сразу получило большой отклик и поддержку со стороны общественности. Новый поэт, не имеющий специального литературного образования, благодаря своему таланту и умению быстро осваивать новое для себя творчество за короткий срок издал четыре сборника стихотворений на русском и хакасском языках, освоил технику перевода и заслуженно получает признание и награды. На сегодняшний день нет исследований творчества Игоря Мамышева, что, безусловно, и определяет новизну работы. Изучение художественных особенностей лирики современного писателя для нашего времени актуально. Автор восполняет существующий дефицит художественных, особенно поэтических произведений на родном языке. Одна из задач нашего исследования заключается в том, чтобы детальный и объективный анализ стихотворений данного поэта был внедрен в учебный процесс и расширил горизонты литературоведческих работ региональной литературы.

Основная часть

Творчество Игоря Филипповича Мамышева стало настоящим открытием в современной хакасской литературе. Игорь Филиппович родился 6 ноября 1965 г. в с. Верх-Аскиз Аскизского района Республики Хакасия в семье учителей. После окончания школы получил образование в Московском технологическом институте по специальности «Технология деревообработки». В Советской армии служил старшим оператором радиолокационного комплекса. Первые публикации Игоря Филипповича появились в 2019 г.

в интернете, газетах «Аскизский труженик», «Хакас чирі», «Контакт», журнале «Юрта», а также в альманахах «Ах Тигей» и «Сибирская лира». Сочинять поэт начал еще в детстве. Серьезно литературной деятельностью занялся уже в Доме литераторов Хакасии в 2020 г. По рекомендации соратников по перу поэт, наряду с поэтическим творчеством, освоил художественный перевод. Небольшой опыт перевода у него уже был. Игорь Мамышев переводил на хакасский язык стихотворения А. С. Пушкина – одного из самых любимых поэтов. В настоящее время в Хакасии есть острая необходимость в хакасских текстах. Игорь Филиппович, владеющий свободно двумя языками, начал создавать стихотворения на хакасском и русском языках одновременно. Автор раскрыл в себе уникальную способность сочинять стихотворения-близнецы.

Игорь Мамышев стал победителем Республиканского конкурса художественного перевода (2022), лауреатом 10-го литературно-поэтического конкурса им. М. Ф. Величко (2022), дипломантом конкурса «Пишу с поэтом. Пушкин» (2023). Его работы опубликованы в «Литературной газете» (Москва, 2023), альманахе «Енисейская Сибирь» (2023). В сборнике стихов «ZOV СЕРДЦА» (2024) вышли его переводы произведений русских, марийских и тувинских авторов на хакасский язык, а также стихотворение на хакасском и русском языках. Особое место в его творчестве занимает перевод эпического сказания Альбины Курбижековой «Ах тос кимеліг Тоолай Арыг» – «Толай Арыг на берестяной лодке» (2023). Этот перевод стал значимым вкладом в сохранение и популяризацию хакасского фольклора и стал финалистом Национальной литературной премии «Слово». В 2023 г. вышли в свет отдельные сборники стихов и переводов Игоря Мамышева: «Спираль времени», «Чирім кині» – «Ось Ойкумены». В 2025 г. был опубликован сборник стихотворений и переводов «Тигір төзі чалбыран турған» – «Пылал огнем небесный свод».

Игорь Мамышев активно работает с хакасским, русским, английским, испанским,

тувинским и татарским языками. Его творчество продолжает расширять границы литературы и объединяет культуры. Победитель Республиканского конкурса художественного перевода (2022), член Союза писателей России (2024), финалист Национальной литературной премии «Слово» (2024) [Новые лица...].

Целью данной статьи является выявление художественных особенностей стихотворений, написанных И. Ф. Мамышевым на хакасском языке, вошедших в сборник стихов и переводов «Чирім кині» – «Ось Ойкумены» [Мамышев, 2023].

В литературоведении достаточно много исследований, посвященных лирике. Л. Я. Гинзбург в своем исследовании рассматривает актуальные и коренные проблемы лирической поэзии: своеобразие лирического жанра, методы выражения авторского сознания, специфику поэтического слова, лирические стили, соотношение в них поэтической традиции и новаторства и т. д. [Гинзбург, 1974]. В своей монографии Г. Н. Поспелов отмечал, что существенные свойства лирики с наибольшей отчетливостью проявляются в медитативной лирике – произведениях, которые воспроизводят состояния и процессы внутреннего мира, имеющие самостоятельное обобщающее значение [Поспелов, 1976]. По словам известного теоретика литературы В. Е. Хализева, «магистралью лирического творчества является поэзия не ролевая, а автопсихологическая: стихотворения, являющие собой акт прямого самовыражения поэта» [Хализев, 2002, с. 352]. Далее он пишет: «Полно воспринимать лирическое произведение – это значит проникнуться умонастроениями поэта, ощутить и еще раз пережить их как нечто свое собственное. Чувства поэта становятся одновременно и нашими чувствами. Автор и его читатель образуют некое единое, нераздельное «мы» [Хализев, 2002, с. 354].

Прежде чем говорить о художественности произведений, процитируем В. Е. Хализева: «Словом «художественность» («художественное») обозначается, во-первых, включенность произведений в сферу искусства, их достоинство, ценностный аспект. Творения искусства обладают прежде всего эстетической

ценностью и без нее непредставимы» [Хализев, 2002, с. 99]. Под изучением художественных особенностей лирики понимается анализ тематики, образов, художественных приемов, формы. Эти особенности отражают индивидуальный стиль автора, его видение мира, уникальный мир внутренних переживаний и эмоций, выраженный через поэтическую форму. В статье мы постараемся продемонстрировать художественные особенности лирики И. Ф. Мамышева на примере стихотворений из сборника «Чирім кіні» – «Ось Ойкумены».

Сборник стихотворений и переводов предваряет четверостишие-обращение к хакасскому народу «Ачых чирлерде өскей халсарыг...» [Мамышев, 2023, с. 3]. Это фрагмент, взятый из стихотворения «Хайҕах» – «Оберег». Данное четверостишие имеет структуру хакаского тахпаха, в котором используется прием параллелизма. В первых двух строчках воспеваются хакаские степные ковыли и богатая орехом тайга; во второй смысловой части – обращение к своему народу, который должен сохранить себя и не умялять своей значимости среди других народов: *Ачых чирлерде өскей халсарыг, / Алгым тайгада – хузух истии. / Аймах чоннарга уйатчыл араx / Алданма, чоным, хуdyң тасты* [Мамышев, 2023, с. 32]. Данный отрывок выполняет функцию объединения с другими стихотворениями сборника. В нем заложены основные темы и мотивы стихотворений: тема народа, сохранение своей идентичности и языка; мировоззрение, традиции и обычаи хакасов.

В стихотворении «Хайҕах» – «Оберег» [Мамышев, 2023, с. 30] автор поднимает очень актуальную в наше время тему сохранения языка. Поэт обращается к своему народу: «Стремясь быть ближе к другим народам, / Себя, народ мой, не потеряй» [Мамышев, 2023, с. 33]; выражает боль и, надеясь на лучшее, посылает благопожелание: *Ала харахтыг адамның төлі, / Аннаң аңдар ла өңнен турзын!* [Мамышев, 2023, с. 32] – «Потомки древних родов хакасских / Пусть не растают в веках, как сон» [Мамышев, 2023, с. 33]. В название «Хайҕах» – «Оберег» автор вложил глубокий смысл. Для хакаского народа основной обе-

рег – это родной язык, который он должен сохранить и передать эту ценность своим детям. Стихотворение построено на стилистических приемах параллелизма и антитезы, благодаря им автор образно и ярко раскрывает основную тему. В первой части стихотворения символом языка выступает **кедр**, который, несмотря на пожар, опаливший его ствол, на личинок, съедающих его плоть, на кабана, кромсающего корни, еще жив благодаря новой поросли, выросшей из корней. Автор сравнивает язык с **доспехом** – основной защитой народа. Именно язык способен спасти народ: «Доспех народа – обычай древний, / Да песни степи, язык родной». Символика кедра не случайна в стихотворении. Кедр символизирует силу, стойкость, бессмертие, изобилие, вечность. Кедр связан с почитанием природы и родовой культурой тюркских народов, проживающих на Алтае и в Сибири.

Кедр представлен и как Дерево жизни – средоточие витальной силы, образ вечности [Топоров, 2010, с. 315–324]. Как в алтайской, так и в русской словесности частотно отождествление кедра с народом, населяющим естественный ареал обитания дерева. Этнографические материалы свидетельствуют, что представления о деревьях-тотемах, от которых ведет свое существование род, были характерны для коренных жителей Сибири [Кыпчакова, 2006, с. 134–135; Тадышева, 2018, с. 119]. Образ кедра как родословного дерева, связывающего членов рода между собой и с местом рождения, отчетливо проявился в самоидентификации алтайского поэта Б. Укачина: «Я – горного кедра колючая ветка!» [Укачин, 1987, с. 20].

Игорь Мамышев отождествляет язык с кедром и доспехом. Автор использует олицетворения: кондовые кедры «кричат безмолвно в мольбе напрасной», «Деревьям юным кормильцы корни / Даруют силы земли родной» [Мамышев, 2023, с. 31]. В стихотворении воплощена извечная национальная идея хакасов быть сплоченными: *Халых-чоннарга хада полганы / Хара чобагнаң хайҕах полчаң* [Мамышев, 2023, с. 30]. Пренебрегающий обычаями предков народ уйдет в небытие: «Плитой курганной не стать бы нам...»

[Мамышев, 2023, с. 31]. Поэт оптимистически завершает стихотворение, он желает своему «игривоглазому» роду отца процветания (досл. пер. наш. – А. К.): *Ала харахтыг адамның төлі, / Аннаң андар ла өңнен турзын!* [Мамышев, 2023, с. 32]. В стихотворении используются: метафоры: *хакас тіл тади* ‘хакасского языка сладость’; синонимы: *халых-чон, хабан-сосха*; прием антитезы: противопоставлены пара лошадей, у которых сил вдвойне больше, чем у одной кауры, и народ, который крепок в единстве, в одиночку ему не выжить (досл. пер. наш. – А. К.):

*Хостаан аттарга хости көлгені
Хыйыр чолларда күзін хосчаң.
Халых-чоннарға хада полганы
Хара чобагнаң хайгах полчаң.*

*Хаңаа тагларча чалгыс тартарда,
Хоор ат түс халар, чыргалар аң.
Хада полбаза, ирткен тустарда
Хумартхы полып, халарбыс, таң...*

Автор использует обращение, анафору, олицетворения, метафоры, которые подчеркивают главную мысль и придают выразительность и экспрессивность стихотворению.

Тема Родины отражена в стихотворении «Пар күстіг ызых орын, хайда чылтыстарны...» – «Есть сакральное место, где звезды так близко...» [Мамышев, 2023, с. 4–7]. Лирический герой – патриот своей малой Родины. Для него малая родина – Верхний Аскиз – центр мира, «сакральное место», «Ось Ойкумены», «где звезды так близко», где бежит речка Асхыс и стоит курган Чаа тас, где хребет Читі хыс подпирает небосвод [Мамышев, 2023, с. 4–7]. Это место силы для хакаса: *күстіг ызых орын* [Мамышев, 2023, с. 4] ‘сильное священное место’ (досл. пер. наш. – А. К.). Звезды так низко, что можно погладить – *сыйбирга чарир* [Мамышев, 2023, с. 4]. Автор не скупится на метафоры и олицетворения: *Ай күмүс сузынаң иркелетче сустарны / Асхыс суз күзүрөп, хыймыратча тастарны* [Мамышев, 2023, с. 4] – ‘Луна серебристыми лучами ласкает травы, / Река Асхыс с шумом сдвигает камни’ (досл. пер. наш. – А. К.). Использует прием гиперболы

при описании хребта Читі хыс: *Ўстүнде – изер пазы күнге пызыңнапча, / Тигір төзін тутча пөзік сын Читі хыс* [Мамышев, 2023, с. 6] – ‘Над курганом, сверкая двуглавой вершиной, / Небосвод подпирает хребет Читі хыс’ [Мамышев, 2023, с. 7].

Гиперболизирована и гора Сахчах, которую автор сравнивает со скандинавскими скалами: *Че, итсе, скандинавтарның пирик таглары / Чагын даа пістің тоң тасхылларга турбааннар / Хыр тигейінең тигірге чагын Сахчах!* [Мамышев, 2023, с. 6] – ‘... скандинавские гордые скалы / Показались бы путнику холмиком малым / У подошвы седого тасхыла Сахчах’ [Мамышев, 2023, с. 7].

Описание природы в творчестве И. Мамышева служит способом передачи психологических особенностей внутреннего мира поэта. Основу нравственности формирует доброе отношение к природе родного края, к родному дому.

Если обратить внимание на поэтические детали стихотворений поэта, то можно заметить, что они весьма просты и понятны простому человеку. В стихотворениях чувствуется восхищение красотами родной природы, гордость за причастность к ней и преклонение перед ней. Восхищает умение поэта передать эту красоту с помощью богатого языка. Природа малой родины для автора является чем-то священным, частью наследия предков. Для стихотворений данной тематической направленности свойственны оригинальные авторские метафоры и олицетворения, ранее не имевшие место в творчестве других поэтов и писателей: *сыбырагчы тубан* ‘колдовские туманы’; *ай иркелетче оттарны* ‘луна ласкает травы’; *Чарых күн Чаа тастарның порамзых пастарын / Иртен сай, усхун киліп, истіг чылытча* [Мамышев, 2023, с. 5–6] – ‘Яркое солнце серые вершины кургана Чаа тас / Каждое утро, проснувшись, красиво освещает’ (досл. пер. наш. – А. К.).

Поэт возвышает, гиперболизирует свою Родину – Верхний Аскиз, называет *Тилекей өргені* ‘центр мироздания’, ‘подножие Неба’, *Өөркі Тигірзер чазыттыг хаалха мында* – ‘Во Вселенную здесь сокрыты врата’ (досл. пер. наш. – А. К.). Вершины хребтов Читі

хыс и горы Сахчах высоко уходят в небо, так как «здесь находится ось Ойкумены». Тема Родины – одна из доминирующих, основных тем для автора, исходя из названия сборника «Чирім кини» – «Ось Ойкумены», которая возведена в сильную позицию. Поэт не просто любит свою Родину – он обожествляет ее.

В стихотворении «Тіріг хылларының көй» – «Песнь живых струн» [Мамышев, 2023, с. 8–9], используя метафору и олицетворение, поэт пишет о божественном даре старца Чатхана. Автор наделяет инструмент человеческими качествами, повествование идет от первого лица. Старец Чатхан рассказывает о своем происхождении: «Мое тело из плоти земной, жилы – корни деревьев, кости из гранитной скалы, кровь живая бежит из горных игривых ручьев. Я пожелал летать и научился у степного крылатого ветра и божественной душой наделенный, я свободно могу творить» (досл. пер. наш. – А. К.):

*Идім минің чайалган чирдең,
Тамырларым – агас тамырлары.
Минің сөөктерім – ник пүдістең –
Ах пастыг тасхылларның тастары.*

*Тіріг ханым ойнааны килген
Тайгадагы ойнаачы чулларнаң.
Учузгарга көңнім үзгенген –
Чазыдагы чиллер ханаттарынаң.*

*Чарых Күн чалтырама сузын
Айбаан көс-хараама сылрга.
Тигізде чайалган худымның –
Пар оңдайы ідөк ле чайирга!
[Мамышев, 2023, с. 8].*

Описанный в песне сюжет навеян древними словами, которые автор когда-то услышал и запомнил.

О творчестве, наделенном свыше, поэт пишет в другом стихотворении без названия: «Чылтыс аразында төреен...» [Мамышев, 2023, с. 10]. Мы условно это стихотворение назвали «Две души» (в газете «Хакасия» есть заголовок «Моя душа»). В стихотворении описано личное состояние души автора. Он признается в личной беседе о том, что «две души» – это синтез русского и хакасского

в нем: отец – хакас, мама – казачка, из чалдонов; билингв, свободно владеет двумя языками; имея техническое образование, после 55 лет обращается к творчеству. Соединение двух начал отражено в лирическом стихотворении.

Стихотворение состоит из двух частей. В первой части повествование идет от первого лица. Лирический герой рассказывает о родовой душе, которая была ему предназначена, «скиталась в звездной вышине и тосковала», когда же пришло время рождения, Творец присудил другую душу. Во второй смысловой части душа находит и узнает сердце своего хозяина: она «теперь скорбит». «У человека две души не может быть». Не выдержав страданий, Творец нарушил свой закон и повелел: «Так не бывало никогда, / Но если ты готов страдать, / Бери, чудак, – / Помимо первой, данной мной, / Владей крылатой ты душой. / Да будет так!» С двумя теперь через года: / Одна под стать скале – тверда, / А та – легка. / И сколь продлится жизнь моя, / Не знаю. Но сейчас, друзья, / Счастливый я!» [Мамышев, 2023, с. 15].

Глубоко личное переживание, жить с двумя душами непросто, но автор счастлив, что вернулся к своему призванию. Описывая творческую душу, поэт использует олицетворения, сравнения и эпитеты: «душа, родившись в звездной вышине, скиталась, не могла узнать, являлась иногда, скорбит»; «сердце искало, сжатое тоской, тянулось следом за душой, теснит и плачет»; *Чылыг ханадынаң сырти / Магаа теңчең* [Мамышев, 2023, с. 10] – «Как будто легким лепестком, / Касалась бархатным крылом»; «мягкое крыло»; «крылатая душа»; «Одна под стать скале, – тверда, / А та – легка» [Мамышев, 2023, с. 11–15].

Автор использует природные явления: ливень, дождь – для передачи внутренних переживаний, его духовного мира. Состояние лирического героя сравнивается с погодой, с природой. Подтверждением тому являются стихи «Дожди», «Поздней осенью». Погружаясь в историю создания стихотворения «Поздней осенью», отметим, что стихотворение возникло, когда автор в центре г. Черногорска наблюдал за подпрыгивающей

на ветру листвою. В нем лирический герой пытается понять, куда так спешат листья. Оказывается, что «листва сорвалась с веток / Надеясь вновь вернуть зеленый цвет», «стремглав летит наивная листва» за Ветром-пилигримом, за молодостью [Мамышев, 2023, с. 25]. Поэт рассказывает о быстротечности и наивности молодости, используя олицетворения и метафоры.

Стихотворение «Наңмырлар» – «Дожди» [Мамышев, 2023, с. 22–23] поднимает национальные проблемы сохранения обычаев в их первозданном виде. Текст можно условно поделить на две смысловые части. В первой части поэт описывает затяжной дождь с градом, грозу. Лирически герой, который не любит затяжные дожди, описывая свое состояние, передает его через образ осени, олицетворяя ее: *Күскү, хомзынып, орныхча, / Теес чох тустарда, / Харахтың чазын чайдырча / Чазы-тагларда* [Мамышев, 2023, с. 22] – ‘Не в духе осень, / Над всей землею слезы льет – / Горюет очень’ [Мамышев, 2023, с. 23]. Во второй части говорится об основной причине ненастной погоды, указывая на то, что народ не соблюдает установленные сроки для проведения обрядов *тайыг*. В этом стихотворении можно обнаружить разговорную, эмоционально сниженную лексику: «по крыше лупит град», «вор погоду тырит».

Поэт часто обращается к образу Осени. «Осенью земная жизнь немного замедляется, появляется больше времени для творчества», – говорит автор. Совсем другое отношение у автора к летним ливням. Стихотворение «Ливень» – «Чүзе наңмыр» [Мамышев, 2023, с. 40–43] было написано под впечатлением сильного ливня, который шел стеной и очаровал автора. Поэт восхищается этой стихией. Ливень он сравнивает с натиском кавалерии, летучим отрядом – кирасирами (всадники в латах), которые освобождают мир от *Ирлік хана* – подземного царя, иноземного захватчика в образе изнывающей жары. Как и многие другие стихотворения поэта, оно имеет две части. Вторая часть передает восторг автора: «Лишь поэзии муза полна / Упоенья жестокого боя! / И поет ее лиры струна / О победе прохлады над зноем!» [Мамышев, 2023, с. 42].

В переводе на хакасский язык автор заменил лиру на чатхан. Уточним, что данное стихотворение первоначально было написано на русском языке, перевод был сделан позже, в отличие от предыдущих стихотворений, которые писались одновременно на двух языках и объединены разделом «Билингва».

В стихотворении «Халғанчы көртүк» – «Последний сугроб» [Мамышев, 2023, с. 34–37] автор поднимает философские темы смысла жизни, вечности бытия и продолжения рода. В начале стихотворения автор иронически описывает образ сугроба, его изменения, трансформацию, присутствует и трагичность жизни сугроба, но с положительным финалом. Поэт олицетворяет сугроб, раскрывая его образ, использует: метафоры («сугроб-пломбир»); сравнения: *Хыс тооза ол, хан-тигчили, чатты, / Пидейтин харнын, / Сырайы даа, учазы даа полды / Аппагас аның. / Сагам, тізең, саңай түрөп парды, / Күнни-илханны / Хайдар-хайдар сөккөп парча амды, / Чидіріп чанын* [Мамышев, 2023, с. 34] – ‘Зимой, как князь-боярин, возлежал, / Белея брюхом, / Был бел с лица, и спину укрывал / Лебяжьим пухом.’; прием антитезы: «А ныне черным, ноздреватым стал, / Судьбу-проруху, / На солнце злобась, горько проклинал, / Прощаясь с духом». Финал стихотворения оптимистичный и содержит в себе основную мысль: «Сугроб, перед кончиной разомлев, / Грустит, конечно. / Но в этом мире свой оставит след / Всяк, неизбежно: / По-детски распахнув глаза на свет, / Пророс подснежник» [Мамышев, 2023, с. 35]. Поэт вселяет надежду и радость в читателя – жизнь продолжается в наших детях. Во второй части стихотворения автор повествует о себе. Он надеется на то, что не только дети продолжат его род, но и память о нем будет жить в стихах. И вновь автор использует прием параллелизма: жизнь сугроба и жизнь поэта.

Тема сохранения природы и взаимоотношений природы и человека поднимается в стихотворении-обращении «Орай полбазын...» – «Не опоздать бы...» [Мамышев, 2023, с. 28–29]. Автор в стихотворении напоминает человечеству о забытой связи с Природой. Мы, дети Природы, забыли о ее материнской заботе и ценить то, что она нам дарует. Вместо

этого мы без разрешения берем и разрушаем, не задумываясь о последствиях.

Олицетворяя природу, автор наделяет ее материнскими качествами: *Іңе палазына чабалынар за? / Ачынып, Чир-чайаан кўлімзірепче, / Ол кізінің хыйгаагарын сахтапча, / Че пірсінде сыдас полбас паза* [Мамышев, 2023, с. 28] – ‘Но сердце матери все верит в чудеса: / С тоской и горькой, любящей улыбкой / Она глядит на нас с надеждой зыбкой, / Ждет – человек одумается сам’ [Мамышев, 2023, с. 29].

В лирике И. Мамышев обращается к нравственно-философским размышлениям о быстротечности и смысле жизни, о бытии, о назначении поэта и о поисках своего места в этом мире, о счастье, об отношении к малой Родине. Важными темами его поэзии являются: тема любви к Родине, тема истории и сохранения языка, обычаев и традиций хакасского народа, тема сохранения природы и взаимоотношений природы и человека, тема быстротечности молодости, вечности бытия и продолжения рода. Образ лирического «я» сопоставим с самим автором, он явно и незримо присутствует во всех стихотворениях. Поэтические произведения И. Мамышева насыщены яркими образами, среди которых выделяются: образ матери-Природы, образ Осени, образ старца Чатхана, образ легкокрылой души, образ языка-кедра, образ поэта и др. В стихотворениях наиболее частотны художественно-изобразительные средства: олицетворения, метафоры, сравнения и эпитеты. Особое место занимают и стилистические приемы параллелизма и антитезы, при помощи которых автору удается полнее раскрыть образы. Использование анафор, точных рифм и четкой ритмики, метафор и параллелизмов позволяет найти общие черты с фольклорными произведениями. Стихи поэта-билингва, написанные в разделе «Билингва», создавались одновременно и в основном идентичны по ритмике, стихотворному размеру, способу рифмовки, образам и смысловому содержанию. Любое стихотворение, по признанию самого поэта, рождается благодаря хорошей рифме: «При создании сти-

хотворения рифма диктует тему. Новая рифма рождает новую тему».

Заключение

Первая четверть XXI в. характеризуется усилением внимания народов к своей истории, традициям, обычаям, сохранению языка, литературному и культурному наследию, обозначается философским отношением к Родине, окружающей среде, жизни. В своем творчестве Игорь Мамышев проявляет активную гражданскую позицию. Им созданы лирические произведения, посвященные Родине. Поэт задается животрепещущими вопросами, поднимает проблему сохранения языка, традиций и обычаев. С целью более точного и полного выражения своих чувств, переживаний автор использует различные художественные средства – олицетворения, сравнения, метафоры, прибегает к употреблению синонимов и стилистических приемов параллелизма, антитезы и т. д.

Таким образом, исследование творчества И. Мамышева, занимающего особое место в истории хакасской поэзии, позволило сделать следующие обобщающие выводы:

1. Поэзия И. Мамышева точно передает внутренний мир, состояние души поэта.
2. Обогащая хакасскую литературу жизненными произведениями, И. Мамышев вносит достойный вклад в развитие лирического стихотворения.
3. Актуальные темы, составляющие основу поэзии, – малой Родины, языка, народа, смысла жизни – автор раскрывает с помощью психологических и философских параллелей.
4. Мастерство владения литературным словом, удачное использование художественных образов и средств свидетельствуют о богатстве и своеобразии поэтического языка автора.

Литература

- Гинзбург Л. Я. О лирике. 2 изд., доп. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
- Кошелева А. Л. Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийского народа.

- зийской культуры: генезис, поэтика, типология. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008. 182 с.
- Кыпчакова Л. В.** К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 3. С. 130–136.
- Мамышев И. Ф.** Чирім кіні: кибелістер паза тілбестеглер чыындызы = Ось Ойкумены: сборник стихов и переводов. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2023. 104 с.
- Новые лица в Хакасском региональном отделении Союза писателей России // Министерство культуры Республики Хакасия [Электронный ресурс]. URL: <https://culture19.ru/> (дата обращения: 06.11.2025).
- Поспелов Г. Н.** Лирика: Среди литературных родов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 208 с.
- Тадышева Н. О.** Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 118–123. <https://doi.org/10.17223/19988613/51/17>
- Топоров В. Н.** Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукопис. памятники Древней Руси. 2010. 496 с.
- Укачин Б. У.** Избранное: стихотворения и поэмы / пер. с алт. М.: Худож. лит., 1987. 334 с.
- Хализев В. Е.** Теория литературы. М.: Высшая шк., 2002. 437 с.
- Kosheleva A. L.** Liricheski mir khakasskoi poezii v kontekste dukhovnikh pamyatnikov yevraziiskoi kulturi: genezis, poetika, tipologiya [The lyrical world of Khakass poetry in the context of spiritual monuments of Eurasian culture: genesis, poetics, typology]. Abakan, Khakass Publishing House, 2008, 182 p. (In Russian)
- Mamyshev I. F.** Chirim kini: kibelister paza tilbestegler chiindizi = Os Oikumeni: sbornik stikhov i perevodov [The axis of the ecumene: collection of poems and translations]. Abakan, House of Writers of Khakassia, 2023, 104 p. (In Russian and Khakass)
- Novie litsa v Khakasskom regionalnom otdelenii Soyuza pisatelei Rossii [New faces in the Khakass Regional Branch of the Writers' Union of Russia]. The Ministry of Culture of the Republic of Khakassia. [Electronic resource] URL: <https://culture19.ru/> (date of access: November 06, 2025). (In Russian)
- Pospelov G. N.** Lirika: Sredi literaturnikh rodov [Lyrics: among literary families]. Moscow, Moscow State University Press, 1976, 208 p. (In Russian)
- Tadysheva N. O.** Otrazhenie kulta dereva v traditsionnom mirovozzrenii tyurkov Sayano-Altaya [Reflection of the tree cult in the traditional worldview among the Turks of the Sayan-Altai]. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2018, no. 51, pp. 118–123. (In Russian)
- Toporov V. N.** Mirovye derevo. Universalnye znakovye kompleksi. T. 2. [The World Tree. Universal sign complexes. Vol. 2]. Moscow, Manuscript Monuments of Ancient Russia, 2010, 496 p. (In Russian)
- Ukachin B. U.** Izbrannoe: stikhotvoreniya i poemi [Selected works: poems and verses]. Translated from Altai. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1987, 334 p. (In Russian)

References

- Ginzburg L. Ya.** O lirike [About lyrics]. 2nd edition, add. l. Soviet writer, 1974, 408 p. (In Russian)
- Khalizev V. E.** Teoriya literatury [Theory of literature]. Moscow, Higher School of Economics, 2002, 437 p. (In Russian)
- Kipchakova L. V.** K voprosu o kulte derevev u altaitsev [On the question of the cult of trees among the Altai people]. *Siberian Pedagogical Journal*. 2006, no. 3, pp. 130–136. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулов Алексей Гаврилович – независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Канзычакова Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

Каташев Максим Степанович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Ли Цзиньсю – профессор Института древней истории Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Сарбашева Сурна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Чебочакова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, заведующая сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САЯНО-АЛТАЯ

№ 4 (48) 2025

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

No. 4 (48) 2025

Исторические науки / Historical Sciences
Филологические науки / Philological Sciences

Редактор *Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел. / факс: +(3902) 244-354, 243-039.
Email: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 10.12.2025.
Формат 60 х 84 1/8.
Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 12,55.
Тираж 100 экз. Заказ № 510.
Дата выхода в свет 14.12.2025.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.